

ISSN 2658-5294

Фольклор

структура, типология, семиотика

Научный журнал
Основан в 2018 г.

Folklore

Structure, Typology, Semiotics

Academic Journal
Founded in 2018

Том 8
№ 4
2025

Folklore: Structure, Typology, Semiotics

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year. ISSN 2658-5294

Founder and Publisher – Russian State University
for the Humanities (RSUH)

“Folklore: structure, typology, semiotics” is included: in Scopus base (since 2024); in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.4. Folklore Studies (Philology Sciences)

The mission of our journal is to assist the discussion of issues of contemporary theoretical folklore studies, in which Russian academia has traditionally been quite successful. The journal is aimed at studying folklore as a base form of sociocultural communication, which is closely related to, on one hand, understanding the processes of ethnic identification, and, on the other hand, the problems of the cognitive sciences which dwell upon the mechanisms of acquiring, processing, preserving and transferring knowledge. Papers published in the journal focus on studying oral traditions and ritual practices, archaic mythology and its contemporary modifications, interdisciplinary studies in these matters.

The journal accepts original submissions by authors from Russia and worldwide, short essays “from the desk”, papers in history of folklore studies (especially concerning the lesser known or unknown episodes of such), essays on world folklore, field and archive materials, reports of academicals events, reviews and reports, bibliographies, developments in software and methodology for graduate programs in folklore studies.

“Folklore: structure, typology, semiotics” is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-72806 of 17.05.2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel.: +7 495 250 69 31

e-mail: journal_folklore@rggu.ru

Фольклор: структура, типология, семиотика

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год. ISSN 2658-5294

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал индексируется в Scopus (с 2024 г.); включен в систему Российской индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.4. Фольклористика (Филологические науки)

Миссия журнала – содействовать обсуждению вопросов современной теоретической фольклористики, в которой российская интеллектуальная традиция имеет достаточно сильные позиции. Журнал ориентирован на исследование фольклора как базовой формы социокультурной коммуникации, что тесно связано с пониманием процессов этнической идентификации, с одной стороны, и с проблемами наук когнитивного цикла, занимающихся механизмами получения, обработки, хранения и передачи знания, – с другой. На страницах журнала публикуются материалы, посвященные изучению устных традиций и ритуальных практик, архайческой мифологии и ее модификаций в новейшее время, рассмотрению данных проблем в междисциплинарном поле.

Журнал принимает к изданию оригинальные статьи российских и зарубежных авторов, краткие сообщения «с рабочего стола» исследователя, публикации по истории фольклористики (особенно – о ее малоизвестных и неизвестных страницах), очерки о фольклоре народов мира, полевые и архивные материалы, рассказы о событиях научной жизни, рецензии и обзоры библиографии, разработки программного и методического обеспечения вузовских курсов по данной дисциплине.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72806 от 17.05.2018

Адрес редакции: 125047, 25047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

тел.: +7 495 250 69 31

электронный адрес: journal_folklore@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Florentina Badalanova-Geller, PhD, professor, The Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland; University College London, London, United Kingdom

Olga Belova, Dr. of Sci. (Philology), The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yuri Berezkin, Dr. of Sci. (History), professor, European University at St. Petersburg; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Victoria Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*scientific editor*)

Liudmila Ermakova, Dr. of Sci. (Philology), professor emeritus, Kobe City University of Foreign Studies, Kobe, Japan

Carlo Ginzburg, professor, Scuola Normale Superiore, Pisa, Italia

Nikolai Kazansky, Dr. of Sci. (Philology), academician of the RAS, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Olga Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Andrey Moroz, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University; Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yulia Naumova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive editor*)

Victoria Novikova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor for English texts*)

Nikita Petrov, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Jonathan Roper, PhD, University of Tartu, Tartu, Estonia

Nadezhda Rychkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Yana Savitskaya, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive editor*)

Boris Uspensky, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University, Moscow, Russian Federation

Hans-Jörg Uther, Dr. of Sci. (Philology), professor, Brüder Grimm-Gesellschaft, Kassel, Germany

Ülo Valk, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Tartu, Tartu, Estonia

Executive editor:

Victoria Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и изатель
Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

Главный редактор

С.Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Флорентина Бадаланова-Геллер, доктор философии, профессор, Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии; Университетский Колледж в Лондоне; Лондон, Великобритания

Ольга Белова, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

Юрий Березкин, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Уло Валк (Ülo Valk), доктор филологических наук, профессор, Тартуский университет, Тарту, Эстония

Карло Гинзбург (Carlo Ginzburg), профессор, Высшая нормальная школа, Пиза, Италия

Людмила Ермакова, доктор филологических наук, заслуженный профессор, Университет иностранных языков города Кобе, Кобе, Япония

Николай Казанский, доктор филологических наук, академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Андрей Мороз, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Юлия Наумова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор*)

Виктория Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор английских текстов*)

Никита Петров, кандидат филологических наук, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Джонатан Ропер (Jonathan Roper), доктор философии, Тартуский университет, Тарту, Эстония

Надежда Рычкова, кандидат филологических наук, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация (ответственный секретарь)

Яна Савицкая, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (выпускающий редактор)

Борис Успенский, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Ганс-Йорг Утер, доктор философии, профессор, Общество Братьев Гримм, Кассель, Германия

Ольга Христофорова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Виктория Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (научный редактор)

Ответственный за выпуск:

Виктория Черванёва, кандидат филологических наук (РГГУ)

Содержание

Статьи

ПЕСНЯ: ЖИЗНЬ В ТРАДИЦИИ

Душенко К.В.

«Виновата ли я»: старый роман и современная песня 12

ЭПОС: СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Селеева Ц.Б.

Цикл «Джангара» Ээлян Овла
в синьцзян-ойратской традиции:
к вопросу об отношениях между версиями эпоса 41

Совдагарова М.Р.

Монгольские благопожелания (юролы)
и восхваления (магтаалы):
использование заимствованной лексики 61

Абакиров К.А., Кулалиева К.О.

Сюжетно-тематический указатель эпоса «Эр Тёштюк» 80

ТЕКСТЫ И ПРАКТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Гаврилова М.В.

«Пионера враги расстреляли,
но той песни убить не смогли»: гордость и скорбь
в наивной поэзии о Мусе Пинкензоне 99

Адоньева С.Б.

Питомцы и практики досуга: *сторги* 130

Душакова Н.С.

Как сохранить цифровую память: об архивации,
доверии и электронных базах данных 145

Рецензии и обзоры

Каракулов А.Н.

Рецензия на книгу: *Иванова О.В.* Музикальный фольклор
Вознесенского района Нижегородской области /
с приложением на цифровом многоцелевом диске
(Digital Versatile Disc). М.: БуксМАрт, 2022. 176 с. 160

- Басангова Т.Г.*
Рецензия на книгу: *Манджиева Б.Б.*
Калмыцкий героический эпос «Джангар»:
эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева.
Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 412 с. 173
- Туранская А.А.*
Рецензия на книгу: *Цендина А.Д.*
Жизнь, отраженная в текстах: народная магия монголов
(конец XVI – начало XX в.): Приметы, сонники,
гадательные книги, обереги, заклинания, моления.
М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2024. 536 с.
(Orientalia et Classica; вып. 9) 181
- Агеева Д.А.*
Рецензия на книгу: *Гучинова Э.-Б.М.*
У каждого своя Сибирь: Рассказы калмыков о ссылке.
М.: ИЭА РАН, 2024. 466 с. 186

Научная жизнь

- Белодедова М.Г.*
Круглый стол «Легенда о “диком (снежном) человеке”» 193

Contents

Papers

SONG: LIFE IN TRADITION

Dushenko K.V.

- “Am I to blame”: an old romance and a modern song 12

EPIC: PLOT STRUCTURE AND INTERCULTURAL RELATIONS

Seleeva Ts.B.

- “Dzhangar” cycle by Eelyan Ovla
in the Xinjiang-Oirat tradition: On the question
of the relationship between the versions of the epic 41

Sovdagarova M.R.

- Mongolian well-wishes (*yurol*)
and praising poems (*magmaal*): the usage of lexical borrowings 61

Abakirov K.A., Kulalieva K.O.

- Plot and thematic index of the epic Er Töshtük 80

TEXTS AND PRACTICES OF THE CONTEMPORARY ERA

Gavrilova M.V.

- “The enemies shot the pioneer, but they could
not kill his song”: pride and sorrow
in naive poetry about Musa Pinkenzon 99

Adonyeva S.B.

- Pets and leisure practices: *storge* 130

Dushakova N.S.

- How to preserve digital memory:
On archiving, trust, and electronic databases 145

Reviews

Karakulov A.N.

- Book review: *Ianova O.V. Muzykal’nyi fol’klor Voznesenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti / s prilozheniem na tsifrovom mnogotselevom diske* (Digital Versatile Disc)
[Musical folklore of the Voznesensky district
of the Nizhny Novgorod region / with an appendix
on a Digital Versatile Disc], Moscow: BuksMArt, 2022 160

- Basangova T.G.*
Book review: *Mandzhieva B.B.*
Kalmyskii geroicheskii epos «Dzhangar»:
epicheskii repertuar dzhangarchi Teltya Lidzhieva
[The Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: The epic repertoire
of dzhangarchi Teltya Lidzhiev], Elista:
KalmNTs RAN, 2024. 412 p. 173
- Turanskaya A.A.*
Book review: *Tsendina A.D.* Zhizn', otrazhennaya
v tekstakh: narodnaya magiya mongolov (konets XVI –
nachalo XX v.): Primety, sonniki, gadatel'nye knigi,
oberegi, zaklinaniya, moleniya [Life reflected in texts.
Folk magic of the Mongols (late 16th to early 20th century).
Omens, dream books, fortune-telling books, amulets,
spells, and prayers], Moscow: Izdatel'skii dom
Vyshei shkoly ekonomiki, 2024. 536 p.
(Orientalia et Classica; iss. 9) 181
- Ageeva D.A.*
Book review: *Guchinova E.-B.M.*
U kazhdogo svoya Sibir': Rasskazy kalmykov
o ssylke [Everyone has their own Siberia. Kalmyks' stories
about exile], Moscow: IEA RAN, 2024. 466 p. 186

Scientific Life

-
- Belodedova M.G.*
Round table “The Legend of the wild (snow) man” 193

Статьи

ПЕСНЯ: ЖИЗНЬ В ТРАДИЦИИ

УДК 784.3

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-12-40

«Виновата ли я»: старый роман и современная песня

Константин В. Душенко

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, kdushenko@nln.ru*

Аннотация. В статье исследуется происхождение песни «Виновата ли я» и ее дальнейшая эволюция вплоть до нашего времени. Раннее упоминание о песне датируется 1956 г. Ее мелодия самостоятельна, а текст ранней версии восходит к трем источникам: 1) роман «Виновата ли я?» (1865), изданный под именем «Анна Р.»; 2) роман-ответ «Виновата кругом!» В. Сулковского (1886); 3) анонимный шантаный куплет середины 1910-х гг. В результате контаминации возникла диалогическая композиция. В романсе рассказывается история о кокетке, которая искусно играет чувствами мужчины и в конце концов губит его; в песне, по устойчивой фольклорной традиции, страдающим персонажем стала девушка. В песне главенствует мотив самоценности любви, который в народную песню пришел из поэзии сентиментализма и романтизма. Но если ранняя версия – протяжная лирическая, то позднейшие все больше походят на быструю плясовую. В «мужской версии», появившейся в конце 2010-х гг., гендерные роли персонажей инвертированы.

Ключевые слова: бытовой роман, застольные песни, гендерный аспект, В. Сулковский

Дата поступления статьи: 9 июня 2024 г.

Дата обновления рецензентами: 9 ноября 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Душенко К.В. «Виновата ли я»: старый роман и современная песня // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 12–40. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-12-40

“Am I to blame”:
an old romance and a modern song

Konstantin V. Dushenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, kdushenko@nln.ru*

Abstract. The article examines the origins of the song “Am I to blame.” and its further evolution up to our time. The earliest mention of the song dates back to 1956. The melody of the song is independent, and the text of the early version goes back to three sources: 1) the romance “Am I to blame?” (1865), published under the name “Anna R.”; 2) romance-response “It’s all your fault!” by V. Sulkowski (1886); 3) anonymous chant verse from the mid-1910s. The contamination of these sources resulted in a dialogic composition. The romance tells the story of a coquette who skillfully plays with a man’s feelings and ultimately destroys him; in the song, according to a stable folklore tradition, the suffering character was a girl. The song is dominated by the theme of the intrinsic value of love which entered the folk song tradition from the poetry of sentimentalism and romanticism. While the early version is a drawn-out lyrical one, then the later ones increasingly resemble a fast dance one. In the “male version”, which emerged in the late 2010s, the gender roles of the characters are inverted.

Keywords: everyday romance, drinking songs, gender aspect, V. Sulkowski

Received: June 9, 2024

Approved after reviewing: November 9, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Dushenko, K.V. (2025), “‘Am I to blame’: an old romance and a modern song”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 12–40, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-12-40

Автор ставил своей целью указать источники текста песни «Виновата ли я» и проследить ее эволюцию вплоть до нашего времени. Для решения этих задач по возможности широко привлекается художественная, очерковая и мемуарная литература, в которой отражено бытование песни и одноименного романса.

* * *

В очерке Евгения Добровольского о городе Гусь-Хрустальном конца 1960-х гг. читаем: «...По ночам молодые голоса выводили и каблуками, каблуками приколачивали в бетонные плиты перекрытий: “Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что

люблю...” Еще пели <...> “Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя...” Других песен не было¹.

А вот свидетельство современного блогера: «Если кто помнит застолья 70–80-х, то, наверное, первой песней, исполняемой в этих торжественных случаях, вспомнится песня о несчастной любви “Виновата ли я”»². В Рунете выставлено не менее полусотни версий ее исполнения.

Всеобщую известность песня получила сравнительно поздно, в 1961 г., когда на экраны вышел фильм «Тучи над Борском» (реж. Вас. Ордынский, сцен. С. Лунгина и И. Нусинова). Этот фильм, снятый в рамках очередной антирелигиозной компании, запомнился зрителям, в отличие от прочих подобных лент. В современных отзывах о нем звучат такие слова, как «триллер», «нуар», «саспенс», упоминается даже имя Хичкока.

Директор школы случайно подслушивает объяснение старшеклассницы в любви однокласснику; девушки порицают за «аморальное поведение». Она вступает в общину сектантов, а в финале едва спасается от распятия, которому «за грехи» решила подвергнуть ее община. Песня звучит в середине фильма. Девушка, только что решившая переменить свою участь и вступить в sectу, медленно идет к речному парому, а где-то вдали мужской дуэт под гитару с балалайкой поет песню, которая перекликается с душевным состоянием героини:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню свою?
(Две последние строчки куплетов повторяются)

Говорил при луне, при ночной тишине:
«Ты не спи, дорогая, не спи!
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят...»

Виновата сама, виновата во всем,
Еще хочешь себя оправдать!
Так зачем же тогда в эту лунную ночь
Позволяла себя целовать?

¹ Добровольский Е. Гусь козе не товарищ // Смена. 1995. № 10. С. 10.

² КАМАС. «Виновата ли я» (1960 г.) 22.08.2021. URL: https://cont.ws/@kamas/2067177?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 10.01.2024).

Виновата ли я, виновата ли я,
 Виновата ли я, что люблю?
 Виновата ли я, что мой голос дрожал,
 Когда пела я песню свою?

Благодаря фильму именно киноверсия текста стала на некоторое время (вероятно, до 1970-х гг.) основной. Ее мы далее будем называть ранней за неимением других полных версий, надежно датируемых периодом до 60-х гг.

Музыку к фильму «Тучи над Борском» написал Алексей Муравлев (1924–2023). Сам он на склоне лет сообщал две противоречивые версии об авторстве песни. Согласно первой, песню он услышал во время съемок фильма, которые проходили в небольших городках Нижегородской и Рязанской областей. Согласно второй версии, «слова были написаны одним малоизвестным бардом, а я сочинил для нее музыку»³. В Рунете даже указывается предположительное имя этого барда: Феликс Данилович Даллада (1929–1981), ранний представитель авторской песни⁴. Ему же приписывают авторство песни «Расцвела сирень в моем садочке»⁵. Верной следует считать первую версию: композитор аранжировал народную, хотя и сравнительно новую песню.

Советские культурные власти по меньшей мере настороженно относились к бытовому романсу с его апологией частного, интимного. Даже в 1980 г., когда уже полным ходом шла реабилитация «старинного» романса, один из виднейших деятелей советской эстрады Александр Конников писал, что этот романс «обладает <...> свойством одурманивать, уводить от действительности»⁶. Песня «Виновата ли я», как будет показано ниже, выросла из бытового романса и сохранила его родовые черты, не имея за собой индульгенции, которой пользовались тексты, уже укоренившиеся в культурной традиции. В советское время она, несмотря на свою широчайшую известность, не исполнялась в концертах, не звучала по радио, не записывалась на пластинки

³ Алексей Муравлев. Штуки-дрюки. Stuki-druki.com <2023>. URL: <https://stuki-druki.com/authors/muravlev-alexey.php?ysclid=lt33nprcsu439478799> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Например: Виновата ли я // Blatata.Com – биографии, тексты песен, авторские статьи и обзоры дисков. URL: <https://blatata.com/pesni/34255-vinovata-li-ja.html?ysclid=m6kqvozey1319458537> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ Даллада // Bards.ru. URL: <http://www.bards.ru/archives/author.php?id=106> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ Конников А.П. Мир эстрады. М.: Искусство, 1980. С. 119–120.

и не включалась в песенники. Официальная культура ее как бы не замечала.

Нам известно лишь одно упоминание о концертном исполнении песни в СССР. Состоялось оно в 1979 г. в Большом зале Московской консерватории, но при весьма специфических обстоятельствах. На праздновании юбилея профессора В.Г. Соколова выступили эстрадные артисты Вадим Тонков и Борис Владимиров, известные как комический дуэт двух старушек – Вероники Маврикиевны и Авдотьи Никитичны. В детстве они пели в хоре под управлением Соколова, а песню исполнили в старушечьем амплуа⁷.

* * *

Три первоначальных куплета песни восходят к трем разным источникам. Первый из них указан в недавней заметке Сергея Федосова-Макарова⁸. Это романс «Виновата ли я?», изданный в Петербурге с датой цензурного разрешения 15 февраля 1865 г.¹⁰ На титуле значилось: «Музыка Анны Р.», причем после инициала следуют девять крестиков – вероятно, опущенные буквы фамилии. Немногочисленные в России XIX в. женщины-композиторы принадлежали к разряду сочиняющих исполнителей – пианисток, певиц, скрипачек [Иванова 2010, с. 563]. Но они, как правило, публиковались под собственным именем.

Слова, по-видимому, также принадлежали Анне Р.: автор текста романса, написанного композитором на чужие слова, обычно

⁷ Ольхович Е. В гостях у В.Г. Соколова // Советская музыка. 1979. № 5. С. 133.

⁸ Федосов-Макаров С. Виновата ли я // Проза.ру. 2023. URL: <https://proza.ru/2023/04/03/986?ysclid=lgwmg8k9ur613818612> (дата обращения: 10.01.2024).

⁹ Виновата ли я? : Романс для голоса с ф.-п.; h-f.2 / Муз. Анны Р... СПб.: Бернард, ценз. 1865. 3 с.

¹⁰ В книготорговом каталоге Бернарда, помещенном в одном из изданий романса «Ты вспомни обо мне» Н.Г. фон Дервиза, упоминается романс Р. (А.) «Виновата ли я?». Цензурное разрешение романса Дервиза было выдано 11 апреля 1853 г. (Ты вспомни обо мне: Романс / Муз. Н.Г. Дервиза. СПб.: Бернард, ценз., 1853. С. 3). Федосов-Макаров (Федосов-Макаров С. Виновата ли я // Проза.ру. 2023. URL: <https://proza.ru/2023/04/03/986?ysclid=lgwmg8k9ur613818612> (дата обращения 10.01.2024)) поэтому предположил, что романс «Виновата ли я» имеет более давнюю историю. Но дата 11 апреля 1853 г. не относится к каталогу Бернарда; в нем, среди прочего, значится романс Цезаря Кюи «Так и рвется душа...», сочиненный в 1858 г.

указывался на титуле или в нотах. То, что романс написан от лица женщины, лишь подтверждает это предположение.

Стихотворный размер романса почти совпадает с размером песни, но сюжет ее совершенно другой. Это история о кокетке, которая искусно играет чувствами мужчины и в конце концов губит его.

Виновата ли я, если взгляд мой зажег
В его сердце кипучую кровь,
Если в речи моей он подслушал намек,
Так, шутливый намек на любовь!
Если сам всей душой полюбил он меня,
Виновата ли я?

Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда слушал он песню мою,
И глядел на меня, и глубоко взыхал,
И томил только душу свою;
Что ему полюбилась так песня моя,
Виновата ли я?

Виновата ли я, что случайно впопыхах
Я склонилась к нему на плечо,
В тот же миг на моих незакрытых устах
Поцелуй прозвучал горячо;
Если я поцелуй возвратила шутя,
Виновата ли я?

Виновата ли я, что он после того
Всюду следовал тенью за мной;
Что наскучили мне посещенья его,
Когда мне приглянулся другой;
Что погиб он вдали, укоряя меня,
Виновата ли я?

Романс Анны Р., как нам представляется, стоял выше среднего уровня тогдашней романской продукции. Закольцованные композиции строфы (зачин и рефрен повторяются) хорошо известна в лирической поэзии. Из наиболее известных к тому времени романсов с такой композицией стоит назвать чрезвычайно популярные в 1860-е гг. романсы Евдокии Ростопчиной «Когда б он знал!» (1830, опубл. в 1841 г.¹¹) и романс А. Даргомыжского на стихах Ф. Миллера «Мне все равно» (1859).

¹¹ Этот роман, в свою очередь, был переложением стихотворения француженки Марселины Деборд-Вальмор *S'il l'avait su!* (1825) с той же закольцовкой композицией.

Выбранный Анной Р. размер был не вполне обычен, тем более для автора-дилетанта: анапест с мужскими рифмами и чередованием 4- и 3-стопных строк. Этот размер, введенный Жуковским в знаменитой балладе «Замок Смальгольм» (1822)¹², долгое время считался балладным по-преимуществу. Такой «романсовый» поэт, как Фет, написал всего два лирических стихотворения тем же размером, причем лишь одно было написано до 1865 г. («Благовонная ночь, благодатная ночь», 1857). В сборнике М. Петровского и В. Мордерер¹³, где представлены почти четыре сотни наиболее популярных бытовых романсов рубежа XIX–XX вв., нет ни одного, написанного этим размером. Нет их и в двухтомном собрании песен русских поэтов¹⁴.

Анапест с мужскими окончаниями соответствует ритму вальса (3/4). Вальс на мелодию Анны Р. написал известный петербургский музыкант Иван Черлицкий. И.К. Черлицкий умер в Петербурге 6 июня 1865 г., меньше чем через четыре месяца после публикации романса; извещение об издании вальса появилось в № 1 «Современника» за 1866 г.¹⁵ А значит, либо вальс был написан незадолго до смерти композитора, либо Черлицкий ознакомился с романсом еще до его публикации – если, например, допустить, что Анна Р. была его ученицей.

К концу XIX в. насчитывалось не менее девяти нотных изданий романса, четыре из них – на музыку других авторов: Л.Ф. Энгеля (1872), В.В. Соколова (1874), М.М. Зубова (1881) и А.И. Черлицкого (1891), сына И.К. Черлицкого¹⁶.

По оценке московского музыковеда Василия Кузьмина¹⁷, к которому обратился автор настоящей статьи, музыка Анны Р.

¹² «До рассвета поднявшись, коня оседлал / Знаменитый Смальгольмский барон» и т. д.

¹³ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков / сост. В. Мордерер, М. Петровский. СПб.: Герань, 2005. 310 с.

¹⁴ Песни русских поэтов: В 2 т. / сост. В.Е. Гусев. Л.: Советский писатель, 1988. Т. 2. 622 с.

¹⁵ Новые музыкальные сочинения в магазине М. Бернарда // Современник. 1866. № 1. С. 2 (Приложение).

¹⁶ Виновата ли я?: Романс / Муз. Л.Ф. Энгеля. СПб.: Битнер, ценз. 1872; Соколов В.Т. Виновата ли я?: песня: для меццо-сопрано или баритона / муз. В. Соколова. М.: Юргенсон, ценз. 1874; Зубов М.М. Виновата ли я?: Романс для сопрано с сопровожд. ф.-п. СПб.: Юргенсон, ценз. 1881; Черлицкий А. Виновата ли я // Альбом любимых русских романсов: (20 номеров): Для сопрано с фп. М.: Юргенсон, ценз. 1891. С. 64–67.

¹⁷ Кузьмин В. Анализ музыки различных изданий романса «Виновата ли я?» (1865) и романса «Виновата кругом!» (1886) // Фольклор

наиболее безыскусна по сравнению с музыкой позднейших авторов; ее фактура очень проста – и у вокала, и у фортепианного сопровождения¹⁸. Это, как мы полагаем, немало способствовало включению салонного романса Анны Р. в городской песенный репертуар.

Женщине в романсе Анны Р. принадлежит инициирующая и главенствующая роль, что весьма необычно. В лирике XIX в. (не только русской) такие женские образы – прерогатива поэтов-мужчин; женская лирика – почти исключительно «страдательная», и таков же репертуар русского «женского» романса.

В 1880 г. романс был включен в песенник, но почему-то без второго куплета¹⁹. Между тем двустишие «Виновата ли я, что мой голос дрожал, / Когда слушал он песню мою» – единственные строки романса, принятые во всех вариантах народной песни.

Сохранилось немало свидетельств популярности романса. В 1868 г. обозреватель «Петербургских ведомостей», побывавший на концерте Дмитрия Агренева-Славянского, знаменитого исполнителя русских песен, сообщал: «...С особенным жаром был приветствован романс “Виновата ли я?”. Я заметил, что он преимущественно понравился людям пожилым, словно в словах романса они нашли оправдание и своим грехам, и в глубине души повторяли: “виноваты ли мы?”»²⁰.

М.М. Осоргину²¹ запомнилось услышанное им в детстве (1874) исполнение романса в калужском дворянском собрании²². Среди комических объявлений молодого Чехова (1882) есть и такое: «“Виновата ли я?” – Споет м-те Бренко»²³. Имелся в виду переход театра актрисы А.А. Бренко в руки антрепренера Ф.А. Корша.

и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ctsf.ru/publication/v-kuzmin-analiz-muzyki-razlichnykh-izdaniy-romansa-vinovata-li-ya-1865-i-romansa> (дата обращения: 19.05.2024).

¹⁸ Инструментальная озвучка упомянутых в статье романсов приводится в этой же публикации В. Кузьмина.

¹⁹ Полный песенник: Сборник новейших 1000 песен. М.: Д.И. Преснов, 1880. Ч. 1. С. 95.

²⁰ Юркевич М.В. Д.А. Славянский в его четырехвековой художественной и политической деятельности. М.: И.Н. Кушнерев, 1889. С. 18.

²¹ Михаил Михайлович Осоргин (1861–1939), в 1903–1907 гг. гродненский, затем тульский губернатор; с 1931 г. в эмиграции.

²² Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М.: Рос. фонд культуры и др., 2009. С. 75.

²³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 124.

Эта ироническая аллюзия предполагала безусловную известность романса читателям А. Чехонте.

В 1884 г. в Москве была провалена явка народнического рабочего кружка. Причиной провала стала попавшая в руки полиции записка с адресом и паролем «Виновата ли я»²⁴, а значит, романс проник в низовую городскую среду.

Агренев-Славянский мог исполнять только оригиналную версию, других еще не было. Позднее, как мы видели, романс упоминается как общеизвестный, что означает и общеизвестность мелодии Анны Р.

В «женской» литературе последней четверти XIX в. романс Анны Р. несколько раз выступал в качестве непрямого приглашения к флирту. В романе Прасковьи Лачиновой «Увлечения и ошибки» (1877) замужняя женщина с экзотическим именем Клеопатра пробует флиртовать со знакомым мужчиной:

Знаете вы этот романс, – закричала она опять Всеволоду:

Виновата ли я,
Если взгляд мой зажег
В его сердце кипучую кровь?

– Слышал от вас, – отвечал Всеволод.
– Давайте петь. Я начну: «Виновата ли я...»²⁵

В повести Лачиновой «Пустое зерно» (1890) кокетка Юлия Сергеевна примеряет на себя роль разлучницы мужа (Анурина) с женой (Машей): «...Засмеялась, села за рояль и запела: “Виновата ли я...” Все стали слушать. Подошла Маша, подошел и Анурин. Юлия Сергеевна, кокетливо наклоняя головку то направо, то налево, улыбалась, как бы применяя к себе слова романса»²⁶.

В рассказе анонимного автора «Из прошлого» (1898), написанном от лица женщины, романс становится завязкой любовного романа:

– «Виновата ли я, что мой голос дрожал, когда слушал он песню мою!» – пела Соня.

²⁴ Добротвор Н. На заре революционного движения в Туле // Революционное былое. 1923. № 2. С. 8.

²⁵ Летнев П. <Лачинова П.А.> Увлечения и ошибки // Дело. 1877. № 6. С. 33.

²⁶ Летнев П. <Лачинова П.А.> Пустое зерно // Наблюдатель. 1890. № 1. С. 185.

— “И глядел на меня...” — тихонько стала я подпевать.
 Василий Иванович обернулся.
 — “И глубоко взыхал...” — продолжала я громче и поманила его к себе.
 Он нерешительно встал.
 — “И томил только душу мою!” — настойчиво пела я.
 Он подошел.
 — Тише! — <...> Когда стемнеет, приходите сюда!
 И я запела дальше:
 — “Виновата ли я! Виновата ли я!”²⁷

Во всех этих примерах воспроизводится ситуация, изображенная в самом романсе: «песня», которую поет героиня, скорее всего, тоже романс и тоже служит средством завлечения.

Самое позднее свидетельство об исполнении романса Анны Р. относится к середине 1920-х гг. По воспоминаниям украинского лингвиста Юрия Шевелева (1908–2002), жившего тогда в Харькове, любимым романсом его двоюродной сестры

был тот, что начинался словами:

Виновата ли я, что случайно впопыхах
 На твоих и моих нераскрытых устах²⁸
 Поцелуй прозвучал горячо?»

Исполнялся романс «с грустно-игривой интонацией»²⁹.

* * *

О популярности романса Анны Р. свидетельствует также внушительный ряд произведений, написанных по его мотивам либо инспирированных рефреном «Виновата ли я?».

В 1870 г. в Петербурге был издан роман «Виноват ли был я?» на слова К. Шауфельбергера и музыку Карла Бюхнера, с посвящением: «Наталии Александровне Кюльц»³⁰. Авторы слов и музыки, судя по именам, принадлежали к немецкой общине Петербурга. В романсе встречаются довольно неуклюжие грамматические

²⁷ Н.Н. Из прошлого // Русская мысль. 1898. № 5. С. 50–51.

²⁸ Эта строка либо ошибка памяти мемуариста, либо услышанный им вариант.

²⁹ Шевельев Ю. Я — мене — мени... (и довкруги): Спогади. Харьков; Нью-Йорк: Видавництво М.П. Коць, 2001. <Ч. 1:> В Україні. С. 80.

³⁰ Шауфельбергер К. Виноват ли был я?: Романс / Муз. Карла Бюхнера. СПб.: Бернард, ценз., 1870. 3 с.

конструкции, а его размер – сплошной 4-стопный анапест (цитируем 1-ю строфу):

Виноват ли был я, что случайно в гостях
Был представлен я с тем, чтобы с ней танцевать,
Если в мыслях ее и прелестных глазах
Встретил то, что могло меня к ней привязать;
Если раз всей душой полюбил страстно я,
Виноват ли был я? Виноват ли был я?
Виноват ли был я? Виноват ли был я?

В том же 1870 г. романс был издан в Москве с музыкой М.М. Милорадовича, а в 1876 г. переиздан. Какое-то время и он входил в репертуар Агренева-Славянского³¹.

В стихотворении М.М. Богаевской³² «Оправдание» (1877) размер, рефрен и зачин романса Анны Р. служат легко узнаваемой рамкой, в которую вставлено вовсе не романсовое содержание:

Виновата ли я, что болотный застой
Хоть кого в свою тину всосет;
Что гнетущий и душу мертвящий покой
Безобразную лень разовьет,
Что апатии призрак пугает меня,
Виновата ли я?³³

Еще одна вариация на тему романса Анны Р. появилась в 1889 г. под названием «Виновата ли ты?» (слова Владимира Серебрякова, муз. Я.Ф. Пригожего)³⁴. Размер его – двустопный анапест с мужскими рифмами. Из четырех строф приводим первую и последнюю.

Виновата ли ты,
Что, столкнувшись в пути,

³¹ Каталог изданий П. Юргенсона. М.: Университетская тип., 1880. С. 46.

³² Мария Михайловна Богаевская, участница народнического движения. Ее стихотворение, вероятно, распространялось в списках; в указанной работе цитируется по материалам жандармского ведомства.

³³ Карпов Н.В. Нелегальная поэзия революционных народников в борьбе с церковно-религиозной идеологией // Историко-литературный сборник. Калуга: <б. и.>, 1970. С. 68.

³⁴ Пригожий Я.Ф. Виновата ли ты? Романс для сред. голоса с аккомп. ф.-п. / Слова В. Серебрякова. СПб.: Циммерман, ценз., 1894. 3 с.

В истомленной груди
Зародила мечты?

.....

Что сгорел он, любя,
От палиящих лучей
Твоих черных очей,
Вспоминая тебя³⁵.

Этому романсу предшествовал романс того же автора «Я ль виноват?» (1888) с тем же мотивом соблазнительницы:

Я ль виноват, что ты меня манила
Печальною улыбкой на устах...³⁶

В августе 1892 г. 19-летний Валерий Брюсов записывает в дневнике: «Набросал “Виновата ли я”»³⁷. Это стихотворение в печать не попало. Но три года спустя стихотворение под тем же названием опубликовал Александр Емельянов-Коханский, некоторое время входивший в окружение Брюсова.

Хотя автор сборника объявил себя декадентом («Я декадент! Во мне струится сила...»), в его стихотворении решительно ничего «декадентского» нет. Здесь дана та же тема обольстительницы, но не коварной, а мимовольной, а размер взят кольцовский – двустопный анапест с мужскими окончаниями и чередованием рифмующихся и нерифмующихся строк:

Виновата ли я?
Как меня обвинять?
Право, этой вины
Не могу я понять.

.....

И, как прежде, понять
Не могла я всего,
Говорил он, что я
Погубила его...

.....

³⁵ Серебряков В.Е. Стихотворения: 1887–1895. СПб.: Типо-лит. Р.Р. Голике, 1895. С. 132.

³⁶ Там же. С. 130.

³⁷ Брюсов В. Дневники: 1891–1910. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. С. 8.

Но за что же он мог
Так меня обвинять,
Право, этой вины
Не могу я понять³⁸.

Шесть лет спустя и это стихотворение было положено на музыку³⁹.

Зачин «Виновата ли ты» трижды повторен в стихотворении А.А. Маркова «Миловидность и скромность, недюжинный ум...» (1895). Женская рифма в трехстопных строках меняет интонацию стиха; перед нами уже не романс, а эпигонская гражданская лирика:

Виновата ли ты, что ребенком к труду
Из-под палки тебя приучали,
Что росла ты красивой себе на беду,
Что усердно тебя развращали?⁴⁰

В 1910 г. Александр Блок написал стихотворный диптих «Посещение». Два голоса – сначала мужской, потом женский – говорят о своей давней любви. Мирон Петровский справедливо увидел тут влияние романской формы «вопрос – ответ», когда один романс служит ответом на более ранний⁴¹.

«Посещение» написано трехстопным анапестом с чередованием женских и мужских окончаний, интонация его трагическая, в нем нет перекличек с романсом «Виновата ли я?». Однако в черновых набросках явственно слышится эхо зачина романса Анны Р., безусловно, хорошо известного Блоку:

...Виновата ли я, что любила
И любить не умела тебя.

Виновата ли я, что гонима
Снежной вынгой, далеко ушла?
Виноват ли и ты, мой любимый,

³⁸ Емельянов-Коханский А.Н. Обнаженные нервы: сборник стихотворений. М.: Тип. И.П. Малышева, 1895. С. 101–104.

³⁹ Емельянов-Коханский А.И. Виновата ли я?: Романс для ф.-п. / соч. <т. е. музыка> А. Кулеша. М.: Мейков, 1901. 3 с.

⁴⁰ Марков А.А. Стихотворения и рисунки. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1895. С. 136.

⁴¹ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков. С. 57.

Что другая тебя увела?
 <...> Виновата ли я, что могила
 Разлучила...⁴²

Вторым источником народной песни был романс-ответ Владимира Сулковского (псевдоним Владимира Вилламова (1836–1889), генерал-майора Свиты его Величества). Опубликован он был в 1886 г. в сборнике стихотворений Сулковского под заглавием «Виновата кругом! (Романс Вилламова)». Ответ на романс: Виновата ли я?». Александр Вилламов, брат поэта, написал музыку к ряду романсов, но музыка к этому романсу, по-видимому, не была опубликована. Позднее романс был издан с музыкой К. Дворжицкого⁴³.

Героине романса Анны Р. предъявляется обвинение по всем пунктам, и по всем пунктам выносится обвинительный вердикт:

Виновата ли ты? А зачем страстный взор
 На него ты кидала не раз,
 Для чего про любовь ты вела разговор
 В тишине, в поздний сумрачный час?
 Виновата кругом! (bis).

Виновата ли ты? – А зачем ты при нем
 Пела песню, вздыхая? к чему?
 Знала ты, что она кровь палила огнем,
 Душу, сердце сжимала ему.
 Виновата кругом! (bis).

Виновата ли ты? А зачем на плечо
 Ты склонялась, его не любя?
 Для чего в тишине целовать горячо
 Ты ему позволяла себя?
 Виновата кругом! (bis).

Ты сгубила его ложной страстью... потом
 Стала вновь как змея подползать,
 Чтобы яд свой излить на несчастном другом,
 И ты хочешь себя оправдать!
 Виновата кругом! (bis)⁴⁴

⁴² Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1960. Т. 3. С. 594.

⁴³ Дворжицкий К. Виновата кругом: <Романс> для голоса с ф.-п. / слова В. Сулковского. М.: Юргенсон, ценз., 1895. З. с.

⁴⁴ Сулковский В. Стихотворения Владимира Сулковского. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. С. 55.

Сулковский написал немало романсов, но ни один из них не имел настоящего успеха. Несколько строк из двух последних куплетов романса-ответа – единственный заметный его вклад в русскую песенную культуру.

* * *

Второй куплет песни имеет не столь почтенную родословную, как два остальных. Он восходит не к романсовому, а к эстрадному («шантанному») репертуару эпохи Первой мировой войны. В наиболее полном виде исходный шантанный куплет приведен в рукописном песеннике 1961 г.⁴⁵ В разделе, озаглавленном «Стихи для писем», записаны подряд, без разделения, множество стихов, предназначенных для писем любимой девушке. Среди них есть и такой (пунктуация по цитируемому источнику):

Ночь дана для любовных утех
Ночью спать непростительный грех
Ночью ласки дарят
Ночью глазки горят
Ночью все о любви говорят⁴⁶.

Строки куплета многократно цитировались в мемуарной и художественной литературе – и всегда как пример потакания низменным вкусам публики.

Евгений Кузнецов, который в 1918 г. окончил Царскосельский лицей, с неодобрением писал о «салонных куплетистах шантанного плана», «делавших ставку на “пикантность” <...> или ничем не прикрытую порнографичность специфических куплетов и песенок вроде “Ночью глазки горят, ночью ласки дарят, ночью все о любви говорят”»⁴⁷.

Знаменитый конферансье Н.П. Смирнов-Сокольский вспоминал о предреволюционных годах: «Юмористы “салонные” миновали всякую “злобу дня” и “политику”, а пели модные “Луна, луна, наверно, ты пьяна” или “Ночью глазки горят, ночью ласки дарят, ночью все о любви говорят”»⁴⁸.

⁴⁵ Аноним. Рукописный песенник. Петрозаводск, 1961. URL: <http://www.scanmusic.net/songbooks/petr1961.php> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁶ Далее подряд следуют еще 6 строк – по всей вероятности, продукт самодеятельного анонимного творчества.

⁴⁷ Кузнецов Е.М. Из прошлого русской эстрады: исторические очерки. М.: Искусство, 1958. С. 337.

⁴⁸ Смирнов-Сокольский Н.П. Сорок пять лет на эстраде: фельетоны, статьи, выступления. М.: Искусство, 1976. С. 135.

Артист оперетты Н.Н. Радошанский (1887–1963) связывал эти куплеты с «опереточными мозаиками» антрепренера В.П. Валентинова, т. е. опереттами, составленными из различных опереточных номеров и песен.

Содержание его оперетт не отягощало сознание «деловых людей» проблемами.

Ночь дана для любовных утех,
Ночью спать непростительный грех,

— неслись со сцены слова модной песенки, великолепно олицетворявшей «философию» этого круга людей: забвение, уход от тяжелой действительности, безудержное, какое-то зоологическое веселье⁴⁹.

В пьесе Вс. Вишневского «Первая конная» (1930) слова «Ночь дана для любовных утех» напевает белый офицер — омерзительный персонаж, собирающийся изнасиловать больную шестнадцатилетнюю девушку⁵⁰.

С явным осуждением цитируются эти строки в романе «Человек без лица» (1972) одесситки Наталии Логуновой⁵¹:

И затянул фальшиво:

Ночь дана для любовных утех,
Ночью спать непростительный грех.

— Утеши!.. ха-ха... удовлетворение физиологии...⁵²

Поздняя цитация куплета датируется 1967 г.:

Гитарист <...> гнулавил:

А ночь дана для любовных утех,
А ночью спать непростительный грех,
А ночью ласки дарят,
А ночью глазки не спят,
А ночью все о любви говорят⁵³.

⁴⁹ Радошанский Н.Н. Записки актера оперетты. М.; Л.: Искусство, 1964. С. 39.

⁵⁰ Вишневский Вс. Первая конная. М.: ОГИЗ; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. С. 107.

⁵¹ Н.А. Логунова (1903–1972), с 1944 г. в эмиграции.

⁵² Логунова Н.А. Человек без лица. Мадрид: Ediciones Castilla, 1972. С. 39.

⁵³ Из рассказа У.А. Токомбаева «Ночлег», см.: Токомбаев У.А. Осенняя радуга: повесть, сказ для кино, рассказы. Фрунзе: Мектеп, 1979. С. 161. (1-я публ. рассказа «Ночлег»: 1967.)

В 1970-е гг., а возможно, и раньше, строка «Эта ночь дана для утех!» включалась в куплеты князя Орловского в оперетте «Летучая мышь»⁵⁴, хотя в немецком оригинале ничего подобного нет.

* * *

Подавляющее большинство рукописных песенников 1940–1980-х гг. принадлежит школьникам, и «взрослый» неэстрадный репертуар, к которому относилась песня «Виновата ли я», в них почти не отражен. Это обстоятельство, при отсутствии записей песни в фольклористических исследованиях вплоть до 1980-х гг., крайне затрудняет выяснение истории текста.

Песня, несомненно, возникла в городской среде, а затем про никла и в сельскую. Едва ли анонимные авторы обращались к печатным изданиям романсов. Текст они узнавали со слуха или по рукописным песенникам, в которых песни записывались большей частью по памяти. В рукописном девичьем песеннике (Ленинград, 1930–1931) романс Анны Р. записан явно со слуха, с многочисленными, хотя и не слишком значительными отступлениями от оригинала⁵⁵. Эта запись – последнее известное нам свидетельство о бытовании романса, причем в самой что ни на есть «низовой» среде, судя по неграмотной орфографии.

Поскольку размер романса-ответа полностью совпадал с размером исходного романса, они могли исполняться на одну мелодию (скорее всего, на гораздо более известную мелодию Анны Р.). В таком случае контаминация текстов становится вполне вероятной.

К романсу Анны Р. восходит повторяющийся зacin и первый куплет песни, к романсу Сулковского – третий куплет. Так возникла диалогическая композиция. Однако в песне, по устойчивой фольклорной традиции, страдающим персонажем стала девушка.

Основой второго куплета песни стали строки шантанного куплета – те, что укладывались в размер, заданный романсом Анны Р.: «Ночью ласки дарят / Ночью глазки горят / Ночью все о любви говорят».

Сентиментальная стилистика романса, вообще говоря, отторгает фривольную стилистику шантана. Шансонетка с ее установкой на пикантность, замечает Мирон Петровский, – своего рода «антироманс» (и то же относится к шантанным куплетам). Однаково шансонетка, освобожденная от эротизации, «может прозвучать

⁵⁴ Васильев Г. Роли, которые нас выбирают. М.: Вагриус, 2004. С. 85.

⁵⁵ Валя. Песенник. Ленинград, 1930–31. URL: <https://www.scanmusic.net/songbooks/valya1931> (дата обращения: 19.05.2024).

как романс»⁵⁶. Именно в этом направлении шло «редактирование» шантанного куплета песни. Его фривольность смягчена введением лирического обращения «дорогая», а также (в большинстве известных нам версий) изъятием строки о «любовных утехах» и заменой игривого оборота «глазки горят» на романтическое «звезды горят».

На формальном уровне в песне существуют три голоса: голос лирической героини (1-й куплет), голос любимого (2-й куплет) и осуждающий голос (3-й куплет). Голос любимого встроен в лирический монолог героини. Что же касается осуждающего голоса, то его можно понимать двояко: как часть внутреннего диалога героини и как реальный диалог с кем-то вовне, говоря обобщенно – с мнением окружения.

Контекст фильма «Тучи над Борском» предполагает вторую возможность: героиню осуждают явно несправедливо. По замечанию кинокритика, «так можно было грустить и жаловаться и двести, и триста лет назад, и непременно тут же услышать приговор: «Виновата во всем, виновата кругом»»⁵⁷.

В качестве ближайших аналогов песни «Виновата ли я», вошедших в фольклорный репертуар, можно назвать песню А. Разоренова «Не брали меня, родная» (конец 1840-х или начало 1850-х гг.) и песню И. Родионова «Не корите меня, не браните...» (1876).

1. Не брали меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

.....
Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая –
Я должна его любить!⁵⁸

2. Не корите меня, не браните,
Не любить я его не могла;
Полюбивши же, все, что имела,
Все ему я тогда отдала.

⁵⁶ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков. С. 44.

⁵⁷ Троицкий В. Одна // Искусство кино. 1995. № 9. С. 78.

⁵⁸ Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 37.

Я готова забыть мое горе
 И простить ему все его зло...
 Не корите меня, не браните,
 Мне и так тяжело!⁵⁹

В обеих песнях беззаботная любовь героини подвергается осуждению, в песне Разоренова – со стороны матери, в песне Родионова – со стороны общественного мнения, и в обеих песнях героиня продолжает отстаивать свое чувство несмотря ни на что.

Мы полагаем, что то же относится к песне «Виновата ли я». Даже если понимать осуждающий голос как часть внутреннего диалога героини, этот голос есть, в сущности, интериоризация внешней моральной оценки: в этот момент героя смотрит на себя глазами своего окружения.

Песня начинается с самой высокой эмоциональной ноты – с трижды повторенного вопроса «Виновата ли я?», причем третий повтор идет с повышением тона. Последовательное нагнетание эмоции в зчине и его четкий ритм содержали в себе возможность превращения протяжной лирической песни в едва ли не плясовую, о чем будет сказано ниже.

Открытым остается вопрос о происхождении мелодии песни. По заключению Василия Кузьмина⁶⁰, мелодии всех пяти авторов музыки романса «Виновата ли я?», а также мелодия романса «Виновата кругом!», не имеют существенного сходства с мелодией песни. Мелодия шантанного куплета нам неизвестна, но и она не могла совпадать с мелодией песни (во всяком случае, целиком), так как стихотворный размер куплета лишь частично совпадает с размером песни.

* * *

Раннее упоминание о песне появилось в 1956 г., за четыре года до окончания съемок фильма «Тучи над Борском». Цитируем рассказ Овидия Горчакова «Наля»:

Вечером снова слушал девичьи песни старый дуб – молодые искренние песни с тем русским надрывом в голосе, от которого пощипывает в глазах и холдеет грудь... <...>

⁵⁹ И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 365.

⁶⁰ Кузьмин В. Анализ музыки различных изданий романса «Виновата ли я?» (1865) и романса «Виновата кругом!» (1886) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ctsf.ru/publication/v-kuzmin-analiz-muzyki-razlichnykh-izdaniy-romansa-vinovata-li-ya-1865-i-romansa> (дата обращения: 19.05.2024).

Виновата ли я, виновата ли я,
 Виновата ли я, что люблю?
 Виновата ли я, что мой голос дрожал,
 Когда слушал ты песню мою?⁶¹

В очерке И. Орлова «Жарким летом» (1963):

...Из лагеря туристов доносилась протяжная мелодия. “Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю?” – пели девушки, и недоумение и грусть звучали в их высоких стройных голосах⁶².

В повести Николая Масолова «Дновская быль» (1964):

...Наперекор ночной тишине плыла песня. Было что-то озорное, когда девичий голос настойчиво спрашивал:

Виновата ли я, виновата ли я,
 Виновата ли я, что люблю?

И что-то трогательное в признании:

Виновата во всем, виновата кругом⁶³...

В романе Анатолия Приставкина «Голубка» (1967):

Запела:

Виновата ли я, виновата ли я,
 Виновата ли я, что люблю.
 Виновата ли я, что мой голос дрожал,
 Когда пела я песни ему.

Голос у нее был несильный, совсем беззащитный, какой-то детский...
 <...>

⁶¹ Горчаков О. Наля: Рассказ // Литературная Москва: Литературно-художественный сб. московских писателей. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. <Сб. 1>. С. 592.

⁶² Орлов И. Жарким летом: Из путевых тетрадей // Новый мир. 1963. № 6. С. 84.

⁶³ Масолов Н.И. Дновская быль. М.: Изд-во полит. лит., 1964. С. 86. В киноверсии: «Виновата сама, виновата во всем»; «виновата кругом» – точная цитата из романа Сулковского.

Дорогая моя, ты не спи в эту ночь,
Ночью спать непростительный грех,
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят...

<...> Становится больно, и пощипывает где-то под сердцем. Правда не в этих словах, самих по себе только сентиментальных, – правда в том, как их поют. Как их чувствуют⁶⁴.

Во всех этих описаниях песню поют девушки, и именно как девичью лирическую. Выделим характеристики исполнения: «протяжная мелодия», «плыла песня», «недоумение и грусть»; «русский надрыв в голосе, от которого пощипывает в глазах и холдеет грудь»; «Становится больно, и пощипывает где-то под сердцем»; «что-то озорное и <...> трогательное». Характеристика исполнения романса Анны Р. в мемуарах Шевелева – «с грустно-игривой интонацией» – стоит в том же ряду.

По свидетельству Л.Н. Федосеевой-Шукшиной, относящемуся к 1964 г., «Виновата ли я» была одной из любимых песен Василия Шукшина⁶⁵; он и сам ее пел – надо думать, в том же, окрашенном грустью, эмоциональном ключе, что и мужской дуэт в фильме «Тучи над Борском».

Но вот другое свидетельство. Поэтесса Людмила Дербина вспоминает, как 2 мая 1963 г. пришла в гости в общежитие Литинститута.

Вокруг нас плясали и пели, как говорится, «дым стоял коромыслом» от молодого задорного веселья. Кто-то терзал гармошку:

Виновата ли я, виновата ли я,
виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
когда пела я песни ему?

Мы подхватили с Рубцовым⁶⁶ эту песню от всей души, изо всей мочи. Рубцов пел, раскачиваясь в такт песне, прикрыв глаза и размахивая перед собой рукой, как бы дирижируя:

⁶⁴ Приставкин А. Голубка. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 27–28.

⁶⁵ Гаврилова Е. «Миленький ты мой...»: Интервью с Л.Н. Федосеевой-Шукшиной // К Василию Макаровичу Шукшину: стихи, интервью, очерки, письма. Барнаул: Алтай, 1994. С. 17.

⁶⁶ Николай Рубцов (1936–1971), известный поэт.

Ночью звезды горят,
ночью ласки дарят,
ночью все о любви говорят⁶⁷.

Вместо грусти и «пощипывания под сердцем» мы видим именно что «задорное веселье» и пение «изо всей мочи», с «терзанием гармошки» и приплясыванием.

В другом примере песня поется в пензенской деревне середины 1960-х гг.:

...Появилась еще водка, и всем досталось понемногу, после чего женщины тут же заголосили:

Виновата ли я,
Виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я,
Что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.

Нет, они не пели, они именно голосили, кричали⁶⁸.

Вспомним очерк Е. Добровольского: «каблуками прикачивали в бетонные плиты». В автобиографической повести К. Сомова об армейской жизни начала 1980-х гг. «Виновата ли я» – уже строевая песня, исполняемая «с гиканьем и присвистом»⁶⁹.

Так, с приплясыванием, и вошла песня в современную самодеятельную и эстрадную культуру. «Протяжная мелодия» ранней версии нынче большая редкость. В современном эстрадном и любительском бытовании песня исполняется чаще всего в быстром темпе, нередко в сопровождении танца. В ночных изданиях встречаются указания темпа «Весело, подвижно» и даже «Весело,

⁶⁷ Дербина Л. Все вещало нам грозную драму: Воспоминания о Николае Рубцове // Дядя Ваня: Литературный альманах. 1993. № 5. С. 163.

⁶⁸ Рощин М.М. Двадцать четыре дня в раю: Лирический дневник // Москва. 1966. № 10. С. 136–137.

⁶⁹ Сомов К. «Бесы», «черпаки» и другие // Сборник произведений молодых писателей Алтая. Барнаул: Алтайское книж. изд-во, 1993. С. 148.

задорно!»⁷⁰ А в одном из пособий по игре на гитаре читаем: «Песню играют в ритме “Марш”»⁷¹.

* * *

В некоторых послесоветских песенниках появилась строка «Ночь дана для утех».

Киноверсия песни состояла из трех куплетов, один из которых повторяется. В рукописных песенниках 1980-х гг. приводится еще один куплет:

Целовал-миловал, целовал-миловал,
Говорил, что я буду его.
А я верила всё и как роза цвела,
Потому что любила его.

Оборот «целовал, миловал» встречается в ряде фольклорных текстов, включая песни свадебного обряда⁷², затем – в песне на слова Некрасова «Огородник» и популярном романсе «Ах, зачем эта ночь так была хороша...» (слова Н. Риттера, муз. Н. Бакалейникова, 1910-е гг.).

В упомянутой выше повести К. Сомова куплет «Целовал-миловал...» поется последним. В печатных песенниках 1990-х гг. далее следует куплет, заменяющий второй куплет киноверсии:

Ой ты, мама моя, ой ты, мама моя!
Отпусти ты меня погулять.
Ночью звезды горят (и т. д.)⁷³

По-видимому, уже в 1980-е гг. эта версия почти совершенно вытеснила версию, прозвучавшую в «Тучах над Борском».

⁷⁰ Павленко Б.М. Самые популярные русские народные песни и романсы под гитару: для тех, кто знает и не знает ноты: Учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2016. С. 10; Павленко Б.М. Популярные русский народные песни с нотами и аккордами: Песенник. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 15.

⁷¹ Петров П.В. Гитара. Безнотная методика. Учимся играть русские народные песни / Русские народные песни. Безнотная методика обучения игры на гитаре. М: АСТ: Кладезь, 2021. С. 85.

⁷² Масленникова Р.А. Отлетела лебедушка: русский свадебный обряд. Орел: Простор, 1993. С. 88, 175.

⁷³ Песня не прощается с тобой: песни, романсы / сост. С.С. Маркова, А.И. Морозкина. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995. С. 44.

Обращение к матери/отцу с просьбой «отпустить погулять» встречается в различных фольклорных текстах, прозаических и стихотворных, но, как правило, не в сочетании с мотивом любовного свидания в саду. В данном случае эта тема могла быть подсказана песней «Шумел камыш», с которым «Виновата ли я» соседствовала в застольном репертуаре⁷⁴:

Придешь домой, а дома спросят:
 «Где ты гуляла, где была?».
 А ты скажи: «В саду гуляла,
 Домой тропинки не нашла»⁷⁵.

Оборот «Ой ты, мама моя», да еще повторенный дважды, не встречался в русском песенном фольклоре. Он, вероятно, восходит к строке «Ой ты мамка моя, ой ты мамка моя» из песни «Касіў Ясь канюшыну» (белорус.), ставшей всесоюзным хитом в 1971 г. в исполнении ансамбля «Песняры». Именно в таком виде, с «мамкой», приведена эта строка в ранней записи куплета «Ой ты, мама моя...». Запись сделана в 1983 г.; информантка сообщила, что услышала песню в 1977 г. и пояснила: «Это – женская песня, изредка поется и в смешанной компании, часто – на улице, уже после вечеринки»⁷⁶. В той же записи после третьего куплета «Ой ты мамка моя, ой ты мамка моя...» следует четвертый:

Отойди от меня, ненавижу тебя,
 Откровенно тебе говорю,
 За измену твою, за неправду твою
 Я уж больше тебя не люблю.

⁷⁴ Эта самая известная застольная песня считается очень старой: «...Песня, / древняя, / как “Шумел камыш”» (Виктор Соснора, «Звезды», 1963, см.: Соснора В. Стихотворения. СПб.: Амфора, 2011. С. 338). В Рунете можно встретить самые фантастические версии об авторе «Камыша», начиная с француза Фабр д’Эглантина (1750–1794) и кончая поэтом-символистом Вяч. Ивановым. На самом деле «Камыш» немногим старше самого Сосноры, родившегося в 1936 г.: ранняя фиксация песни датируется 1932 г. (Клавдии песни: из рукописного песенника ученицы II гр. III К. М. Клавди, 1932 г. СПб.: Красный матрос, 2011. С. 8–9).

⁷⁵ Русские песни и романсы / сост. В.Е. Гусев. М.: Художественная литература, 1989. С. 410.

⁷⁶ Электронный архив Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Этот куплет встречается также в ряде сетевых публикаций. Его 3-я строка взята из варианта жестокого романса «Катя-пастушка» («За измену твою, за неправду твою, / И за сына тебе отомстила»)⁷⁷.

Особый интерес представляет запись в позднем (скопирован в 2010 г.) рукописном песеннике М.М. Колпаковой (1929 г.р., Саратовской обл.)⁷⁸ (орфография оригинала исправлена):

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему?

Виновата кругом, виновата сама,
Еще хочешь себя оправдать,
Так зачем же тогда ты ночною порой
Разрешила себя целовать.

Так зачем же тогда ты ночною порой
Наклонялась к нему на плечо,
При закрытых глазах, при застывших устах
Поцелуй твой звучал горячо.

Уж ты, мама моя, уж ты, мама моя!
Отпусти меня в сад погулять.
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят.

Песня предположительно была перенесена из более раннего песенного альбома Колпаковой. Нам неизвестны другие примеры оборота «Уж ты, мама моя»; вполне вероятно, что тут мы имеем дело с вариантом строки «Ой ты, мама моя...», а имеющийся текст представляет собой результат контаминации более ранней версии с поздними.

1-й, 2-й, 4-й куплеты соответствуют известным версиям песни (но без куплета «Целовал-миловал»), зато 3-й куплет стоит совершенно особняком. Строки 1–2 – реминисценция фрагмента романса Сулковского: «А зачем на плечо / Ты склонялась...».

⁷⁷ Сказки и песни, рожденные в дороге: Цыганский фольклор / сост., запись, пер. с цыг., предисл. и comment. Е. Друца, А. Гесслера. М.: Наука, 1985. С. 487.

⁷⁸ Скопирована И.О. Шуваловой для электронного архива Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Строки 3–4 – реминисценция фрагмента романса Анны Р.: «..На моих незакрытых устах⁷⁹ / Поцелуй прозвучал горячо».

Обе реминисценции не встречаются в других известных нам записях и цитациях. По-видимому, этот куплет отражает раннюю стадию истории текста.

В версии Жанны Бичевской (1998) диалогическая композиция устранина; героиня сама себя обвиняет «во всем»:

Виновата сама, виновата во всем
И не стану его упрекать.
Ах, зачем же, зачем в эту лунную ночь
Позволяла себя обнимать?

.....

Догорает заря, быстро время течет,
А я все поджидаю его.
Он меня позабыл, он ко мне не придет,
Ведь его уж другая влечет⁸⁰.

Этот текст, вероятно, сочинен специально для Бичевской.

В 2005 г. был опубликован еще один текст с монологической композицией:

Виновата во всем,
Виновата во всем
И не в силах себя оправдать.
Ах, зачем я, зачем
В незабвенную ночь
Позволяла себя целовать?⁸¹

В 2010-е гг. актрисы Элина Быстрицкая (1928–2019) и Зинаида Кириенко (1933–2022) спели песню дуэтом в концерте, показанном на телеканале «Россия 1». Песню венчал графоманский куплет, в котором расставлены все точки над i:

⁷⁹ С похожим отклонением от оригинала передан этот фрагмент романса в воспоминаниях Шевелева (см. выше): «На <...> моих нераскрытых устах».

⁸⁰ С фонограммы Жанны Бичевской, альбом «Старые русские народные деревенские и городские песни и баллады», Часть 3, Moroz Records, 1998. URL: <http://a-pesni.org/popular20/vinovatali.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸¹ Говорите мне о любви: Песенник. Песни и романсы. СПб.: Композитор, 2005. URL: <http://a-pesni.org/popular20/vinovatali.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

Может быть, на меня повлияла весна,
 А быть может, та лунная ночь.
 Я не в силах была отказаться тогда
 И в объятья себя отдала⁸².

А в конце 2010-х гг. появился текст песни, исполняемой от лица мужчины. В Рунете он публикуется с подзаголовком «Мужская версия» и указанием: «Исполнитель: Экспресс»⁸³. На самом деле украинская группа «Экспресс» («Експрес») исполняла женскую версию песни, которая в видеороликах рекламировалась как «ресторанный хит»; исполнители «мужской версии» пользуются лишь «ресторанной» аранжировкой «Экспресса».

Гендерные роли здесь радикально меняются:

Виноват ли был я, виноват ли был я,
 Виноват ли был я, что люблю?
 Виноват ли был я, что мой голос дрожал,
 Когда пел я ей песню свою.

Виноват был один, виноват был во всем,
 Еще хочешь себя оправдать.
 Так зачем же, зачем в эту темную ночь
 Позволял ей себя целовать?

Целовала меня, целовала меня,
 Говорила, что буду я с ней.
 А я верил во всё, и как дуб я зацвел,
 Потому что любил я ее.

Ой ты, мама моя, ой ты, мама моя!
 Отпусти ты меня погулять.
 Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
 Ночью все о любви говорят.

Эта версия может показаться пародийной, но, судя по видеороликам в интернете, воспринимается как вполне нормальная⁸⁴.

⁸² Виталий Волков. Виновата ли я... Я не в силах была отказаться тогда И в объятья себя отдала // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/video/4842825058888> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸³ Виновата ли я (мужской вариант). URL: <https://muza.vip/print/68172> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸⁴ «Мужская версия» в качестве музыкального сопровождения танцев на Приморском бульваре Севастополя 1 мая 2019 г. URL: <https://>

Отличия текста и особенно – стиля исполнения ранней версии и современных версий крайне существенны. Если ранняя версия – протяжная лирическая, то современные все больше походят на быструю плясовую.

Современный фольклорист М.В. Строганов включает песню «Виновата ли я» в тематическую группу «Падение девушки» [Строганов 2019, с. 132], а писатель Владимир Крупин назвал ее «девичьей песней запоздалого раскаяния»⁸⁵. Но это крайне поверхностная оценка. В песне главенствует мотив самоценности любви, который в народную песню пришел из поэзии сентиментализма и романтизма. Процитируем Мирона Петровского: «Романс <...> упивается потерями так же, как приобретениями»; «...Любовь, пусть несчастная, здесь <...> абсолютная ценность <...>»⁸⁶. Снова и снова спрашивая: «Виновата ли я?», девушка словно бы отстаивает свое право на любовь.

Благодарности

Автор выражает благодарность Василию Андреевичу Кузьмину, который озвучил упоминаемые в статье романсы и предпринял их музико-квадратический анализ, Михаилу Лазаревичу Лурье за важные замечания концептуального характера по поводу настоящей статьи, Сергею Юрьевичу Неклюдову за предоставление записи песни «Виновата ли я», сделанной М.М. Колпаковой, а также Василию Воробьеву и Ульяне Петуховой, участникам семинара Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, за указание электронных публикаций ряда рукописных песенников, использованных в данной статье.

Acknowledgments

The author wishes to express gratitude to Vasily Kuzmin, who performed the romances mentioned in the article and conducted their musicological analysis; to Mikhail Lurie for important conceptual remarks regarding this paper; to Sergei Neklyudov for providing a recording of the song “Am I to

www.youtube.com/watch?v=if31fx2kjpw&ysclid=lulatmleth378948004 (дата обращения: 15.01.2024); «Мужская версия» в исп. Сергея Мерзликина. URL: https://vk.com/video542436091_456239018 (дата обращения: 15.01.2024).

⁸⁵ Крупин В.Н. Во всю ивановскую // Крупин В.Н. Во всю ивановскую: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1985. С. 296.

⁸⁶ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков. С. 30, 37. Ср.: «Ах, это было чудесное время! Я была так несчастна!» – говорила знаменитая французская певица XVIII в. Софи Арну, вспоминая о своей первой любви.

blame" recorded by M.M. Kolpakova; and to Vasily Vorobyov and Ulyana Petukhova, participants of the seminar held by the Center for Typological and Semiotics Folklore Studies at the Russian State Humanitarian University, for pointing out electronic publications of several manuscript songbooks used in this study.

Литература

- Иванова 2010 – Иванова С.В. Русские женщины-композиторы XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(2). С. 563–566.
- Строганов 2019 – Строганов М.В. Исторические корни фольклорных жанров. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. 175 с.

References

- Ivanova, S.V. (2010), "Russian women composers of the twentieth century", *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences*, vol. 12, no. 5(2), pp. 563–566.
- Stroganov, M.V. (2019), *Istoricheskie korni fol'klornykh zhanrov* [Historical roots of folklore genres], RGU imeni A.N. Kosygina, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Константин В. Душенко, кандидат исторических наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 27; kdushenko@nln.ru

ORCID 0000-0001-7708-1505

Information about the author

Konstantin V. Dushenko, Cand. of Sci. (History), Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow; 27, Nahimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kdushenko@nln.ru

ORCID 0000-0001-7708-1505

ЭПОС: СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 398

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-41-60

Цикл «Джангара» Ээлян Овла
в синьцзян-о'йратской традиции:
к вопросу об отношениях между версиями эпоса

Цаган Б. Селеева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, tsagana007@mail.ru*

Аннотация. Закономерности формирования калмыцкой и синьцзян-о'йратской версий «Джангара», их развития и взаимодействия исторически обусловлены единством данной эпической традиции в прошлом, миграцией и обособлением некоторых этнических групп, более поздними культурными контактами между ними. Обнаруживается и преемственность родственных традиций, основанная на культурном взаимодействии калмыцких книжных текстов с эпическим фольклором о'йратов Синьцзяна. Очевидно, что распространенное среди них в начале XX в. и позднее издание текстов Ээлян Овла дало дополнительный импульс развитию данных сюжетов и в самой синьцзян-о'йратской традиции. Работа посвящена изучению синьцзян-о'йратских версий цикла Ээлян Овла и выявлению их региональных различий. Несмотря на существенное сходство с калмыцкой версией, обнаружаются трансформации текстов также на сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях. В процессе исполнения сказители варьируют сюжет, опуская его отдельные звенья или включая новые. Вставные эпизоды, отдельные мотивы и эпические формулы синьцзян-о'йратской версии специфичны и имеют региональную обусловленность. Новые комбинации мотивов и эпизодов порождают новые редакции и сюжетные версии при относительной стабильности ключевых фабульных элементов. Нововведения могут иметь существенное или незначительное воздействие на развитие повествования, а в случае с типическими местами могут не иметь его вообще. В результате текстуального варьирования наблюдается и обновление лексики эпоса.

© Селеева Ц.Б., 2025

Ключевые слова: эпос «Джангар», книжные тексты, калмыцкая и синьцзян-ойратская версии, цикл Ээлян Овла

Дата поступления статьи: 23 февраля 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 15 июля 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Селеева Ц.Б. Цикл «Джангара» Ээлян Овла в синьцзян-ойратской традиции: к вопросу об отношениях между версиями эпоса// Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 41–60. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-41-60

“Dzhangar” cycle by Eelyan Ovla
in the Xinjiang-Oirat tradition:
On the question of the relationship
between the versions of the epic

Tsagan B. Seleeva

Presidential Academy, Moscow, Russia, tsagana007@mail.ru

Abstract. The patterns of formation of the Kalmyk and Xinjiang Oirat versions of “Dzhangar”, their development and interaction are historically determined by the unity of this epic tradition in the past, migration and isolation of some ethnic groups, as well as by later cultural contacts between them. The succession of related traditions is also revealed, based on the cultural influence of Kalmyk book texts with the epic folklore of the Oirats of Xinjiang. It is obvious that the widespread publication of the texts of Eelian Ovla at the beginning of the 20th century and later at that century gave an additional impetus to the development of these plots in the Xinjiang Oirat tradition itself. The work is devoted to the study of the Xinjiang Oirat versions of the Eelian Ovla cycle and the identification of their regional differences. Despite the significant similarities with the Kalmyk version, transformations of the texts are also found at the plot-compositional and stylistic levels. In the process of performance, the storytellers vary the plot, omitting discrete parts or including new ones. The inserted episodes, individual motifs and epic formulas of the Xinjiang Oirat version are specific and exhibit regional distinctiveness. New combinations of motifs and episodes generate new editions and plot versions with relative stability of the key plot elements. Innovations can have a significant or insignificant impact on the development of the narrative, and in the case of typical places, they may have no impact at all. As a result of textual variation, an update of the vocabulary of the epic is also observed.

Keywords: epic “Dzhangar”, book texts, Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions, Eelyan Ovla cycle

Received: February 23, 2024

Approved after reviewing: July 15, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Seleeva, Ts.B. (2025), “‘Dzhangar’ cycle by Eelyan Ovla in the Xinjiang-Oirat tradition: On the question of the relationship between the versions of the epic”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 41–60, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-41-60

1

Эпос «Джангар» своими корнями восходит к центральноазиатской эпической общности, непосредственно связан с этнической историей его народа-создателя¹ и прошел путь развития от форм архаических к «классическим». Истоки песен «Джангара», насыщенных архаическими мотивами и образами, восходят к периоду XV–XVI вв., когда ойраты Джунгарии уже представляли собой сложившуюся этническую общность [Козин 1940, с. 69–72]. На формирование калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса повлиял ряд исторических факторов – контакты ойратов с другими монгольскими и тюркскими народами Центральной Азии, создание Джунгарского ханства, раздоры в элитах союза «Дербен Ойратов», что в конце XVI – начале XVII в. привело к откочевке на запад части ойратских племен под предводительством торгутского Хо-Урлюка и дербетского Далай-батыра – сначала в Южную Сибирь, в бассейны Иртыша и Оби, затем на территорию Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья, где и было образовано Калмыцкое ханство.

Исторические процессы племенной и раннегосударственной консолидации нашли свое отражение в героических сюжетах «Джангара». Его идеино-тематическая основа – защита сподвижниками-богатырями под предводительством Джангар-хана своей кочевой державы, эпической Бумбы, от посягательств чужеземцев. Историческим прототипом этой страны с элементами социальной утопии, название которой окружено «ореолом божественной благодати» [Кудияров 1988, с. 167], послужило само Джунгарское ханство, которое к XVII в. стало одним из могущественных государств Центральной Азии, оказывающих большое влияние

¹ По мнению В.М. Жирмунского [Жирмунский 1974, с. 8], героический эпос формируется именно в процессе этногенеза, формирования народов и государств.

на соседние страны и народы. Впрочем, образ Бумбайской державы мог вобрать в себя воспоминания и о более ранних эпизодах государственно-племенной консолидации монгольских кочевников, включая эпоху Чингисхана и созданной им империи (XIII–XIV вв.). Отразились в эпосе и вооруженные конфликты XVII–XVIII вв. между ойратами и их тюркскими соседями.

Когда в начале XVII в. калмыки откочевали на Волгу, они прнесли с собой и свой эпос, который обрел здесь единство и монолитность «классических» форм героического повествования. На тот же период пришлась и завершающая фаза развития «Джангары» как циклизованной воинской эпопеи², что было прямо связано с усилением консолидационных процессов при образовании Калмыцкого ханства в непривычном культурно-языковом окружении, когда героический эпос становится одной из важнейших форм выражения этнополитического самосознания [Неклюдов 2019, с. 237].

В 1771 г. по причинам социально-экономического и политического характера, в частности из-за вмешательства царской администрации во внутренние дела и политику калмыцкой элиты, большая часть калмыков (30 тыс. кибиток) под предводительством Убаши-хана откочевала назад в Джунгарию. Согласно сведениям Бергмана [Бергман 2004, с. 12], через три десятилетия после этого события побывавшего в Калмыкии, с ними ушли и многие талантливые джангарчи. Собиратель отметил, что в его время (рубеж XVIII–XIX вв.) среди оставшихся волжских калмыков насчитывалось до полусотни рапсодов, и предположил, что среди торгутов Синьцзяна (Китай) их было больше.

Откочевка калмыков 1771 г. привела к возникновению двух генетически связанных региональных эпических традиций – калмыцкой и синьцзян-ойратской³.

Калмыцкий «Джангар» состоит из двадцати восьми глав-песен, объединенных в репертуарные циклы. Эпос имеет фольклорную

² «В основе процесса циклизации лежит объединение в один устный корпус нескольких повествований, как правило, “одноходовых”, изначально не имеющих между собой сюжетных связей и не составляющих фабульной последовательности. <...> с некоторыми оговорками его можно назвать “дружинным”, построенным на идее служения разных богатырей одному “эпическому владыке” и одной “эпической державе”» [Неклюдов 2019, с. 60–61].

³ «Исследователи фольклорной культуры на поздних ее стадиях не могут не считаться с фактами, так сказать, вторичной региональности, вызванной миграциями населения, образованиями новых регионов, обменом культурными материалами» [Путилов 2003, с. 159].

природу и до середины XX в. бытовал только в устной форме. Начало письменной фиксации отдельных песен «Джангара» было положено в конце XVIII – начале XIX в., а запись целых циклов (Малодербетовского, Багацохуровского и всего репертуара Ээлян Овла), составляющих основу калмыцкой эпической традиции, состоялась во второй половине XIX – начале XX в.; запись других оригинальных текстов еще осуществлялась вплоть до 1970-х гг.

С 1980-х гг. стали публиковаться и вводиться в научный оборот многочисленные тексты синьцзян-ойратского «Джангара», свидетельствующие о существовании живой самобытной традиции, бытующей у всех ойратов Синьцзяна (торгутов, хошутов, олётов и чахар⁴). Ученые Китая осуществили фундаментальное трехтомное издание корпуса этих текстов – 70 глав-песен на ойратской письменности «тодо бичик»⁵. Позже вышло трехтомное издание 78 глав-песен, включая их варианты⁶. В первом издании несколько текстов подверглись редакторской обработке, но во втором принципы публикации аутентичных фольклорных текстов были соблюдены. Издание синьцзянского «Джангара» еще не завершено, записи репертуара сказителей из разных местностей Синьцзяна продолжают публиковаться.

Таким образом, первые записи калмыцкого «Джангара» привились на время его активного бытования в начале XIX в., задолго до первых фиксаций эпоса у ойратов Синьцзяна (середина XX в.)⁷. При этом уже в начале XX в. отмечается угасание калмыцкой

⁴ Речь идет о тех чахарах, которые в конце XVIII в. были переселены из районов Северо-Восточного Китая в Илийский и Тарбагатайский округи Синьцзяна, войдя тем самым в состав западно-монгольской этнокультурной общности.

⁵ Jangyar / N. Hasagva, A. Tojbaј, Ehrdehni, H. Bada, Damirinzhab, N. Lota, T. Badm, T. Dzhamco, Ch. Irinceh. 3-б. Urumchy: Dundadyn ulsyn arad-un aman jokial-un hehvlehljin horo, 1986. В. 1. 860 х.; 1987. В. 2. 865 х.; 2000. В. 3. 460 х. [Джангар / Х. Хасагва, А. Тоджбаджи, Эрдени, Х. Бада, Дамринжаб, Н. Лота, Т. Бадма, Т. Джамцо, Ч. Иринчех. В 3 т. Урумчи: Комитет по изданию фольклора КНР, 1986. Т. 1. 860 с.; 1987. Т. 2. 865 с.; 2000. Т. 3. 460 с.] (на ойрат. письм.)

⁶ Jangyar: Jangyarchudyn häälsen «Jangyar-yin» ug tekst. Urumchy: Sindjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xoro. 2013. В. 1. 670 х.; 2013. В. 2. 680 х.; 2015. В. 3. 683 х. [Джангар: Исполненные джангарчи аутентичные тексты «Джангара». Урумчи: Народное издательство Синьцзяна. 2013. Т. 1. 670 с.; 2013. Т. 2. 680 с.; 2015. Т. 3. 683 с.] (на ойрат. письм.)

⁷ «Обращает на себя внимание, что почти все некалмыцкие версии «Джангара» были зафиксированы уже в послевоенное время (1940–1980-е гг.)» [Неклюдов 2019, с. 244].

эпической традиции, что связано с переходом калмыков-номадов к оседлому образу жизни, повлекшим коренные изменения в социально-экономической структуре общества и исчезновение многих элементов традиционного образа жизни. Сохранность же синьцзян-ойратской эпической традиции, угасание которой наблюдается только к концу XX в., видимо, обусловлена определенной консервацией этнокультурных форм, способствующей сбережению традиционного уклада и комплекса традиционных знаний.

2

Особый исследовательский интерес представляет относящаяся к «классическому» типу циклизованных эпопей версия «Джангара», которая принадлежит известному калмыцкому сказителю Ээлян Овла (1857–1920) и состоит из десяти глав-песен, объединенных общим прологом. Его композиционная роль чрезвычайно важна, «поскольку, будучи четко очерченной экспозицией цикла в целом и каждой песни, пролог делает “Джангар” Овла единым художественным организмом» [Кичиков 1997, с. 184]. При всем разнообразии сюжетов тексты цикла Ээлян Овла отмечены внутренним поэтико-стилевым единством, сходством образов главных героев, их эпической генеалогии. Песни циклизуются вокруг эпического центра и эпического властелина⁸; Б.Я. Владимирцов отмечает особый тип циклизации калмыцкого «Джангара», обусловленный его статусом «национальной поэмы» как «удивительной выразительницы народного духа»⁹. В.А. Закруткин, напротив, считал, что цикл Ээлян Овла создан самим сказителем, отрицая таким образом фольклорный характер процесса циклизации калмыцкого «Джангара»¹⁰.

Книжные тексты Ээлян Овла – литографическое издание 1910 г. на старокалмыцкой письменности «тодо-бичик»¹¹ и его

⁸ «Эпический монарх (Джангар, Баундур-хан и др.) служит идеальным центром, вокруг которого объединяются богатыри – его дружинники или вассалы; но каждый из богатырей, входящих в состав этого объединения, – герой самостоятельных эпических сказаний» [Жирмунский 1974, с. 34].

⁹ Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Б.Я. Владимирцова. СПб.; М.: Государственное изд-во, 1923. С. 18.

¹⁰ Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст. и примеч. В.А. Закруткина. Ростов н/Д: Ростиздат, 1940. С. 55–62.

¹¹ Jangyarg: Taki Zulaa qaani üldel Tangsag Bumba qaaniači Ūjúng aldar qaani kűbűүн ūyeyin önčin Jangyariyin arban bölg [Джангар: О потомке

рукописные копии – получили распространение в ойратской среде Монголии и Синьцзяна, что, по-видимому, способствовало актуализации и новому расцвету традиций центральноазиатского «Джангара» [Неклюдов 2019, с. 244]. Кроме того, начиная с 1958 г. этот цикл песен Ээлян Овла неоднократно издавался в Китае на «тодо-бичик» и также имел распространение среди ойратов Синьцзяна¹².

Главы-песни, включенные в крупные фольклорные собрания синьцзян-ойратского «Джангара», имеют прямое отношение к книжным текстам калмыцкого «Джангара» Ээлян Овла¹³. Разрозненная нумерация глав в списке издания 1986 г. косвенно свидетельствует о спаде в синьцзян-ойратской традиции монолитного цикла Ээлян Овла, о том же говорят и указания на записи этих песен от разных сказителей: П. Рампила (№ 5, 19 <1>, 19 <2>), Дж. Никя (№ 15), Б. Зягра (№ 16, 17), Т. Бимбы (№ 20, 24). Песня № 22 записана от двух сказителей – П. Рампила и Т. Бадамнара; по всей вероятности, в одну песнь два варианта были сведены редактором. В песне № 14 указан только обработчик текста (Т. Бадма).

Таки Зула хана, о внуке Тангсак Бумбы хана, о сыне Узюнга великого хана, о Джангаре в поколении одиноком десять глав] / сказитель Ээлян Овла, зап. Н. Очиров, изд. В.Л. Котвич. СПб., 1910. 336 с. (на старописьм. калм. яз.)

¹² Jangyar: Taki Julaa qayan-u ūledel Tangsag Bumba qayan-u ači Üjüng aldar qayan-u kūbegün ūye-yin önöčin Jingyār-un arban yurban bölg. Köke-qota, 1958. 344 q. [Джангар: О потомке Таки Зула хана, о внуке Тангсак Бумбы хана, о сыне Узюнга великого хана, о Джангаре в поколении одиноком десять глав. Хухэ-Хото, 1958. 344 с.] (на старописьм. монг. яз.); Bayatur-ud-un tuuli. 2-е изд. Köke-qota, 1964. 323 q. [Богатырские сказания. 2-е изд. Хухэ-Хото, 1964. 323 с.] (на старописьм. монг. яз.).

¹³ Jangyarin tuuli / bart beldsni T. Badma, Buyankishig. Urumchy, 1980. 647 h. [Сказания о Джангаре / подгот. к изд. Т. Бадма, Буюнкишиг. Урумчи, 1980. 647 с.] (на старописьм. калм. яз.); Jangyar-in eke material. 1–12 b. Urumchy: Sinjiang-in arad-in keblel, 1982–1996 [Материалы о Джангаре. Т. 1–12. Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна, 1982–1996] (на ойрат. письм.); Jangyar / H. Hasagva, A. Tojbaj, Ehrdehni, H. Bada, Damirinzhab, N. Lota, T. Badm, T. Dzhamco, Ch. Irinceh. 3 b. Urumchy: Sinjiang-in arad-in keblel, 1986. В. 1. 860 х.; Jangyar: Jangyarchudyn häälßen «Jangyar-yin» ug tekst. Urumchy: Sindjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xoro. 2013. В. 1. 670 х; 2015. В. 3. 683 х. [Джангар / Х. Хасагва, А. Тожбаджи, Эрдени, Х. Бада, Дамиринжаб, Н. Лота, Т. Бадма, Т. Джамко, Ч. Иринчех. В 3-х т. Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна, 1986. Т. 1. 860 с.; Джангар: Исполненные джангарчи аутентичные тексты «Джангара». Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна. 2013. Т. 1. 670 с.; 2015. Т. 3. 683 с.] (на ойрат. письм.).

Проведенный нами текстологический анализ с выявлением соответствий в содержательной части десяти глав-песен обеих национальных версий¹⁴ выявил их значительное сходство, свидетельствующее о прямом заимствовании синьцзян-ойратской традицией книжной версии цикла Ээлян Овла, причем большая часть заимствованных сюжетов сохранила фабульную идентичность с калмыцкой версией¹⁵, хотя в структуре и содержании ряда сюжетов синьцзян-ойратской версии обнаружились и некоторые отличия.

Таким образом, наблюдается интересное явление: песни, усвоенные синьцзян-ойратскими сказителями из книжной калмыцкой версии, что, вероятно, было обусловлено их живым интересом к этнически близкородственному эпосу, ушли в активное устное бытование данной традиции, обогатив ее и обретя этнолокальную специфику. Явление не столь редкое: так, взаимодействие книжных по происхождению былинных текстов с местной эпической традицией на материале русских былин исследовал Ю.А. Новиков [Новиков 2000, с. 267–348]¹⁶, а соотношение фольклорных и книжных форм версий эпоса «Гесер» рассматривал С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 2019, с. 247–446].

3

Рассмотрим сюжетно-композиционные и стилистические различия между двумя региональными редакциями одного и того же эпического повествования.

Схематически сюжет «О женитьбе Алого Хонгора Благородного» калмыцкой и синьцзян-ойратской версий может быть представлен как последовательность следующих типовых элементов: неудачное сватовство героя к мнимой невесте (*– женитъба героя на мнимой невесте*¹⁷) – распра-

¹⁴ Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.

¹⁵ «Отдельные произведения (или их фрагменты), перенесенные на сотни километров в результате этнических миграций, как правило, остаются верными исходной сюжетной схеме» [Неклюдов 1984, с. 309].

¹⁶ «Тексты такого рода с характерным для них переплетением устно-поэтических и книжных элементов, традиции и новаторства, коллективного и индивидуального начал не поддаются однозначной оценке» [Новиков 2000, с. 51].

¹⁷ Приводимые примеры из текстов синьцзян-ойратской версии здесь и далее выделены полужирным курсивом.

ва героя с мнимой невестой и ее женихом (*~ с мнимой женой*) – странствия героя в поисках суженой – нахождение героем суженой и пребывание в ее стране – поиск и нахождение героя Джангаром – участие героя в состязаниях и получение суженой – возвращение домой и свадебный пир. Различия касаются первого эпизода: если калмыцкий герой, обнаружив мнимую невесту с ее женихом, расправляется с ними обоими, то в синьцзян-ойратской версии он сначала женится на мнимой невесте, а спустя время, прознав о бесовской сущности и непристойном поведении супруги, расправляется с ней.

Претерпел изменение и ключевой мотив богатырских состязаний за невесту. В синьцзян-ойратской версии иной порядок состязаний, а сам мотив разворачивается как пространное стереотипное описание с элементами сказочно-эпической архаики:

Первое состязание – Сановник Бёке Цагана, сына Мангас-хана, богатырь Зан Хара, желто-пестрый огромный лук взял и стал натягивать – с утра до полудня натягивал так, что с концов <лука> пламя вспыхнуло, от основания <его> дым повалил. Пустил <стрелу> – <она> прошла сквозь стебель ковыля, расколов <его>, сбила зернышко на коровьем роге, прошла сквозь ушко семидесяти стремян и тазобедренное отверстие лисицы, долетев до черного камня величиной с корову, упала. Славный нойон бодго Джангар объявил так громогласно, что у трехлетнего медведя, лежавшего в ложбине, едва не лопнул желчный пузырь: в ту пору, когда Благородный Хонгор Алый Лев вел сражения по велению владыки Ширки, более восьмидесяти лет золотой боевой желто-пестрый лук высушивался. Пусть из него стреляет сын хана Харады, стрелок Хара Джилган. Сын хана Харады, стрелок Хара Джилган взял золотой боевой желто-пестрый лук, из ста куланных рогов, крепя, изготовленный, девятью куланными рогами гравированный – на перекладине изображения бодающихся козла и барана, на тетиве изображения играющих мальчика и девочки; по велению владыки Ширки более восьмидесяти лет высушивавшийся. Стал натягивать с утра до полудня так, что изображенные на перекладине бодающиеся козел с бараном чуть не заблеяли; натянул так, что на тетиве изображенные играющими мальчик с девочкой чуть не заплакали; натянул так, что большой палец с мизинцем едва не вывихнул; натянул так, что его плечи с лопатками едва не скрестились; натянул так, что свистящая синяя стрела застонала; с концов <лука> огонь воспламенился, от основания дым повалил <, и пустил стрелу>. Стрела прошла сквозь стебель ковыля, расколов, сбила зернышко на коровьем роге, прошла сквозь ушко семидесяти стремян и тазобедренное отверстие лисицы, черный камень величиной с корову

расколов, у истоков семидесяти рек разожгла пожар с семью очагами. Джангарова <сторона> закричала, что одно состязание они выиграли. Львы<-богатыри> Мангас-хана, повернувшись, засмеялись, отвернувшись заткнули свои подолы <за пояс>¹⁸.

Эпизод конфликта между соревнующимися сторонами в синьцзян-ойратской версии служит мотивировкой для разворачивания следующего сюжетного хода. В калмыцкой версии сторона соперника, признав свое поражение в состязаниях за невесту, отправляется домой. В синьцзян-ойратской версии поражение соперника приводит к усугублению конфликта и вызову Джангар-хана на поединок Мангас-ханом. Однако отцу невесты в результате все же удается мирно разрешить возникший конфликт, приведя для этого убедительные доводы:

Мангас-хан, рассердившись, закричал: его молодца сдуру победили – он намерен сразиться с Джангаром один на один, и отбыл с пятьюстами львами<-богатырями>. В свою очередь славный нойон богда Джангар, сев верхом на Аранзала Зэрдэ, закрепив с правой стороны тридцатипятисаженное копье, сказал: если <Мангас-хан> намерен с ним сразиться, то пусть они выедут и сойдутся в поединке у склона горы Барун Цаста Цаган, и тоже отправился с тридцатью пятью вепрями<-богатырями>. Отец невесты, Бурал Замбал-хан, примиряя двух ханов, сказал Мангас-хану: как он выстоит против <джангарова> наконечника копья и изворотливости Аранзала Зэрда. Тогда <Мангас-> хан, одумавшись, сказал: видно, он, богда Джангар, счастливее его, а главное навершие его бронзового черного дворца согнулось. Затем Мангас-хан со своими пятьюстами львами<-богатырями> отбыл <домой>¹⁹.

Типологически сходны в обеих версиях реализации сюжета «О битве Алтан Чеджи со славным Джангаром», повествующего о конкурентных отношениях между представителями степной аристократии и о жестоких конфликтах за право быть вождями родоплеменного объединения. Калмыцкая версия:

В пятилетнем возрасте юный Джангар попадает в плен к нойону Бёке Мёнген Шигширге. По мере наблюдения за юным Джангаром нойон приходит к выводу, что в скором времени его пленнику судьбой предначертано стать великим человеком и правителем. Угадав

¹⁸ Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». С. 252–254.

¹⁹ Там же. С. 256.

славное будущее юного пленника, Шигширге пытается устраниТЬ его, отправив угнать табун нойона Алтан Чеджи. Таким образом, герой, оказывается втянут в конфликт с Алтан Чеджи, а тот, будучи провидцем и предвидя великое предназначение Джангара, также решает расправиться с ним, пустив в него стрелу. После возвращения смертельно раненного Джангара Шигширге дает супруге наказ расправиться с ним, но их сын Хонгор умоляет мать спасти умирающего героя. Совершив магический обряд, она как целомудренная женщина чудесным образом исцеляет Джангара. Юные богатыри становятся близкими друзьями, Джангар, пройдя инициационные испытания, легитимизирует перед авторитетными представителями степной аристократии Бёке Мёнген Шигширге и Алтан Чеджи свой статус будущего государя. Несмотря на исходные конфликтные отношения, в финале сюжета предстает картина полной эпической гармонии, когда антиподы, объединившись, становятся союзниками²⁰.

В синьцзян-ойратской версии композиционное усложнение сюжета происходит за счет введения в повествование развернутой предыстории Беке Мэнген Шигширге, рассказывающей о его странствиях по свету и встрече с юным Джангаром:

Бёке Мёнген Шигширге унаследовал пятимиллионное кочевье своего отца, владыки Ширки. Для избавления от <своих> возможных врагов, грядущих опасностей и угроз, Шигширге пешком обошел восемь тысяч восемьсот миров, изучая <их>. В одной местности Шигширге обнаружил целую гору костей от съеденного мяса, заполненный пеплом овраг от сожженных деревьев с реки и чугунный котел, поставленный на таган. За время своих странствий по мирам Шигширге видел множество страшных, пугающих веций, но ему стало интересно узнать о том, какой опасный враг проживает на краю того кочевья, где он находился, и <он> стал ожидать противника. Шигширге увидел появившегося тощего мальчика-недоростка в штанах из шкуры оленя, в соболиной шубе, со стрелой из ребра оленя, прикрепленной у печени. Мальчик прибежал в свой стан, принеся на шее изюбря и дикого горного барана, развел огонь и поставил вариться котел с мясом изюбря (наблюдение нойона-антагониста за героем). В это время примчался лев<-богатырь> Бёке Мёнген Шигширге и со словами, что пойманного он хватает крепко, напал <на мальчика>, но тощий мальчик-недоросток, прыгая с одной горной вершины на другую, убежал. В течение трех суток шесть раз сменились день с ночью – мальчик играючи уходил от Бёке Мёнген Шигширге

²⁰ Там же. С. 228–230.

и не давал себя поймать (нападение и преследование нойоном-антагонистом героя) – Бёке Мёнген Шигширге, вернувшись домой, ханше Шилтия Зандан Герел поведал, что он измучился, преследуя в течение троих суток, шести дней и ночей, тощего недоростка бирмена²¹. Он так не уставал даже во время путешествий пешком по восьми тысячам восьмиста мирам (возвращение нойона-антагониста домой). На следующий, четвертый день <Шигширге>, собрав <всю свою> силу борца, схватил тощего мальчика-недоростка, когда тот собирался прыгнуть с одной горы на другую. Схватив, слева под мышку <его> взял, принес домой, бросил у правой стены юрты и запретил давать ему пищу; проголодавшись, тощий мальчик стал выглядывать с правой стороны юрты (пленение героя нойоном-антагонистом). Тогда Хонгор, сын Шигширге, отдал ему свою еду в чаше, которую тощий мальчик, не разбирая, съел. <Наблюдавший за этим Шигширге подумал:> видно, этот бирмен представит в будущем угрозу жизни его единственному сыну²².

При исполнении сказители варьируют сюжеты, опуская или включая в них целые эпизоды. В синьцзян-ойратской версии усложнение структур происходит за счет включения дополнительных мотивов и эпизодов. Так, сюжет «О битве Алтан Чеджи со Славным Джангаром» дополнен эпизодом «встреча мудреца Алтана Чеджи и нойона Беке Менген Ширшиги»; сюжет «О том, как Прекраснейший в мире Мингъян взял живым в плен и привез Могучего Кюрмен-хана» обогатился несколькими эпизодами: «изъявление богатырями готовности исполнить поручение Джангара», «встреча в пути героя со старухой-шулмуской»²³, «встреча в пути героя с небесным быком», «克莱мение богатырем Джангара хана-антагониста»; сюжет «О том, как Свиредый Санал Смуглый разрушил страну Могучего Зарин Зан-тайджи-хана и подчинил ее Джангару» также пополнился рядом эпизодов: «сомнения богатырей по отношению к герою, избранному Джангаром для исполнения поручения в стране хана-антагониста», «поддержка богатырями-соратниками героя, отправляющегося в страну хана-антагониста для исполнения поручения Джангара», «поединок героя с богатырем хана-антагониста, преследующим его». Сюжет

²¹ Бирмен – ‘противник; демон, злой дух; пройдоха’ (*birmn* < санскр. *brahma*) (Ramstedt G.-J. Kalmuckisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. S. 46).

²² Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». С. 228–230.

²³ Шулмус – ‘демон, демоница, ведьма’.

«О битве Алого Хонгора Благородного со Свирепейшим Мангнаханом» дополнился рядом типических описаний («общих мест»): «поимка коня Джангара», «седлание коня Джангара», «снаряжение Джангара».

4

Искусство сказителя подразумевает умение свободно пользоваться системой вариационных элементов эпической лексики. Применительно к имени Джангара в обеих версиях употребляется лексика, обозначающая почетный титул правителя, а также высокостилевые эпитеты, входящие в титулатуру: *найон* – **богдо**; *хан* – **владетельный найон**; *ладыка* – **славный найон** Джангар. Вариации имён главных героев конструируются составными эпитетами, характеризующими героев: *Исполин Алый Хонгор* – **Благородный Хонгор Алый Лев**, *Ловкий* – **Рожденный ловким Алый** Хонгор.

Вариации постоянных эпитетов, описывающих объекты эпического мира, стереотипны и взаимозаменяемы: *высокий золотой дворец* – **чернено-бронзовый дворец**; *бронзово-серебряного* – **золотого желто-пестрого** дворца; *пестрому шатрудворцу* – **золотому высокому дворцу**; *желто-пестрого шатрадворца* – **нефритово-серебряных дверей высокого золотого дворца**.

Вариации с числительными используются в эпосе довольно часто, гиперболизированно выражая эпический масштаб, – понятие неисчислимого множества, длительности определенного действия или события, дальности пути [Poppe 1962]: поставили *шестьдесят* – **восемьдесят** белых юрт; *<И тогда>* в четырех сторонах света находящиеся *сорок стран* – **сорок две страны**; *<Прекраснейший в мире Мингъян>* вошел *<во дворец>*, зазвенев *пятью тысячами колокольчиков*. – **вошел <во дворец> во время пира, зазвенев шестьюдесятью двумя колокольчиками, дребезжа семьюдесятью двумя колокольчиками**; пригнать *<Джангару>* *восьмидесяти тысячный* – **восьмитысячный** табун вороных с лысинкой коней; *Семью семь сорок девять дней длился <свадебный> пир*. – **Проведя в больших наслаждениях шестьдесят суток, в больших пирах семьдесят суток, на протяжении восемидесяти суток длилось веселье с гостями**; тысячу и один год выплачивать дань, повелел трижды поклониться в ноги *Джангару*. – **сроком на сто лет они будут подданными хана Джангара и обязаны в течение тысячи лет выплачивать ему дань**; Ровно три месяца – **расстояние ровно в сорок девять суток** пути проскакал он.

Обновление формульной лексики происходит посредством использования синонимичных словосочетаний и семантических эквивалентов: *три волшебных сандаля и тополя – верхушки трех волшебных сандалов и тополей*; *задирист – весельчак*; отборных коней – *коней сайдов*; в цахар ханского дворца – *на окраину ханского цахара*; превратил в захудалого коня – *жеребенка-двухлетку*; приставили охрану из львов <богатырей> – *из многочисленных простых богатырей*; перед рассветом – *посреди ночи*; страна владыки Джангара – *Ара Бумбайская страна*.

Несмотря на следование книжному тексту, в недрах развитой синьцзян-ойратской традиции наблюдается тенденция к творческому поиску, индивидуальному переосмыслинию эпизодов, новаторству с обилием импровизационных вставок и обновлению формульной лексики. «Система может нести в себе элементы, которым суждено будет развиться и стать формообразующими и определяющими в рамках новых эпических систем» [Путилов 1999, с. 24]. Диапазон семантических разночтений в таком случае может быть значителен: *сел впереди – подошел и сел на углу <у подножия> львиного трона*; *расхохотался до колик в животе – так что печень затвердела*; *богатырей – сайдов*; свистели словно ружейные пули – *стрельбы*; *разрубил тело <шулмуски> на куски и разбросал – бросил в огонь*; <Хонгор,> выхватив бердыши – *золотой боевой жемто-пестрый меч*; *устремился к кочевьям – ко дворцу*; величественные волны *священного <океана>* – *священного кургана*; две желтые степные – *небесные* осы; желтым чистым хадаком – *шелковым платком*.

Имена эпических персонажей и топонимических объектов могут различаться: Замбал-хан – *Домбо Бара-хан*; Герензелхатун – *Зула Зандан-хатун*; гора Мёнген Цаган – *Алаг*; в центре <ханской ставки> – *на берегу моря Шинджир, в долине горы Шикир*. Обозначение стороны света, где обитает антагонист, куда направляется герой или откуда прибывает посланник, зачастую указывает на прямо противоположное направление: живущий на *северо-западе – на юго-западе*; направился в <южную сторону> между восходом и заходом солнца – *в сторону захода солнца <на запад>*; <прибыл> с северо-востока – *со стороны восхода солнца (востока)*.

В стилистике эпоса формулы стабильны и наименее подвержены изменениям. Этнопоэтические константы калмыцкого и синьцзян-ойратского эпосов – каноничные по своей сути текстовые фрагменты, относящиеся к общемонгольскому фонду. Степень профессионализма сказителя определяется мастерством владения эпическим знанием, в том числе формулами. «Станов-

ление сказителя и формирование его мастерства происходило путем накопления “знаний” эпоса, его содержания и поэтики, эпической “грамматики”, и через овладение искусством “воссоздания” в процессе исполнения, т. е. искусством варьирования, оперирования формулами не как застывшими “общими местами”, а как живыми единицами стиховой материи» [Путилов 1999, с. 214].

При этом в синьцзян-ойратской версии обнаруживаются и региональные формульные константы. Этнолокальная специфика в формулах обозначается упоминанием значимых ландшафтных объектов на территории проживания этноса. В архаической формуле зачина упоминается гора Алтай:

Владения расположены на правой стороне Тогос Алтая; со временем, когда птица павлин, взойдя на его вершину, еще не воспарила, когда живое существо еще не ступало к его подножию²⁴.

Космогоническая тема передается через архетипический образ центра мироздания (гора Тогос Алтай) и первосущества (птица павлин). Во многих зачинах картина начала творения изображается через «эмбриональные» формы «первообъектов», их нетронутость и заповедность – как в данном примере (о Тогос Алтае). Культ Алтая у тюрко-монгольских народов сохраняется с древних времен, он воспет в гимнах и сказаниях, не говоря уж о том, что ойраты-скотоводы в прошлом кочевали по степям и горным пастбищам Алтайских гор. В формуле «Ара (северная) Бумбайская страна, прекрасная Алтайская держава»²⁵ – Алтай мыслится реальной проекцией мифической страны Бумбы, – края, богатого лесами, зверями, прекрасными пастбищами. Наряду с Алтаем в формулах упоминается и Хангай – другая горная система Западной Монголии:

С боками из сердцевины дикого дерева, с основанием из сердцевины хангайского дерева блестящее тяжелое черное седло положили.

Этнолокальность в формулах передана с помощью образов животного мира ойратских кочевий. Скорость скачущего богатыря сравнивается с быстротой тушканчика, стремительностью ястреба и сокола:

²⁴ Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». С. 46.

²⁵ Там же. С. 107.

Скакал словно белый солончаковый тушканчик, мчавшийся поверх солончака; Словно нападающие на добычу ястреб с соколом помчались они, словно пущенные из лука стрелы понеслись они²⁶.

В одной из формул, описывающей мощность богатырского крика, упоминаются разные животные – медведь, лебедь, кулан, дикий конь и кобылица:

Вспугнул <табун>, так закричав, что у трехлетнего медведя, лежащего в ложбине, едва не лопнул желчный пузырь; <Хонгор> прокричал клич-уран своей богатырской державы: из яйца лебедя, летящего в небе, едва не вылупился птенец, что у скакавшего по вселенной кулана, дикого коня и кобылицы, едва жеребенок не родился²⁷.

В синьцзян-ойратских текстах часто употребляется универсальная формула, описывающая многочисленность и замечательные качества богатырской дружины Джангара:

Под водительством рожденных главенствовать двенадцати богатырей, свободных тридцати пяти богатырей, <восседавших> за арзой восьми тысяч львов<-богатырей>, под покровительством славного Джангара...²⁸.

Различия состоят в общей численности воинских дружин (6012 и 8047). В калмыцком версии дружины Джангара имеет иерархическую структуру, состоящую из двух уровней (12 и 6000), а в синьцзян-ойратской из трех (12 – 35 – 8000). Следует отметить, что в синьцзян-ойратских текстах используется также известная формула из калмыцкого текста – «шесть тысяч двенадцать богатырей».

За счет образов местной традиции и процессов вторичной архаизация синьцзян-ойратские тексты обогащаются формулами архаичной по содержанию «стилистической обрядности». Метафорическое значение формулы «Покоренных к стремени преклонили, мстительных под пяту взяли»²⁹ – подчинение покоренного правителя и его народа власти победителя. В ней, по-видимому, находит отражение древний ритуал монгольских кочевников, заключающийся в преклонении к стремени победителя, демонстрирующий покорность и готовность служить сюзерену.

²⁶ Там же. С. 135, 125.

²⁷ Там же. С. 197.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же. С. 35.

Исторически в ойратском обществе периода феодальной раздробленности захваченные земли и народ переходили под власть хана-завоевателя, а на плененного хана накладывались обязательства по выплате дани. В одной из формул описан обряд принятия ханом-антагонистом подданства Джангара:

Зан-тайджи-хан, вынув священно-белый хадак, преподнес Джангару, заверяя покорно, что жизненную силу свою он преподносит велико-му Джангару и шести тысячам двенадцати богатырям, а жизнь свою отдает в распоряжение Алому Хонгору Благородному³⁰.

В ритуализованных этикетных формулах описывается принятие вассалитета в его сакральных и правовых аспектах, когда покоренный правитель, присоединяясь к более сильному вождю, вручает ему свою собственную «силу» и умножает его «сульде», или харизму – духовную мощь и «силу» великого правителя, при жизни приносящую победы и трофеи, а после смерти воплощающейся в духа-хранителя племени и народа («сульде»). Древние представления о «сульде» у монгольских народов, связанные с культом Чингисхана, своими корнями, по-видимому, уходят еще в охотничьи традиции.

5

Усложнение композиционной структуры эпоса происходит различным образом. Таково включение предыстории, предваряющей основное повествование, – вспомним введение эпизода с ситуацией конфликта, которое влечет за собой развертывание второго сюжетного хода. На усложнение повествования может влиять изменение порядка изложения действий в определенном мотиве или эпизоде, детализация и развернутость описания с включением элементов сказочно-эпической архаики. В целом нововведения могут иметь существенное или незначительное воздействие на развитие сюжетного повествования, а в случае с типическими мессами могут не иметь его вообще.

В содержательной части наблюдается обновление лексики в результате текстуального варьирования. Вариации встречаются в области эпической ономастики и топонимии, а также постоянных эпитетов, описывающих объекты эпического мира. Использования синонимичных форм и семантических эквивалентов свидетельствуют о незначительных разнотечениях в эпической лексике. Существенные текстуальные разнотечения связаны

³⁰ Там же. С. 235.

с переосмыслением эпизодов, с импровизационными вставками и семантически разнящимися эквивалентами.

На стилистическом уровне наименее подвержены изменениям отшлифованные, подлинно художественные образцы формул, относящихся к общеэпическому фонду традиции. Этнолокальные черты формул обнаруживаются в упоминании объектов ландшафта, флоры и фауны на территории обитания этноса, а также вкраплении в текст архаичных по смыслу и содержанию ритуализированных формул, бытующих в традиции ойратов Синьцзяна.

В данной статье мы ограничились сравнительно-типологическим исследованием региональных версий цикла Ээлян Овла на сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях с целью выявления конкретных сходств и различий, дающих представление о сути и механизмах фольклорно-эпических отношений. С данной проблематикой связан ряд важных дискуссионных вопросов, касающихся формирования и бытования в рассматриваемых региональных традициях первоначальных редакций «Джангара», их распространения и взаимодействия с местными версиями, которые мы намерены рассмотреть в дальнейших исследованиях.

Благодарности

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Литература

- Бергман 2004 – *Бергман В.* Песнопение // «Джангар». Материалы и исследования / Вступ. ст., сост., примеч. В.З. Церенова. М.: Наука, 2004. С. 8–12.
- Жирмунский 1974 – *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Кичиков 1997 – *Кичиков А.Ш.* Героический эпос «Джангар»: Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
- Козин 1940 – *Козин С.А.* Джангариада: Героическая поэма калмыков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 249 с.
- Кудияров 1988 – *Кудияров А.В.* Поэтико-воззренческие аспекты историзма эпоса монголоязычных народов // Фольклор: Проблемы историзма / отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1988. С. 127–170.

- Неклюдов 1984 – *Неклюдов С.Ю.* Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Наука, 1984. 310 с.
- Неклюдов 2019 – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Новиков 2000 – *Новиков Ю.А.* Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 376 с.
- Путилов 1999 – *Путилов Б.Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
- Путилов 2003 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с. (Ethnographica Petropolitana)
- Poppe 1962 – *Poppe N.* Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1962. Bd. 112. S. 106–158.

References

- Bergman, V. (2004), “Chanting”, in Tserenov, V.Z., comp., “*Dzhangar*”. *Materialy i issledovaniya* [“Dzhangar”. Materials and research], Nauka, Moscow, Russia, pp. 8–12.
- Kichikov, A.Sh. (1997), *Geroicheskii epos «Dzhangar»: Sravnitel'no-typologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic “Dzhangar”. Comparative typological study of the monument], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Kozin, S.A. (1940), *Dzhangariada: Geroicheskaya poema kalmykov* [Jangariad. Heroic poem of the Kalmyks], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Kudiyarov, A.V. (1988), “Poetic and ideological aspects of the historicism of the epic of the Mongol-speaking peoples”, in Gatsak, V.M., ed., *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of historicism], Nauka, Moscow, USSR, pp. 127–170.
- Neklyudov, S.Yu. (1984), *Geroicheskii epos mongol'skikh narodov (ustnye i literaturnye traditsii)* [Heroic epic of the Mongolian peoples (oral and literary traditions)], Nauka, Moscow, USSR.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klornyi landshaft Mongolii. Epos knizhnyi i ustnyi* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic], Indrik, Moscow, Russia.
- Novikov, Yu.A. (2000), *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [Storyteller and epic tradition], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Poppe, N. (1962), “Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen”, *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 112, SS. 106–158.

- Putilov, B.N. (1999), *Ekskursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo eposa* [Excursions into the theory and history of the Slavic epic], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Putilov, B.N. (2003), *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1974), *Tyurkskii geroicheskii epos. Izbrannye trudy* [Turkic heroic epic. Selected works], Nauka, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Цаган Б. Селеева, кандидат филологических наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; tsagana007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3285-3038

Information about the author

Tsagan B. Seleeva, Cand. of Sci. (Philology), Presidential Academy, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; tsagana007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3285-3038

Монгольские благопожелания (юролы) и восхваления (магтаалы): использование заимствованной лексики

Мария Р. Совдагарова

*Национальный университет Монголии,
Улан-Батор, Монголия, sovdamar@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различные примеры заимствованной лексики, обнаруживаемой в жанрах монгольского церемониально-обрядового фольклора. Юролы (благопожелания) и магтаалы (восхваления) имеют долгую и богатую историю в культурных традициях монгольского народа. В то же время в жизни монголов данные жанры играют сугубо практическую роль, сопровождая всевозможные знаменательные события общественной и частной жизни – как торжественные общественные события, так и важные для отдельно взятой семьи собрания. Жанры юрол и магтаал не утрачивали своей популярности на протяжении всей исторической жизни монголов, изменяясь с приходом новых времен, приспособливаясь и реагируя на все культурные новшества, а также активно включая в свой состав неологизмы, в качестве которых зачастую выступают заимствованные иностранные слова. Статья опирается на материалы полевых и архивных исследований, проведенных учеными в период с 1964 по 2020 г., а также на составленные ими словари ассилированной лексики. Представлены ключевые сведения об изучении заимствований в монгольском языке и проанализированы конкретные примеры и языковые особенности, выявленные в рамках исследуемых фольклорных жанров.

Ключевые слова: благопожелание, хвалебная ода, юрол, магтаал, заимствование, ассилированная лексика

Дата поступления статьи: 3 мая 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 8 августа 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Совдагарова М.Р. Монгольские благопожелания (юролы) и восхваления (магтаалы): использование заимствованной лексики // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 61–79. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-61-79

Mongolian well-wishes (*yurol*) and praising poems (*magtaal*): the usage of lexical borrowings

Maria R. Sovdagarova

*National University of Mongolia,
Ulaanbaatar, Mongolia sovdamar@yandex.ru*

Annotation. This article examines various examples of loanwords found in the genres of Mongolian ceremonial and ritual folklore. *Yurol* (well-wishes) and *magtaal* (praises) have a long and rich history within the cultural traditions of the Mongolian people. At the same time, these genres play a distinctly practical role in the lives of Mongols, accompanying a wide range of significant events in both public and private spheres – from festive public ceremonies to gatherings important within a family. The genres of *yurol* and *magtaal* have never lost their popularity throughout the entire historical existence of Mongolian nation. They have evolved with the passage of time, adapting and responding to all cultural innovations while actively incorporating neologisms, many of which are borrowed foreign words. This article is based on field and archival research materials conducted by scholars between 1964 and 2020, as well as on the dictionaries of borrowed words they compiled. Key information about the study of loanwords in the Mongolian language is presented and specific examples and linguistic features identified within the framework of the folklore genres under study are analyzed.

Keywords: benevolence poem, praising ode, *yurol*, *magtaal*, borrowed word, assimilated vocabulary

Received: May 3, 2024

Approved after reviewing: August 8, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Sovdagarova, M.R. (2025), “Mongolian well-wishes (*yurol*) and praising poems (*magtaal*): the usage of lexical borrowings”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 61–79, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-61-79

Йорол (*ерөөл*) – стихотворное благопожелание, произносимое по случаю торжественных событий [Сампилдэндэв 1985, с. 54–67]; сходную с ним функцию имеет хвалебное стихотворение *магтаал*, не включающее специальных формул пожелания. К мероприятиям, проведение которых требует произнесения юролов

и магтаалов, относятся крупные общенародные праздники (встреча Нового года по лунному календарю *цагаан сар*, летние спортивные игрища *наадам*), церемонии, сопровождающие ключевые события человеческой жизни (рождение ребенка, свадьба, похороны) и менее значимые, но все равно важные события, позволяющие людям собраться вместе (валяние войлока, доение кобылиц). Если магтаалы в основном привязаны к подобным торжествам и нечасто звучат в их отсутствие, то некоторые благопожелания в силу своей популярности становятся самостоятельным жанром, отделившимся от изначального праздничного повода. Таковыми являются юролы в честь установки новой юрты, по случаю приготовления водки, доения кобылиц, устроения пира [Heissig 1972, pp. 476–484] (см. Приложение, № 1–2). Юролы и магтаалы произносятся при принесении жертвы на обово, поклонении горам или даже в честь каких-либо прославленных людей – Богдо-гегена, знаменитых военных или религиозных деятелей, правителей тех или иных местностей [Хорлоо 1969, с. 15–70]¹.

Можно заметить, что случаев, требующих присутствия вышеописанных фольклорных жанров, великое множество. Со временем как благопожелания, так и восхваления изменялись вместе с процессом урбанизации страны и адаптировались к нему. Сейчас среди благопожеланий родному kraю можно найти новые юролы и магтаалы, посвященные Улан-Батору и иным крупным городам, в которых и живут их сочинители. Наравне с восхвалением, произносимым по случаю постройки новой юрты, теперь существует благопожелание новой квартире. Ходят слухи, что юролы произносят даже перед защитой докторской диссертации.

Благопожелания занимают особое положение в фольклорной традиции – на грани между собственно обрядовой и лирической поэзией. Объясняется такое пограничное положение верой человека в магическую силу слова, в возможность посредством грамотно выстроенных поэтических формул управлять своей жизнью и взаимодействовать с населяющими мир сверхъестественными существами. Сам по себе юрол, как и магтаал, не имеют никакой специально заговорной функции, однако ни один праздник или знаменательное событие без них не обходится. Эти стихотворные пожелания и восхваления произносят в дополнение к шаманским или буддийским обрядам (а порой и к тем, и к другим) «на всякий случай». Так, «когда ставят юрту, <...> исполняется благопожелание, после чего считается, что все в порядке». Эта процедура не

¹ Аман зохиолын дээжис. Боть III: Монгол ардын өрөөл, магтаал [Образцы фольклора. Т. 3: Монгольские народные благопожелания и восхваления]. Улаанбаатар: Соёмбо пресс, 2014. С. 312.

осознается традицией как сакральная, переходя из “ритуальной” в “церемониальную” фазу, становясь скорее обычаем, чем обрядом (“просто так положено”). Однако если в семье возникает неблагополучие, ее повторяют, и тогда, как ожидается, неприятности должны прекратиться. Следовательно, у благопожелания все же есть не отрефлексированный традицией магический смысл» [Неклюдов 2008, с. 44].

Помимо своей обрядовой функции юролы и магтаалы придают событию вид особой торжественности (см. Приложение, № 3–4). Наполненные поэтическими украшениями и цветистыми словесными формулами, они подчеркивают важность происходящего в глазах присутствующих. Грамотное произнесение юрола или магтаала – нелегкая работа, требующая долгих лет обучения и обширного запаса знаний об их правильном составлении. Тренировка «юролчинов», исполнителей благопожеланий и хвалебных од, начиналась с детства [Хорлоо 1969, с. 11–13]. Некоторые выдающиеся юролчины прошлого получали общемонгольскую известность как народные поэты: Лувсандэндэв (1854–1909), Шагдар (1846–1926), Гэлэгбалсан (1846–1923)² и другие [Heissig 1972, pp. 456–474].

Как уже говорилось ранее, обрядовая поэзия монголов содержит большое количество средств выразительности, параллелизмов, поэтических сравнений, эпитетов, гипербол [Heissig 1972, pp. 476–491]. Желая подчеркнуть силу борца, победившего на спортивном празднике наадам, юролчин сравнил его со львом или тигром. Описывая красоту коня, подаренного на свадьбе матери невесты, ноздри животного сравнят с улитковой раковиной, а хвост – с гибкой змеей.

Сравнивая и приукрашивая что-либо, исполнитель будет использовать обозначения событий или предметов, отмеченных в сознании народа как самые лучшие, богатые или красивые. На формирование подобных образов влияет общая культурная ситуация, изменяющаяся с приходом новых религиозных течений или исторических событий.

Юролы и магтаалы – исконно монгольские фольклорные поэтические жанры со своей давней историей, прочно укоренившиеся в жизни общества и продолжающие бытовать в наши дни. Однако и их не обошли стороной многочисленные лексические заимствования. Так, после утверждения в жизни монголов буддизма в благопожеланиях «драгоценности» часто стали называть заимствованным санскритским словом «чандамани», лотос обозначается

² Гэлэгбалсан. Ерөөлүүд [Благопожелания] / ed. by Ts. Damdinsuren. Ulanbator: ЭШХ, 1961 (CSM. T. XV. Fasc. 1). P. 54.

сочетанием «бадам лянхуа»³, где первое слово восходит к санскритскому названию лотоса, а второе – к китайскому. Даже слово «архи»⁴ (молочная водка) пришло к монголам из далекого арабского языка.

2

Заимствования появляются в каждом языке на всех исторических этапах. Межэтнические или межгосударственные контакты немыслимы без взаимных языковых диффузий, в результате практически каждый язык содержит немалое количество заимствований, использующихся в разных сферах человеческой деятельности. В зависимости от вида межнациональных связей (культурных, политических, религиозных, смешанных) заимствования проникают в разные слои общества с разной интенсивностью. Наблюдая за этими различиями в характере функционирования заимствованных слов, а также за временем установления отношений между народами и странами, можно строить свои предположения о том, когда и какие слова пришли в язык.

При общем взгляде на заимствованную лексику в монгольском языке и на источники ее происхождения перед нами открывается богатая история культурных отношений между народами, населяющими Центральную Азию и земли за ее пределами. Будучи кочевниками, т. е. чрезвычайно мобильным народом, монголы имели широчайшую сеть взаимодействия с окружающими их странами, что оказывало значительное влияние и на лексический состав их языка. Кроме того, существует и довольно значительный пласт лексики, общей для народов не только родственных, но тесно соседствующих, активно взаимодействующих – это относится к языкам алтайской языковой семьи: монгольским, тюркским, тунгусо-маньчжурским⁵. В подобных случаях определение причины лексических совпадений в разных языках – заимствование или генетическое родство – представляет собой сложную научную проблему, решаемую специальными лингвистическими методами.

³ Даваажав Г. Монгол хэлний ормол үгийн толь: Европын хэлнүүдээс монгол хэлэнд орсон үгс [Монгольский этимологический словарь: Слова, заимствованные из европейских языков]. Улаанбаатар: Гаралтын мэдээ, 2002. С. 80.

⁴ Ramstedt G.-J. Kalmuckisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. S. 560. (Lexica Societatis Fennno-Ugricæ; III)

⁵ Etymological dictionary of the Altaic languages / ed. by S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. 3 vols. Leiden: Brill Publishers, 2003. 1556 p.

Изучение заимствований в монгольском языке идет давно, но единий термин для этого класса лексики до сих пор не установился, заимствованные слова называют *харь* (*гадаад*, *ормол*, *зээлсэн*) уг, т. е. «чужие (иностранные, заимствованные) слова» и т. д.

Ученые, занимавшиеся исследованиями заимствований в монгольских языках (Б.Я. Владимирцов, Г.Й. Рамстедт, Н.Н. Поппе и др.), описывали процесс языкового обмена (в том числе между народами алтайской семьи), лексику, заимствованную из языков стран, с которыми на протяжении своей истории соседствовали монгольские племена, процесс ее ассимиляции и изменений [Владимирцов 2005, с. 105–137; Poppe 1955, pp. 36–42]⁶. Среди монгольских лингвистов, внесших особенно значительный вклад в изучение подобных заимствований, следует назвать Ж. Төмөрцэрэна и Ц. Өлзийхутага, в чьих трудах по лексикологии дано общее описание заимствований и их классификация. Кроме того, надо упомянуть таких исследователей, как О. Сүхбаатар, Н. Балжиням и Д. Төмөртогоо, с чьей помощью создавались словари заимствованных слов, вошедших в монгольский язык. Отдельно стоит отметить вклад в изучение заимствованной лексики Ш. Лувсанвандана, который помимо создания классификации заимствованных слов в своих трудах описал пути попадания в монгольский язык и ассимиляции чужих слов, показав на конкретных примерах те фонетические изменения, которые происходили с иностранной лексикой при ее вхождении в монголоязычные лексиконы [Төмөрцэрэн 1964, с. 23–25; Балжиням 2011, с. 13–15; Лувсанвандан 2010, с. 20–21]⁷.

Иностранные слова приходили в монгольский язык двумя путями: по каналам устного общения и через письменные источники. Первый случай относится в основном к тюркским заимствованиям, а также к некоторым персидским, китайским – с этими народами монголы имели прямые контакты на протяжении длительного времени. Иностранные слова, попавшие в монгольский язык, были связаны с такими областями, как политика, экономика, военное дело, торговля и быт. Наиболее популярные и сохранившиеся до наших дней китайские заимствования повседневно используются в хозяйстве, например: *байцаа* ('капуста'), *лууваан*

⁶ См. также: МХСТ. С. 17; *Ramstedt G.-J.* Op. cit.

⁷ См. также: МХСТ. С. 17; *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь угийн толь [Монгольский словарь иностранных слов]. Улаанбаатар: Ном хэвлэлийн Адмон компанид хэвлэв, 1999. 273 с.; *Төмөртогоо Д.* Монгол хэлэнд орсон гадаад угийн хураангуй тайлбар толь [Краткий словарь иностранных слов, вошедших в монгольский язык]. Улаанбаатар: Адмон Принт, 2018. 199 с.

(‘морковь’), *хүүшүүр* (‘жареная лепешка с мясом’), *лийр*⁸ (‘китайская груша’) – и сейчас все эти вещи можно найти на рынке. Эти простые слова свидетельствуют о том, что помимо межнациональной вражды была и многовековая история мирного взаимодействия [Төмөрцэрэн 1964, с. 28–29].

Существуют также заимствования, «переходившие из рук в руки», попадавшие в монгольский из другого языка, в котором они, в свою очередь, являются заимствованиями. Так, многие греческие слова попали в монгольский через другие языки без прямого контакта с Грецией, как, скажем, монг. *дэвтэр*⁹ (‘тетрадь’) < тибет. < *deb-ther* < перс. *daftar* < греч. *τεφτέρ*. Иногда сложно сказать, как именно и через какой язык заимствование попадает к монголам. Так, термин *бадам лянхуа* – ‘лотос’, цветок, священный для буддистов, является парным словосочетанием, где первый компонент восходит к санскритскому названия этого растения, а второй – к китайскому. Одни словари определяют этот термин как целиком заимствованный из тибетского, в других бином *бадам лянхуа* разделяется на два отдельных слова и определяется как слияние уйгуризма (из санскрита) с китаизмом.

Некоторые иностранные слова, вошедшие в монгольский язык, сохраняют свою устойчивую форму или подвергаются дополнительной фонетической и орфографической «обработке» для последующего комфорtnого использования в языке-восприемнике: *арзмер* (‘размер’), *тавчик* (‘тапочки’), *чишик* (‘чешки’), *иртууз*¹⁰ (‘рейтузы, леггинсы’). Вообще, иноязычные заимствования могут выделяться в монгольских текстах по нескольким признакам: начальные согласные *к*, *ф*, *щ*, *н*, *в*, *р*, *й*, редкие или вообще невозможные в исключительно монгольских словах; стечение двух различных гласных (*аут*, *аэро*, *ион*, *оазис* и пр.); удвоенные согласные (напр., *аппарат*, *касс*, *аммиак*); ударение не на первом слоге (которое смещается дальше только в словах долгими гласными и дифтонгами) и т. д.

Второй случай можно рассмотреть на примере ассимилированной санскритской и тибетской лексики. Несмотря на наличие прямых контактов между Монголией и Тибетом, в социальном плане эти отношения были довольно ограниченными и были в основном связаны с конфессиональной сферой. Из Тибета в Монголию пришел буддизм, в связи с чем была инициирована и проводилась большая работа по переводу буддийских сочинений, канонов и сутр, в результате чего монголами усваивалась и буддийская терминология, входящая в эти тексты. В этом случае и санскрит-

⁸ Даваажав Г. Монгол хэлний ормол үгийн толь. С. 95.

⁹ Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. С. 280.

¹⁰ Там же. С. 212.

ские слова входили в монгольский язык через тибетский – как в указанном примере с «тетрадью»; скажем, санскр. *Дипангара* (имя божества), пройдя через тибетскую транскрипцию, стало монг. *дэванагари*, обозначающим давно прошедшее событие [Төмөрцэрэн 1964, с. 30] и т. п.

Ассимилированную иностранную лексику, затрагивающую политическую, экономическую, религиозную и бытовую жизнь народа, можно без особых затруднений обнаружить и в различных фольклорных жанрах, в том числе в юралах и магтаалах.

3

Иностранные заимствования, встречающиеся в благопожеланиях и восхвалениях – обычно в составе некоторых поэтических формул, в сравнениях, параллелизмах и других тропах – имеют разновременное происхождение, что обусловлено разновременными культурными контактами монголов с другими народами Востока и в какой-то степени Запада, а также важными событиями, относящимися к их национальной истории (установление в XIII в. династии Юань в Китае и Хулагуидов в Иране, маньчжурское завоевание в XVII в., принятие буддизма, окончательно закрепившегося в народной традиции лишь в XVII в., освободительная революция 1921 г. и др.). Соответственно, заимствованная лексика приходит к монголам из разных языков и в разные эпохи.

Так, самые ранние заимствования из уйгурского (и из санскрита через уйгурский)¹¹ датируются временем освоения монголами уйгурской письменности (XIII в.), а вместе с ней и некоторых литературных жанров, почти исключительно религиозного характера. Сходные по тематике тибетские заимствования появляются позднее, а широко входят в монгольский язык уже при правлении Лигден-хана (XVI–XVII вв.) в результате развернутой при нем масштабной деятельности по переводу привезенных из Тибета буддийских сочинений и благодаря влиянию приглашенных им тибетских лам. Именно в результате подобных процессов в монгольском языке укоренилось значительное количество терминов, связанных с буддийской тематикой¹².

Примеры использования данной группы заимствований в народной поэзии могут быть немалом количестве обнаружены

¹¹ Например: *шашин*, *цадиг*, *махбодь*, *очир*; *суврага*, *титэм*, *хутагт*, *Хурмаст*, *Эрлэг хан*.

¹² *Адъя*, *сумъя*, *ангараг*, *будд* и многие другие, включая даже дни недели (*даваа*, *мягмар*, *лхагва*).

в юролах и магтаалах. В этих фольклорных жанрах часто встречаются такие религиозные термины, как *бүян* (< санскр. ‘благо, благая карма’), *бадар* (< санскр./уйгур. ‘чаша’), *бадам ляңхуа* (< санскр./кит. ‘лотос’), *бурхан* (< уйгур. ‘будда’), *зандан* (< санскр./уйгур. ‘сandal’), *замбага* (< санскр. ‘магнолия’)¹³ и др. Благопожелания и восхваления ценились прежде всего за приписываемое им магическое воздействие на обстоятельства. Такие фольклорные тексты рассматривались как призыв к сверхъестественным силам ради достижения собственных целей, чего невозможно было добиться без применения «правильных» слов, которые приносила каждая новая волна культурного влияния. В магтаалах встречается имя верховного божества Хормуста тэнгри, где первое слово (*хурмаст*), пришедшее от уйгуров-буддистов, восходит к согдийскому Хурмазта (= Ахурамазда, Ормазд)¹⁴, идентифицированному с буддийским Индрой [Владимирцов 2003, с. 179; Владимирцов 2005, с. 122]. В Монголии этот персонаж становится верховным божеством шаманского пантеона и сохраняет свое значение в народной религии, фигурируя в обрядовых текстах наравне с Буддой Шакьямуни («Бурханом»).

В то время как заимствования из уйгурского и тибетского (в том числе восходящие к санскриту) относятся в основном к религиозной терминологии, иная картина открывается при взгляде на заимствования, пришедшие от других народов и культур. Основу корпуса иноязычной лексики из стран Средней Азии составляют в монгольском названия предметов торговли и быта, а также некоторые профессионализмы, пришедшие в Монголию вместе с соответствующими ремеслами. Однако эти слова крайне редко появляются в поэтико-стилистической системе благопожеланий и восхвалений. Достаточно многочисленна ассимилированная в монгольском китайская лексика, чаще относящаяся к предметам обихода (*сойз* < кит. ‘щетка, расческа’, *шаазан* < кит. ‘фарфор’ и пр.)¹⁵, но в фольклорной поэзии она представлена незначительно, что объясняется слабым влиянием китайской культуры на традиции простых монголов. Большинство же китайских, относящихся к сфере торговли и быта, в фольклоре обозначают предметы роскоши, а в юролах и магтаалах усиливают праздничный характер поэтических описаний (МХСТ, с. 21–26).

То же относится к сравнительно немногочисленным заимствованиям из персидского и тем более арабского, опять-таки больше связанным с областью торговли. В благопожеланиях

¹³ Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь угийн толь. С. 245.

¹⁴ Etymological dictionary of the Altaic languages...

¹⁵ Даваажав Г. Монгол хэлний ормол угийн толь. С. 90.

и восхвалениях их немного, причем речь чаще идет о предметах роскоши, пришедших в страну по торговым каналам и рассматриваемых простым народом как нечто драгоценное; кстати, к таким относится и *архи*¹⁶ ('водка'), в поэтической системе монголов имеющая статус священного напитка. Прославляя в магтаалах силу и ловкость борцов на спортивном празднике наадам, их упоминают «льву» (*арслан*) или «тигру» (*барс*)¹⁷. Названия этих экзотических для Монголии животных пришли из персидского и арабского языков.

К послереволюционным заимствованиям принято относить все существующие в монгольском языке слова, пришедшие из европейских языков, прежде всего из русского, хотя первые отмеченные европеизмы начали проникать в Монголию еще в XIX в. Однако более широкое распространение они получили уже после 1920-х гг., с проникновением из Европы новых отраслей науки и производства, вместе с развитием технических и аграрных областей монгольского хозяйства. Так, в хвалебной оде монгольскому скоту встречается такое словосочетание, как *трактор комбайнах*¹⁸, компоненты которого явно пришли из русского языка.

В отличие от обсуждаемых ранее заимствований, лексика, пришедшая из русского, французского, немецкого и других европейских языков, тесно связана с повседневной жизнью страны в новейший период ее развития, однако далеко не вся она попадает в юролы и магтаалы. На основе проведенного анализа можно утверждать, что все иноязычные слова, освоенные именно в XX в., относятся к одной-двум жанровым разновидностям благопожеланий, связанным со скотоводством или сельским хозяйством. Это могут быть юролы пяти видам скота (*таван хошуу малын ерөөл*), юролы в честь «держания кобылиц» для дойки (*гүү барихын ерөөл*), магтаалы, восхваляющие силу и умения простых монголов. В целом же подобные заимствования в этих текстах встречаются крайне редко и относятся лишь к самой недавней эпохе в истории монгольского народа (МХСТ, с. 34–36)¹⁹.

4

Подводя итоги, нельзя не отметить богатство исторических связей монгольского народа с окружающим его миром, причем

¹⁶ Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь угийн толь. С. 276.

¹⁷ Etymological dictionary of the Altaic languages...

¹⁸ Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь угийн толь. С. 231.

¹⁹ См. также: Даваажав Г. Монгол хэлний ормол угийн толь.

не только с его ближайшими соседями, но и с географически удаленными странами Азии и Европы. Некоторые из этих связей оборвались за сотни лет до наших дней, но их результаты можно наблюдать и поныне – в языке монголов, в их обычаях и в жизненном укладе. Через сохранившиеся иноязычные слова, названия, термины лингвистам открывается картина некогда оживленной торговли между Китаем, Монголией и странами Ближнего Востока, масштабного процесса принятия буддизма – новой религиозной идеологии – и его влияния на общественное сознание. В изучаемых текстах народ Монголии открывается с новой для нас стороны: не только в своей уникальной среде обитания, но и как непосредственный участник повседневных и праздничных событий, происходящих в окружающем мире.

Отразившаяся в юролах и магтаалах лексика довольно специфична. Обрядовый и праздничный фольклор Монголии требует бережного обращения с используемыми в нем словами, так как от этого напрямую зависят отношения, которые при исполнении данных текстов устанавливаются с потусторонним миром и его обитателями. Основными видами заимствованной лексики в таких случаях является религиозная терминология, пришедшая с буддизмом, а также обозначения предметов роскоши и богатства, с которыми народ мог ознакомиться при развитии разных форм международной торговли. Характер этих заимствований соответствует обрядовому назначению и торжественному звучанию изучаемых жанров.

Интересно, как изменятся жанры юролов и магтаалов в будущем, как повлияют на них заимствования новейшего времени.

Приложение

Для более предметного ознакомления с жанрами, которым посвящена данная статья, здесь вниманию читателей предлагается несколько образцов благопожеланий (юролов) и восхвалений (магтаалов) из экспедиционного архива Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Они были предоставлены автору для работы и с правом их публикации руководителем монгольских фольклорных экспедиций С.Ю. Неклюдовым²⁰.

²⁰ Источник текстов: Мифо-ритуальные традиции Монголии: Тексты интервью 2006–2008 гг. Расшифровка Р. Чултэмсурэна. Перевод А.Д. Цендиной. С полными записями этих лет можно ознакомиться на сайте: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongmain.htm>

1. «Юрол юрте». Ж. Цэнд (сомон Худжирт Убурхангайского аймака, 20.08.2006).

Сарын сайныг saatан хүлээж
Өдрийн сайныг өнжин хүлээж
Өнөөгийн өдрийг
Өлзий дээд дэмбэрэлтэй
Сайн сайхан өдөр гэж гэрээ
барьжээ
Хурган хонины ноосыг
Хуруу зузаан тавьсан
Төлгөн хонины ноосыг
Төө зузаан тавьсан
Далай цагаан дээвэртэй
Оосор бүчгүй
Орд цагаан гэрийн
Тооно таныг мялаая
Хойд хангайн бургасаар
Хавирга юугий нь хийсэн
Хaalга таныг мялаая
Уулын улаан модыг
Унагаж цуулж хийсэн
Унь таныг мялаая
Бургас модыг матах хийсэн
Хана таныг мялаая.
Хангайн модыг харуулдаж
хийсэн
Халхын буяныг хураасан
Хaalга таныг мялаая.
За,
Энэ айлын
Хамгийн доод талын авдрыг
нээгээд үзвэл
Баглаж хийсэн барын арьс
Хамба торго
Халиу булга
Эрээн торго
Эвийн цавуу
Авгай хүүхдийн хэргэлдэг
Мяндас олс
Цөм бүрэн байдаг юм байна
Хойд талын авдрыг нь нээгээд
үзвэл

Ждали-откладывали благой месяц,
Ждали-пережидали благой день,
Сегодняшний день
Исполнен хороших знаков,
Поэтому сегодня поставили юрту.

Ягнячью шерсть
Положили в палец толщиной,
Овечью шерсть
Разложили в пядь толщиной.
С белой, как океан, крышей,
Без вязей-перевязей,
Белую ставку-юрту
Благословлю!
Из северных хангайских кустов
Ребра их сделаны –
Двери эти благословлю!
Из горных красных деревьев
Повалив, расколов, сделанные
Палки-уни благословлю!
Кусты-деревья, сгибая, сделанные
Стены благословлю!
Хангайски деревья выстругав,

Добродетель Халхи собравшие
Двери ее благословлю!
За,
Этой семьи
Самый нижний сундук раскроем –

Сложенная шкура барса,
Шелк с узором,
Выдры-соболя,
Пестрый шелк,
Мягкий клей (?)
Девушками используемые
Шелковые нитки
Все здесь есть в полном наборе.
Раскроем сундук северной
стороны –

Хуйгаар торго
Хуу домбо
Хувин сав бүрэн
Галын хайч цөм бүрэн байдаг
юм байна.
Аягачин айрагчинд согнөх

Уух аяга цөм бүрэн байдаг юм
байна
Дээд хүүхэнд дээлийн торго
Дунд хүүхэнд дурдан торго
Адгийн хүүхэнд ам даавуу
Атга чихэр өгдөг юм байна
Үрдуур гарсан хүнийг
Үндлүүлдаг
Маанийг мянга түм хүргэсэн
Малаа түм бүм хүргэсэн

.....
Баралгүй идэж

Таралгүй найрлахыг ерөөе.
Ум сайн жаргалан болтугай

Рулоны шелка,
Чайники, кувшины,
Ведра, миски,
Ножницы для очага – все в полном
наборе.
Для виночерпия, угощающего
кумысом,
Чаши, пиалы – все в полном
наборе.
Старшей дочери – шелк на дэлли,
Средней дочери – шелк-креп,
Младшей дочери – квадрат шелка,
Горсть конфет дают.
Первого человека
напоят-накормят,
Мани начитали до ста тысяч,
Скот умножили до десяти до ста
тысяч.

.....
Желаю угощаться, чтобы пища не
кончалась,
Пировать, не расходясь!
Пусть наступит прекрасное
счастье!

2. «Юрол кумысу». Ж. Цэнд.

Түмэн өлзий бүрдсэн

В день, когда десять тысяч
счастливых знаков сошлись,
Когда счастье переливается через
край,
В этот праздничный день

Төгс жаргалан бялхсан

.....
В моей родной земле
Эта крепкая семья
Устраивает праздник-пир,
Просит меня сказать юрол.
На высоком месте ставит юрту,
На широкой привязи ставит кобыл,
Привязь – выстрелом не
достигнешь конца,
Пастбища – рысью не объедешь их.

Төгс баярын өдөр

.....
Төрсөн нутгийн минь
Түвшин энэ айл нь
Найр хуримаа хийж
Намайг ерөө гэсэн юм биз ээ
Өндөр дэнжид гэрээ барьж
Өргөн зэллэнд гүүгээ уяж
Харваж хүрэхгүй зэлтэй юм
байна
Хатирч хүрэхгүй бэлчээртэй

Зааны ширэн хөхүүртэй
Зандан модон бүлүүртэй

Буцаад ирэхэд булаг шиг

Дайраад ирэхэд далай шиг

.....
Барал үгүй идэж
Тарал үгүй найрлахын
Өлзий хутаг орших болтугай

С бурдюком из слоновьей кожи,
С мешалкой из сандалового дерева,

Когда возвращаешь [мешалку] –
как ключ,

Когда опускаешь – как океан.

.....
Пусть установится счастье такое,
Когда едят, а еда не кончается,
Пирут, и никто не расходится!

3. «Магтал горе Хайрхан». Даваа, настоятельница монастыря Увгун-хийд (Өвгөн хийд; местность Элсэн-тасархай на границе Центрального, Булганского и Убурхангайского аймаков, 18.08.2006).

Зүүхэн талаас нь харвал Улаан сахиусны (Ulaan sahiusnii) орон

Баруухан талаас нь харвал бадма лянхуан (badma lyanhua) орон

Хойхон талаас харвал хоньсом
бодьсадын (honisom bodisad)
орон

Зүүхэн талаас нь харвал
Жүгдэрнамжилын
(Zu'gdernamjiliin oron) орон
Дээхэн талаас нь харвал
Диваажингийн (Divaazin) орон.
Иймэрхүү л үг аятай л байсан
санагдана гэв.

Урдхан талаас нь харвал Улаан
Жамсрангийн (Ulaan Zamsran)
орон.

Баруун талаас нь харвал
Бадамжуунайн (Badamzunain)
орон ч гэдэг.

“Баруун талаас нь харвал
Бадамжуунайн орон
Хойхон талаас нь харвал
хонсимбодисадын орон

Посмотришь с восточной
стороны – страна Красного гения-
хранителя,

Посмотришь с западной стороны –
страна лотосов,

Посмотришь с северной стороны –
страна бодхисаттвы Хонсим,

Посмотришь с восточной
стороны – страна
Джугдэрнамджила,
Посмотришь сверху – страна рая
Диваджина.

Такие слова, кажется, были. Пели
и так:

Посмотришь с южной стороны –
страна Красного Джамсарана,

Посмотришь с западной стороны –
страна Бадамджуная.

Посмотришь с западной стороны –
страна Бадамджуная,

Посмотришь с северной стороны –
страна бодхисаттвы Хонсим,

Зүүхэн талаас нь харвал
Жүгдэрнамжилын орон

Урдхан талаас нь харвал
Улаанжамсрангийн орон" гэдэг.

Посмотришь с восточной
стороны – страна
Джугдэрнамджила,
Посмотришь южной стороны –
страна Красного Джамсарана.

4. «Магтаал монастырю Егудзэр-хийд». У. Гомбодорж (сомон Эрдэнэцаган Сухэбаторского аймака, 07.08.2008)²¹.

Ганга, Дарьгангаас гарлаа даа
Хатагин Егүзэрийнд ирлээ дээ
Егүзэрийн хийдийн тухай
Ерөнхий байдлыг хэлбэл
Баруун талаас нь харвал
Баатар цэргийн лагерьтай

Банчин богдын лаврантай
Бас л сайхан хийд байна
Ар талаас нь харвал
Алтан сүмбэр овоотой
Аварзад дэнжийн бурхантай
Амаргүй сайхан хийд байна
Зүүн талаас нь харвал
Зүрхэн шовгор овоотой
Зүйл бурийн эрдэнэтэй
Зүгээргүй сайхан хийд байна
Үрд талаас харвал
Үргал Чонын голтой
Үлс амьтган олонтой
Учиргүй сайхан хийд байна
Гаалийн ондор яамтай
Газар холын цэрэгтэй
Горооны олон суурьтай

Гомбын сэтэртэй нянгартай
Өглөө болгон цогчинтой

Вышел из Ганга, Дариаганга
Пришел в хатагинский Егудзэр
Если про монастырь Егудзэр-хийд,
Про его общий вид сказать –
Посмотришь с запада
Стоит богатырский военный лагерь
(лагерь),
Лавран банчин-богдо,
Прекрасный монастырь.
Если посмотришь с севера –
Алтан-сүмбэр-обо,
Бурхан на склоне горы Авардзад,
Очень красивый монастырь.
Посмотришь с востока –
С высоким сердечным обо,
В разных драгоценностях
Не просто красивый монастырь.
Посмотришь с юга,
Текущая река Чонын
Много людей и жителей
Безусловно, прекрасный монастырь.
С высоким ямынем таможни.
С военными из дальней стороны,
С поселениями внутри окружной
дороги,
С хадаком с бахромой
и с изображением Гомбо.
Каждое утро там служба цогчин,

²¹ Пояснение информанта: «...Из Дариганги в наш сомон пришел следующий человек по имени Мондж, которого вела маленькая девочка. Он мог рассказывать без подготовки, был и юролч, и магталч, очень много знал».

Өдөр болгон жасаатай
 Өглөгийн олон эзэдтэй
 Үнэхээрийн сайхан хийд байна
 гэсэн байна лээ шүү. Хоёр
 нүдгүй

Каждый день там служба джаса,
 У него много милостынедателей,
 Поистине прекрасный монастырь.
 Так говорил Слепец.

5. Сатирический «Магтала горе Дзотол-хан». Мондж, со слов У. Гомбодоржа.

Хайрхан Зотолыг тахиж
 Хурдан морьдыг уралдуулж
 Хамаг олныг цуглуулж
 Хүчит бөхчүүлийг барилдуулж
 Асар майхан босгож
 Архи дарсыг ууж
 Айраг цэгээ бялхуулж
 Аятай сайхан найрлаж
 Ихэс дээдэс ноёдоо
 Ирэг сэрхээр дайлж
 Ирсан очсон улсад
 Их багаар түгээгээд
 Таргүй ядуу намайг
 Тааламж муутай угтаж
 Хувин саваа дуугаргаж
 Хуу домбоо сэгчин
 Дуртай дургүй аашилж
 Дээш доошоо хялалзаж
 Тэвш саваа малтан
 Доторхийг нь хамж цуглуулаад
 Хар тагшинд минь хийж
 Хоёр нүдгүй надад
 Хувь болгож өгснийг
 Хуурч өвгөн би
 Хуур хөгжимдөө оруулж
 Үнэн мөнөөр нь
 Үгүүлж хэлбэл
 Цагираг цус
 Цагаан гүзээ
 Улаан хоолой
 Уушиг сэмж л байна
 Энэ найранд оролцож

Почитая Хайрхан-Дзотол,
 Устроили скачки быстрых коней,
 Собрали весь народ,
 Устроили борьбу могучих борцов.
 Поставили палатки,
 Пьют архи и вино,
 Разливают кумыс,
 Замечательно пируют.
 Высокородных ноёнов
 Потчуют барапиной и козлятиной,
 Приехавшим людям
 Раздают помногу и помалу.
 Меня, бедного и дурного,
 Приняли плохо,
 Гремели ведрами,
 Трясли чайниками,
 Обругали почем зря,
 Смотрели искоса сверху и снизу,
 Поскребли миски и тарелки,
 Выскребли, что было внутри,
 Положили в мою черную тарелку,
 Дали мою долю
 Мне, не имеющему глаз.
 Я, старапик-хурчин,
 Облеку это в музыку хура.
 Все как есть
 Если расскажу,
 Круг крови,
 Белый желудок,
 Красный пищевод,
 Легкие и сальник – вот и все, что там
 есть.
 На этом пишу

Эрэмбэ дарааллаар сууцгаасан
Ихэс дээдэс
Лам нёйт та бүхний
Зарим нэгний нь
Зах цухаас хэлбэл
Зартай хэрүүлч түшмэл
Зараалын морьд шиг хиа нар
Банз шаахай тулгаачингууд

Балмад ёсыг баримтлаачингууд
Баруун зүүнээс ирээчингүүд
Барьц өглөг горьдоочингууд
Шанам малгай тавиачингууд

Шар эрхи бариачингууд
Шашны номоор мунхруулагчид
Энд тэндээс цуглласан

Ийм л хүмүүс
Их л сайхан найрлаж байна
Өгсөн хоолонд чинь дүйцүүлж
Өөрсдийн чинь хэрд тааруулж
Өчүүхэн ероолийг
Өргөн барьж айлтгая
гэжээ.

Рассеявшиеся по рангу,
Высокородные
Ламы и нёсны, из вас
О некоторых
Если немного расскажу –
Известные скандалисты-чиновники,
Адъютанты, как кони с хохолками (?)
Те, кто присуждает деревянные
сапоги (колодки?)
Те, кто придерживается жестоких
правил,
Приходящие с запада и с востока,
Выпрашаивающие подаяния
и подарки,
Напяливающие ламские шапки,
Держащие желтые четки,
Сбивающие с толку религиозными
книгами,
Собравшиеся из разных мест,
Вот такие люди
Отлично пируют.
Ваша пища мне не по нраву,
По вашим меркам
Маленький юрол
Преподношу вам.

Сокращения

МХСТ – Монгол хэл судлалын түүх, III боть: Монгол хэлний үгийн сан, найруулга судлал / Зохиогч Ш. Баттөгс, Э. Пүрэвжав, Б. Түвшинтөгс ба бус; Редактор Ж. Баянсан; Хэвлэлийн эх бэлтгэсэн Б. Пүрэвдэлгэр [История монгольского языкоznания. Т. 3: Словарный состав монгольского языка / Ш. Баттогс, Э. Пурэвжав, Б. Тувшинтогс и др.; ред. Ж. Баянсан; публ. подгот. Б. Пурэвдэлгэр]. Улаанбаатар: Монгол судлалын хүрээлэн [Институт монголоведения], 2020. 344 с.

Литература

Балжинням 2011 – *Балжинням Н.* Монгол хэлний хятад ормол үгийн судалгаа: Хятад, монгол, орос, англий дүймэнтэй [Китайские заимствования в монгольском языке. С китайскими, монгольскими, russkими, английскими параллелями]. Улаанбаатар: Удам соёл, 2011. 80 с.

- Владимирцов 2003 – *Владимицов Б.Я.* Монгольский сборник рассказов из Райсатантра // Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Восточная литература, 2003. С. 77–204.
- Владимирцов 2005 – *Владимицов Б.Я.* Mongolica I: Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам // Владимирцов Б.Я. Работы по монгольскому языкоизнанию. М.: Восточная литература, 2005. С. 105–137.
- Лувсанвандан 2010 – *Лувсанвандан Ш.* Бүтээлийн чуулган. Т. 7: Монгол хэлний бүтээвэр, уг, үгүүлбэрийн судлал [Конференция по созданию монгольского языка. Т. 7: Построение монгольского языка, изучение слов и лексикона] / Эрхл. Ж. Баянсан, Д. Заяабаатар. Улаанбаатар: Соёмбо пресс, 2010. 356 с.
- Неклюдов 2008 – *Неклюдов С.Ю.* Монгольский опыт (середина 1970-х и тридцать лет спустя) // Живая старина. 2008. № 1. С. 43–45.
- Сампилдэндэв 1985 – *Сампилдэндэв Х.* Жанр благопожеланий в монгольском фольклоре // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии: Современность и классическое наследие / отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1985. С. 54–67.
- Төмөрцэрэн 1964 – *Төмөрцэрэн Ж.* Орчин цагийн монгол хэлний үгийн сангийн судлал [Лексические исследования современного монгольского языка]. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1964. 76 с.
- Хорлоо 1969 – *Хорлоо П.* Монголын ардын ероол [Монгольские народные благопожелания]. Улаанбаатар: БНМАУ Шинжлэх Ухааны Академи, 1969. 92 с.
- Heissig 1972 – *Heissig W.* Geschichte der mongolischen Literatur. Bd. 1–2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1972. 969 S.
- Poppe 1955 – *Poppe N.* The Turkic loanwords in Middle Mongolian // Central Asiatic Journal. 1955. Vol. 1. P. 36–42.

References

- Baljinnyam, N. (2011), *Mongol khelnii khyatad ormol ügiin sudalgaa: Khyatad, mongol, oros, anglı diimentei* [A study of Chinese loanwords in the Mongolian language: containing Chinese, Mongolian, Russian, and English equivalents], Udam Soyol publishing agency, Ulaanbaatar, Mongolia.
- Heissig, W. (1972), *Geschichte der mongolische Literatur*, vols. 1–2, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, Germany.
- Khorloo, P. (1969), *Mongolyn ardyn yorool* [Mongolian folk well-wishing], BNMAU Shinhlekh Ukhaany Akademii, Ulaanbaatar, Mongolia.
- Luvsanvandan, Sh. (2010), *Büteeliin chuulgan. T. 7: Mongol khelnii bütteever, üg, ügüülbriin sudlal* [Collected works. Vol. 7: Study of Mongolian language's morphology, words, and sentences], Soyombo Press, Ulaanbaatar, Mongolia.

- Neklyudov, S.Yu. (2008), "The Mongolian experience (mid-1970s and thirty years later", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 43–45.
- Sampildendev, Kh. (1985), "The genre of well-wishing in Mongolian folklore", in Neklyudov, S.Yu., ed., *Spetsifika zhanrov v literaturakh Tsentral'noi i Vostochnoi Azii: Sovremennost' i klassicheskoe nasledie* [Genre specifics in Central and East Asian literatures: Contemporary and classical traditions], Nauka, Moscow, USSR, pp. 54–67.
- Poppe, N. (1955), "The Turkic loanwords in Middle Mongolian", *Central Asiatic Journal*, vol. 1, pp. 36–42.
- Tömörtsuren, J. (1964), *Orchin tsagiin mongol khelnii ügiin sangiin sudlal* [A study of the vocabulary of modern Mongolian], Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevlel, Ulaanbaatar, Mongolia.
- Vladimirtsov, B.Ya. (2003), "Mongolian collected stories from the Pañcatantra", in Vladimirtsov, B.Ya., *Raboty po literaturne mongol'skikh narodov* [Studies on the literature of Mongolian peoples], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 77–204.
- Vladimirtsov, B.Ya. (2005), "Mongolica I. On the relationship of the Mongolian language to Indo-European languages", in Vladimirtsov, B.Ya., *Raboty po mongol'skomu yazykoznaniiyu* [Works on Mongolian linguistics], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 105–137.

Информация об авторе

Мария Р. Содагарова, Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; 1400, Монголия, Улан-Батор, р-н Сүхэбатора, Университетская ул., д. 1; sovdamar@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0007-7119-6054

Information about the author

Maria R. Sovdagarova, National University of Mongolian, Ulaanbaatar, Mongolia; 1, Ikh Surguuliin St., Sukhbaatar district, Ulaanbaatar, Mongolia, 1400; sovdamar@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0007-7119-6054

УДК: 398.2(575.2)
DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-80-98

Сюжетно-тематический указатель эпоса «Эр Тёштюк»

Курманбек А. Абакиров

*Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан, kirtmanabubekr@gmail.com*

Калия О. Кулалиева

*Киргизско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан,
kaliya.kulaliyeva@manas.edu.kg*

Аннотация. Работа по созданию сравнительных сюжетно-тематических указателей киргизских «малых» эпосов «Коджоджаш», «Эр Тёштюк», «Жаныш и Байыш», «Курманбек», «Эр Табылды» подходит к своей завершающей стадии. Они составляются фольклористами, работающими в разных вузах Кыргызстана и учеными из Национальной академии наук Кыргызской Республики, причем ими используется опыт предшествующего создания сюжетно-тематического указателя эпоса «Манас». Эти указатели позволяют ученым легко и быстро находить в текстах эпосов необходимую им информацию, что в свою очередь должно способствовать появлению новых научных эпосоведческих концепций. В данной статье рассказывается о готовящемся к публикации указателе эпоса «Эр Тёштюк», который занимает важное место среди других сюжетно-тематических указателей киргизских «малых» эпосов, описываются его тематические разделы, а также особенности его структуры.

Ключевые слова: киргизский эпос, «малый» эпос, сюжетный указатель, основной сюжет, тематические разделы, «Коджоджаш», «Эр Тёштюк»

Дата поступления статьи: 2 апреля 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 1 июля 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Абакиров К.А., Кулалиева К.О. Сюжетно-тематический указатель эпоса «Эр Тёштюк» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 80–98. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-80-98

Plot and thematic index of the epic Er Töshtük

Kurmanbek A. Abakirov

*Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan, kurmanabubekr@gmail.com*

Kaliya O. Kulalieva

*Kyrgyz-Turkish Manas University,
Bishkek, Kyrgyzstan, kaliya.kulaliyeva@manas.edu.kg*

Abstract. The work on creating comparative plot-thematic indexes of the Kyrgyz “minor” epics Kojojash, Er Töshtük, Janysh and Baiysh, Kurmanbek, Er Tabyldy is approaching its final stage. They are being compiled by folklorists working at various universities in Kyrgyzstan and scholars from the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, who are utilizing the experience gained from the previous creation of the plot-thematic index for the epic of Manas. These indexes allow scholars to easily and quickly find the information they need within the epic texts, which in turn should contribute to the emergence of new scientific concepts in epic studies. This article discusses the forthcoming index for the Er Töshtük epic, which holds an important place among other plot-thematic indexes of Kyrgyz “minor” epics, describing its thematic sections as well as the features of its structure.

Keywords: Kyrgyz epics, minor epics, subject-thematic index, key stories, plot-thematic sections, Kojojash, Er Toshtuk

Received: April 2, 2023

Approved after reviewing: July 1, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Abakirov, K.A. and Kulalieva, K.O. (2025), “Plot and thematic index of the epic Er Töshtük”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 80–98, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-80-98

Введение

Согласно принятому в фольклористике разграничению, кроме знаменитой эпической трилогии «Манас», «Семетей» и «Сейтек», в киргизской традиции имеются десятки различных по тематике «малых» эпосов, причем само обозначение «малый» сугубо условно, так как объем каждого из этих текстов бывает

весьма значительным¹. Это не входящие в состав данного цикла эпические песни и народные поэмы, богатырские сказки, обретающие ритмико-мелодическую («песенную») форму; все они, как правило, имеют от двух до пяти-шести вариантов². Специфика бытования «малых» эпосов обусловлена их положением в традиции по отношению к «Манасу». Они могут дополнять репертуар его сказителей (как, например, эпос «Эр Тёшнюк», записанный от манасчи Саякбая Карапаева, а также записанный В. Радловым от неизвестного сказителя), но чаще исполняются не сказителями-манасчи, а акынами – народными певцами-импровизаторами, аккомпанирующими себе игрой на комузе³. Это обстоятельство влияет не только на поэтику «малого» эпоса, но и на его содержание и тематическое разнообразие [Исаева 2013].

Хотя «Манас», несомненно, выделяется в фольклорной традиции и своим объемом, и значением в киргизской культуре, «малые» эпосы во многом не уступают ему по художественному уровню и богатству содержания. В народе бытуют по несколько вариантов таких эпосов, как «Коджоджаш», «Эр Тёшнюк», «Джаныш и Байыш», «Курманбек», «Эр Табылды», «Саринджи и Бокой», «Эр Солтоной», «Джаныл Мырза», «Олджобай и Кишимджан», «Джоодарбешим» и др., каждый из них требует пристального внимания и тщательного изучения.

В киргизском эпосоведении проблемам «малого» эпоса посвящены труды Б. Кебековой [Кебекова 1961; Кебекова 1963; Кебекова 1964], С. Закирова [Закиров 1959; Закиров 1960], Р. Кыдырбаевой [Кыдырбаева 1959], Ж. Субанбекова [Субанбеков 1963;

¹ К. Кудайбергенов различает внутри эпического жанра три основных типа: 1) эпос сказочный (*жомоктук*), героический (*героикалык*), социально-бытовой (*социалдык-турмуштук*), а деление эпоса на «большой» (*улуу*) и «малый» (*кенже*) считал условным, зависящим только от объема текстов [Кудайбергенов 1970, с. 20].

² «Записан и опубликован, также в популярных изданиях, и ряд других эпических произведений, не вошедших в цикл “Манас” и до революции неизвестных (“Тёшнюк”, “Эр Табылды”, “Олджобай и Кишим-джан”, “Джаныш”, “Байыш” и др.). Произведения эти обычно объединяются под совершенно условным названием “малый эпос” и относятся по своему происхождению к разному времени и разным эпическим жанрам, от древней богатырской сказки с мифологическим фоном (“Тёшнюк”, “Коджожаш”) до исторического и семейно-бытового эпоса XVII–XVIII вв. (“Курманбек”, “Эр Табылды”, “Сарынджи” и др.)» [Жирмунский 1974, с. 17].

³ Комуз – трёхструнный щипковый музыкальный инструмент, «киргизская лютня».

Субанбеков 1970], И. Молдобаева [Молдобаев 1983], С. Кайыпов [Кайыпов 1990] и др. В их исследованиях анализируются жанрово-тематические особенности отдельных произведений, их поэтика и образная система, выявляются сходства и различия между отдельными текстовыми вариантами. Специфику «малого» эпоса, в том числе «Эр Тёштюка», подробно описывает Ж. Субанбеков [Субанбеков 1963, с. 4–8], который, в частности, отмечает, что в «малых» эпосах нет такого большого количества героев, столь многосоставных событий и сложных ситуаций, которые характерны для «Манаса» [Субанбеков 1970, с. 6].

Принято выделять следующие жанровые подразделения «малого» эпоса:

- 1) мифологические («Кокул», «Карач Доо», «Коджоджаш», «Эр Тёштюк», «Джоодарбешим»);
- 2) героические («Джаныл Мырза», «Курманбек», «Джаныш и Байыш», «Эр Табылды», «Сейитбек», «Шырдакбек»);
- 3) социально-бытовые («Кедейкан», «Мендирман»);
- 4) лирико-романтические («Олджобай и Кишимджан», «Саринджи и Бокой»).

«Эр-Тёштюк» является героическим эпосом, в основе которого, однако, лежит мифологическая тематика. По словам Ж. Субанбекова, посвятившего этому эпическому памятнику свою книгу, из всех версий эпоса “Эр-Тёштюк”, встречающихся у многих тюркоязычных народов, киргизский вариант считается лучшим [Субанбеков 1963, с. 4–8]. Важнейшие признаки архаического героического эпоса в изобразительной системе «Эр-Тёштюка» выявлены С. Кайыповым [Кайыпов 1990], давшим сравнительный анализ поэтических особенностей его основных вариантов, а также развернутое описание истории исследования эпоса. Мы же в своей статье подробнее остановимся на его сюжетно-тематическом составе, систематизированном в только что созданном специальном указателе. При ее написании мы опирались на методологию сравнительного исследования, количественного и контекстного анализа материала⁴.

⁴ В целях углубления теоретических знаний и освоения методологических навыков по составлению указателя члены рабочей группы по реализации проекта К. Кулалиева (рук.), К. Абакиров, З. Кулбаракова, Ж. Омуралиева и Т. Абылқасымова приняли участие в обучающем семинаре, проведенном в Москве на базе РАНХиГС и РГГУ.

1. Сюжетно-тематические указатели «малых» эпосов киргизского народа

Начиная с трудов В.В. Радлова⁵ и Ч.Ч. Валиханова⁶ существуют целый ряд исследований, посвященных содержанию, структуре и поэтике киргизского эпоса, однако систематизация его текстов и каталогизация его сюжетов, включая «малый» эпос и народные поэмы, ранее не проводились. Поэтому сразу после завершения первого этапа работы по созданию «Сюжетно-тематического указателя эпоса “Манас”» (варианты манасчи Нарынской области)⁷ [Кулалиева 2019, с. 18–24] и с опорой на данный опыт⁸ мы приступили к созданию указателя по пяти «малым» эпосам⁹.

Указатель «малого» эпоса – это систематический каталог сюжетно-тематических элементов, составленный на основе сличения всех его вариантов – как «классических» образцов, так и публикаций для широкого круга читателей (в том числе сказочных редакций, дошедших до наших дней в прозаической форме). После составления указателей «малых» эпосов мы намерены начать работу по созданию аналогичных указателей к народным поэмам. Как и «малые» эпосы, они не являются однородными в жанрово-тематическом отношении. Большая их часть, построенная на фантастических, даже мифологических сюжетах, имеет социально-бытовой, лиро-эпический характер, хотя существуют и произведения, в которых значительное место отведено историческим темам. Широкий сравнительно-типологический анализ одной из таких групп произведений провела Г. Орозова [Орозова 2015].

⁵ Образцы народной литературы северных тюркских племен / собраны В.В. Радловым. Ч. 5: Наречие дикокаменных киргизов. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1885. С. I–XXV.

⁶ Сочинения Чокан Чингисовича Валиханова / изд. под ред. <и с предисл.> Н.И. Веселовского. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1904. С. 208–222.

⁷ «Манас» эпосунун сюжеттик-тематикалык корсөткүчү, I. 1–3-китең <Сюжетно-тематический указатель эпоса «Манас», I. Кн. 1–3>. Бишкек: Кыргыз-Түрк «Манас» Университети, 2019.

⁸ Учитывались также материалы, опубликованные в некоторых электронных источниках: Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/indexes.htm> (дата обращения: 03.03.2021); Национальная электронная библиотека НЭБ. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/> (дата обращения: 10.04.2021); Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 11.04.2021).

⁹ В настоящее время уже составленные указатели готовятся к публикации.

В рамках упомянутого проекта проводится сравнительный анализ всех известных вариантов «малых» эпосов, разбивка их сюжетов на темы и подтемы, изучение особенностей текстов с учетом их принадлежности к определенной жанровой разновидности (мифологические, героические, бытовые и др.). Цель работы состоит в выявлении на сюжетно-тематическом уровне черт общности и различия между вариантами произведения, а также в облегчении процесса получения информации, относящейся к сюжетам и тематике эпоса, с возможностью перехода от указателя к конкретному тексту, что создает условия для дальнейшей исследовательской работы в области киргизского эпосоведения.

Сюжетно-тематические указатели «малых» эпосов включает следующие компоненты:

1. Сравнительный указатель основного сюжета (с примерами).
2. Сюжетно-тематические разделы (с примерами).
3. Сравнительная таблица вариантов основного сюжета того или иного эпоса, причем указываются страницы его издания, на которых встречаются описания соответствующих событий, определена частота слов и понятий, относящихся к данным тематическим разделам.

Остановимся подробнее в качестве примера на указателе к эпосу «Коджоджаш» – по вариантам сказителей Алымкула Усенбаева (АУ), Сулаймана Конокбаева (СКон) и Толомуша Жээнтаева (ТЖ). При его составлении были использованы публикации в 1-м томе серии «Народная литература», вышедшем в свет в 2015 г.¹⁰

События основного эпического сюжета распределены по семи темам:

- I. Рождение и детство Коджоджаша.
- II. Женитьба Коджоджаша.
- III. История Сур эчки («Горной козы»).
- IV. Заточение Коджоджаша на неприступной скале.
- V. Поиски Коджоджаша.
- VII. История Моллоджаша (сына Коджоджаша).

Каждая может включать ряд подтем, а те в свою очередь – еще более конкретные тематические элементы.

Приведем конкретный фрагмент указателя.

I. Тема: рождение и детство Коджоджаша

Здесь рассматриваются события, начиная с рождения богатыря, его имянаречения, описания детства и взросления – вплоть

¹⁰ Коджоджаш. Кенже эпос. «Эл адабияты» сериясы [«Кожоджаш». «Малый» эпос. Серия «Народная литература»]. Т. И. Бишкек, 2015.

до достижения статуса умелого охотника. Раздел включает три подтемы. Описываются основные события, предшествующие женитьбе богатыря, мотивы, вообще характерные для героического эпоса. Вариант Алымкула Усенбаева сильно отличается от вариантов Сулаймана Конокбаева и Толомуша Жээнтаева по объему и художественной разработке, при этом можно заметить отсутствие некоторых событий, мотивов, встречающихся в других вариантах.

1. Происхождение и рождение батыров

1.1. Происхождение батыров

Поскольку в этом разделе рассматриваются случаи упоминания о происхождении как Коджоджаша, так и его сына Моллоджаша, слово «батыр» использовалось как в теме, так и в подтеме (Кож. [АУ], с. 58–59, 71, 96, 98, 107, 113, 115, 123, 159, 190, 193, 197–203, 226).

В варианте АУ упоминания о рождении героя нет, дается только краткая информация о его происхождении: Коджоджаш – сын выходца из «китайского» племени Карыпбай, после чего рассказ сразу же переходит к описанию детства.

Кыргыздын урук ичинде,
Кытай деген эл эле.
Жердеп жаткан жерлери,
Таластын башы Каракол,
Атасы мунун Карыпбай,
Баласы мерген болду – деп,
Кошула көчүп бир жүргөн
Жыйырма түтүн эл эле (Кож., с. 58).

Среди киргизских племен,
Есть племя такое – китай
Места их проживания –
Начало Таласа Каракола,
Отец его Карыпбай,
Сын его стал хорошим охотником,
В его общине было народу
Двадцать семейств всего

В варианте СКон текст начинается с прозаического сообщения: «Коджоджаш происходит из киргизского племени китай. Отца звали Арыпбай, мать звали Акеркеч» (Кож., с. 20); дальше следует рассказ о детстве. В варианте ТЖ дается лишь совсем краткая информация: «Отец Коджоджаша был зажиточным баем» (Кож., с. 244).

1.2. Имянаречение батыров

В варианте АУ имянаречение сына Коджоджаша происходит так:

Эркек туусаң балаңды,
Моллоджаш деп, ат кой – деп,

«Если сын родится,
Нареки его именем Моллоджаш», –

Айтып кеткен эмеспи,
Кече, кайран мерген берени.

Бир мал союп, байкуш чал,
Элинен бата дуба алып.

Молдоджаш – деп ат койду,
Кайгырып жүргөн Зулайка,
Капасы чыгып шат болду.
Кайран мерген жалгыздан,
Аман болсо Молдоджаш,
Бир калган түяк зат болду (Кож.,
с. 187–188).

В варианте ТЖ, когда Коджоджаш оказывается оставлен на неприступной скале, к нему приходят его родители и народ. Мать в отчаянии плачет и вспоминает, как нарекали именем ее сына (Кож., с. 249).

Ак боз бәэни сойдурдум,
Анжыяндан кожо алып,
Атынды жаңғыз Коджоджаш
койдурдум (Кож., с. 249).

В варианте СКон эпизод с имянаречением вообще отсутствует.

Во второй части указателя приводятся сюжетно-тематические разделы эпического повествования (некоторые авторы при их составлении учитывали не только тематический, но и сюжетный уровень текстов).

Так завещал перед отъездом,
Отважный охотник еще вчера.

Бедный стариk зарезал скотину,
Чтобы получить благословение
народа.

Нарекли мальчика именем
Молдоджаш,
Опечаленная Зулайка
Успокоилась и развеселилась.
От одинокого охотника,
Потомок останется Молдоджаш,
Станет его наследником.

«Зарезали белую кобылу,
Пригласили из Андижана ходжу,
Нарекли именем Коджоджаш».

№	Название раздела	№	Название раздела
I	Персонажи. Животные-персонажи	IX	Совет
II	Названия местностей и рек	X	Традиции и обычаи
III	Сон. Волшебные силы. Видения	XI	Цветы
IV	Растения	XII	Пища
V	Природа	XIII	Клятва
VI	Оружие	XIV	Дружба
VII	Вещи, предметы, утварь	XV	Вражда, противостояние
VIII	Одежда	XVI	Охота

Пример из указателя:

П. Географические названия

Названия местности и рек в вариантах эпоса включены в указатель под заголовком «Географические названия» (без разделения на топонимы и гидронимы) и расположены в алфавитном порядке. Здесь рядом со старыми названиями, характерными для жанра архайического эпоса (Ак-Ойрок, Кок-Ойрок, Ак-Сай и др.), обнаруживаются названия мест, появившиеся в более поздний период времени (Кара-Балта и др.). Необходимо отметить, что иногда бывает трудно различать имена нарицательные и собственные – как, например, Кара тоо (Черная гора), Улуу тоо (Великая гора), Ак тескей (Белый склон) и т. д., что следует рассматривать как отдельную проблему. Кроме того, одно и то же название (например, Талас) может означать как название реки, так и название местности, однако если идентификация названия устанавливается из контекста, онодается отдельно (река Талас).

<Ороним> АУ: Кож., с. 157, 165(3), 169, 199, 200, 201, 202, 207, 217,
Аблетим: 218(2), 219, 222, 229.

Абалдан ойлоп белгилеп,	Размышляя об
Сур эчки болжоп жүрчү	обстановке,
экен,	Горная коза (Сур эчки)
Аблетим асканы (Кож,	наблюдала
с. 157).	За скалой Аблетим

В других вариантах не встречается.

Здесь указаны страницы, где в варианте Алымкула Усөнбаева встречается топоним (ороним) Аблетим, цифры же в скобках означает частоту этого слова на данной странице. Дальше приводятся один или два примера. Если это слово или сюжет встречаются и в других вариантах, то сведения о нем передаются точно в такой же последовательности, а если не встречается, ставится помета: «В других вариантах не встречается».

2. Сюжетно-тематический указатель эпоса «Эр Тёштюк»

Эпос «Эр Тёштюк» весьма популярен и на данный момент насчитывает шесть вариантов, включая сказочный. Для создания указателя были использованы записи, подготовленные учеными

Института языка и литературы им. Ч. Айтматова АН КР и опубликованные в серии «Народная литература»¹¹.

Указатель эпоса «Эр Тёштюк» – систематический каталог, составленный на основе сюжетно-тематической классификации вариантов данного эпоса¹². Сделана попытка представить его в сколь возможно простой форме, доступной не только для эпосоведов и фольклористов, но и для всех желающих поглубже изучить данный эпос. Темы и тематические блоки, которые представлены в указателе, отобраны путём сравнительного сюжетно-тематического анализа и занимают в нем свое место согласно тому, в каком порядке и с какими особыми признаками они представлены в вариантах сказителей. При отборе тематических блоков учитывались их архаические особенности и мифологические элементы (великаны, пери и пр.), традиционность эпоса (пространственно-временной охват событий, сюжетный драматизм, патриотическое звучание и т. д.), героические характеристики (образы батыров, описания их оружия, богатырских коней, битв и пр.).

При создании указателя эпоса «Эр Тёштюк» за основу был взят вариант Саякбая Карапаева (СКар), который отличается от прочих вариантов, в том числе и от сказочных, своеобразием содержания, сюжетной полнотой и значительным объемом. Далее идут вариант, записанный В. Радловым и воспроизведенный в приложении к монографии С. Кайыпова [Кайыпов 1990] (РЖВ [СКар]), вариант Мырзалы Дуйшембиева (МД), вариант, записанный Жума Жамгырчиевым (Жамгырчы уулу; ЖЖ), вариант Калча Суранчиева (КС) и сказочный вариант в прозе «Көчпөсбай», записанный Ы. Шамен уулу (Көчп.). Тексты опубликованы во 2-м томе серии «Народная литература» (далее – Төшт.).¹³

Указатель к эпосу «Эр Тёштюк», как и другие указатели по «малым» эпосам, состоит из двух разделов. В первом разделе дается сравнительное рассмотрение всех представленных вариантов и их основного сюжета, который включает шесть тем, в свою очередь разделенных на более конкретные подтемы и представляю-

¹¹ Эр Тёштүк. Кенже эпос. «Эл адабияты» сериясы <«Эр Тёштюк». «Малый» эпос. Серия «Народная литература»>. Т. 2. Бишкек: Шам, 2015. 448 с.

¹² Сюжетно-тематический указатель эпоса «Эр Тёштюк» составлен совместно учеными АН КР и фольклористами-филологами КГУ им. Арабаева и Киргизско-Турецкого университета «Манас». Составители: Ж. Омуралиева, К. Кулалиева, М. Колбаева; Ж. Садыкбек кызы, З. Кулбаракова, Ж. Тойчубек кызы, Т. Абылқасымова, Г. Абдрахманова, А. Мамбетисаева.

¹³ Эр Тёштүк. Кенже эпос...

ищих собой обозначения нарративных событий, характерных для тюрко-монгольского эпоса.

I. Рождение героя

1. Происхождение героя и его родные.
 - 1.1. Происхождение героя.
 - 1.2. Родные героя, сыновья Эламана.
2. Бездетность. Молитва.
 - 2.1. Жалоба Эламана на бездетность.
 - 2.2. Молитва.
 - 2.3. Чудесное зачатие.
 - 2.3.1. Вещий сон.
 - 2.3.2. Зачатие и беременность.
3. Рождение и детство батыра.
 - 3.1. Рождение батыра.
 - 3.2. Наречение имени.
 - 3.3. Детство батыра.

II. Достижение зрелости.

1. Нахodka братьев.
 - 1.1. Тёштиюк узнает о своих родных братьях.
 - 1.2. Подготовка к отправлению на поиски.
 - 1.3. Обретение братьев.
 - 1.4. Возвращение Тёштиюка домой вместе с братьями.
 - 1.5. Пир по поводу возвращения Тёштиюка домой и церемония обрезания.
2. Встреча Тёштиюка с дочерью пери Айсалкын (Бекторо) в Чук-Тереке.
 - 2.1. Поход Тёштиюка в Чук-Терек.
 - 2.2. Встреча Тёштиюка с дочерью пери Айсалкын (Бекторо).
 - 2.3. Рождение Бокмурона, сына Айсалкын.

III. Традиционная женитьба батыра.

1. Поиск невесты для батыра.
2. Сватовство к Кенжеке.
3. Уплата калыма за невесту.
4. Проводы невесты (обряд *kyz узаттуу*).
5. Поздравления Кенжеке от девушек, влюбленных в Тёштиюка.
6. Опрометчивое обещание Эламана ведьме Желмогуз.
7. Женитьба Тёштиюка на Кенжеке.
8. Проводы Тёштиюка в дальний путь из страны Кенжеке.
9. Встреча Тёштиюка с Желмогуз.

IV. Герой в Подземном мире.

1. Встреча с Маамытами и другими героями.
 - 1.1. Встреча с чудесными искусствниками Маамытами: Скороходом (*Жайен секиртпес*), Слухачом (*Жер тыңшар*), Ветродуем (*Күлон көтөн*), Провидцем (*Корогоч*).
 - 1.2. Спасение Тёштюком тигра, медведя и муравьев.
 - 1.3. Встреча Тёштюка с Кулайым, дочерью Кёк Дёё.
 - 1.4. Встреча героя с подземными властителями Кёк Дёё, Кырым ханом, Урум ханом.
 - 1.5. Борьба Тёштюка с одноглазым чудовищем желмогузом, великанами-алпами, демонами-дивами и т. д.

V. Испытания Кёк Дёё.

1. Женитьба Тёштюка на дочери Кёк Дёё.
 - 1.1. Кулайым, дочь Кёк Дёё, сообщает отцу о своем желании выйти замуж.
 - 1.2. Кёк Дёё выбирает мужей своим дочерям.
2. Кёк Дёё устраивает испытание своим зятьям.
 - 2.1. Отправляет зятьев на охоту за косулями и оленями.
 - 2.2. Посыпает зятьев на поиски своих давно пропавших 40 кобылиц.
 - 2.3. Тёштюк рассказывает о том, как он поставил клеймо-тамгу на бедра зятьев Канбаче и Бекбаче.
3. Кёк Дёё дает семь заданий-испытаний Тёштюку.
 - 3.1. Расколоть железное полено войлочным топором.
 - 3.2. Обогнать в скачках коня Кёк Дёё – Кёк Тулпара с наездником Чалкуйруком.
 - 3.3. Бой Тёштюк с Жёё Желдет.
 - 3.4. Собрать просо.
 - 3.5. Борьба с тиграми.
 - 3.6. Борьба с медведями.
 - 3.7. Принести с Барса-келбес сорокоушный казан (губительное поручение).
4. Борьба Тёштюка со старухой Желмогуз и ее сыном Кара Дёё.
5. Тёштюк убивает Кёк Дёё, провозглашает Конокбая ханом.

VI. Возвращение Эр Тёштюка в земной мир.

1. Полет героя на Аап Кара Күше.
2. Столкновение с великанином-алпом Чоюнкулаком (Чугунное ухо).
3. Возвращение героя на родину. Пир по поводу его возвращения.

Во втором разделе приведены все 22 сюжетно-тематических блока; в приложении в сокращенной форме дана сравнительная

таблица основных композитов сюжета. Они представлены в следующем порядке:

№	Название раздела	№	Название раздела
I	Персонажи	XII	Сон. Сноведения.
II	Скакуны (тулпары)	XIII	Волшебные силы
III	Географические названия	XIV	Душа. Жизнь
IV	Природа	XV	Смерть
V	Животные	XVI	Дружба
VI	Растения	XVII	Конфликты, противостояния
VII	Вещи (домашняя утварь и др.)	XVIII	Традиции, обычаи
VIII	Военные орудия	XIX	Благословения, благодарности
IX	Одежда	XX	Заклятие
X	Пища, блюда	XXI	Любовь. Женитьба
XI	Вселенная	XXII	Цифры. Время. Меры измерения

В начале каждой темы приведены короткие комментарии, сюжетные пояснения, в том числе пояснения к ключевым словам соответствующего тематического раздела. Здесь же дана частотность лексических словоупотреблений и встречаемости отдельных мотивов, указания, кем является тот или иной персонаж, кем приходится главному герою, в каких вариантах, на какой странице издания (и сколько раз) встречается (ссылка на издание – дата после квадратной скобки). Далее приводятся один или два примера из текста. Если сюжет, мотив или слово (понятие) есть только в одном варианте, то отмечается: «В других вариантах (в таком-то варианте) не встречается».

Вот, например, как выглядит в указателе описание Кенжеке, одной из главных героинь эпоса – жены Эр Тёшнюка и дочери Агай хана (тема «Персонажи»), согласно вариантам С. Карапаева (СК), В. Радлова (РЖВ(СКар)), К. Суранчиева (КС), М. Дуйшембиева (МД) и Ж. Жамғырчиева (ЖЖ):

Кенжеке Төштүктүн аялы, Агай Кандын кызы. / Жена Тёшнююка, дочь / Кенже: Агай хана.

СКар: Төшт., с. 20(4), 21(2), 22, 24, 25(2), 26(3), 29(2), 31(3), 96, 138, 139(9), 142, 143(5), 145(2), 148(5), 149(4), 152–153, 154(3), 155(2), 159(2), 160(3), 161, 171(3), 172,

173(2), 174(3), 175(3), 176(3), 177(2), 178(3), 179(2), 186(5), 187(2), 188(2), 189, 190(3), 192(2), 193(4), 194, 196, 209, 210, 246, 276, 337, 353(4), 354(4), 355, 356(6), 366, 380, 382, 385(2), 427(5), 428(2), 429(4), 430(4), 431(3), 432, 437(3), 438(4), 439(2)

*Тогуз кыздын кенжеси,
Артык сулуу Кенжеке
Өз колу менен Сарыбай
Чачын майлап орот дейт,
Тогуз уулдан да бул кызын
Абыдан оодо корот дейт (138).*

Младшая из девяти
дочерей,
Самая красивая Кенжеке
Своими руками Сарыбай,
говорят,
Косы ей заплетает,
Выше ценит эту дочку он,
Чем своих девятерых
сыновей.

РЖВ(СКар): Кайыпов 1990, с. 182(5), 183(6), 184(11), 186(6), 187(31), 188(4), 190(2), 191(3), 192, 193(3), 194, 199, 211, 216, 217(2), 218(6), 220(6).

*Кенжени Агай кан жетелеп алды, байбиче айдан алды:
За руку Агай хан ведет Кенже, жена его идет сзади
и поддерживает.*

– *Малымдан күттүү Кенжеке,
Өңгө кысымды берсем,
Асты Кенжем бербеймин! (184)*

Святое, чем все мое
богатство, Кенжеке моя,
Если даже отда姆 всех
других дочерей,
Ни за что Кенже свою не
отдам! (245)

КС: Төшт., с. 507(3), 508(6), 509(3), 510(8), 511(9), 512(3), 520(4).

Төштүк тойго келбей үйүндө калат. Кыргыз элинде бир ылакап болуп калат: «Төштүкчө катынды үйүндө алабы», – деп. Элеман бай 8 келинин кочуруп жоноп калат. 9 кыздын кенжеси Кенжекеге ок жетпеген 42 жандуу Чалкуйрук атты мингизди, ок оттогон кылторко тонду, бутуна көк жекени кийгизип, чаар ингенге жүк артып, болтолкун келген кер байталды Күйтүү күнгө мингизип кошо жонотот. Кенжекени Төштүккө аялдыкка берди (507).

Тёштиюк не пошел на пир (*той*), остался дома. У киргизов появилось такая поговорка: «Жениться, не выходя из дома, как Тёштиюк». Элеман бай взял восемь своих невесток и уехал. Девятую, самую младшую невестку Кенжеке посадил на Чалкуйрука, которого не догонит стрела и у которого 42 души. Надели ей на ноги синие джекэ¹⁴, груз положили на пестрого верблюда. Куйту күн посадили на Кер байтала и тоже отправили с ними. Выдал Кенжеке замуж за Тёштиюка (507).

МД: Төшт., с. 541(3), 542(3), 546

Кенжеке Керкулунду минет. Боз ингенди жетелейт жана жибек арканды алат. Ошону менен 9 кыз кочуп женошот (541).

Кенжеке садится на Керкулуна. Она ведет серого верблюда, держа шелковый повод. И таким образом девять девушек отправляются в путь (541).

ЖЖ: Төшт., с. 551(3), 552(4), 553(2), 554(3), 561(3).

Айылга жакындағанда Кенжеке чаар ингенди түүдүрүп, ботосун ингендин өзүнө өңөрүп баратканын көрүп, Төштүк кара сакал сарт болду (561).

Когда до аула оставалось совсем немного, у верблюдицы родился верблюжонок, увидев, что Кенжеке положила верблюжонка на верблюда, Тёштиюк стал [как торговец –] чернобородый сарт (561).

В варианте «Көчпөсбай» не встречается.

Заключение

Сюжетно-тематические указатели «малых» эпосов киргизского народа чрезвычайно полезны для исследований не только фольклористических, но также лингвистических, культурологических, этнографических, исторических и др. Позволяя быстро найти любую необходимую информацию по каждому тексту, эти указатели создают благоприятные условия для составления

¹⁴ Синие джекэ (*көк жеке*) – церемониальная обувь из крашеной кожи.

указателей сходных сюжетов и мотивов, для создания каталогов других «малых» эпосов, народных поэм, вообще фольклорных нарративов различных жанров. Они открывают широкие возможности для сравнительного изучения киргизского эпоса с другими тюрко-монгольскими традициями, шире – с эпическими произведениями разных народов мира. Указатели, над составлением которых трудятся киргизские ученые, должны сыграть свою роль в изучении мировой эпики и, в частности, в раскрытии сущности, структурных особенностей и тематического разнообразия феномена «малых» эпосов.

Как отмечает проф. А. Исаева [Исаева 2013], для выявления инвариантных структур эпоса «Эр Тёштюк», широко распространенного среди тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии, нужен широкий сравнительно-типологический анализ его версий с учетом сюжетно-композиционного и стилистического уровней, совмещающий историко-генетический и структурно-семантический аспекты исследования. Надеемся, что наш указатель эпоса «Эр Тёштюк» будет способствовать работе фольклористов в этом направлении и ускорит решение указанных выше задач.

Сокращения

АУ – Алымкул Усенбаев

СКон – Сулайман Конокбаев

ТЖ – Толомуш Жээнтаев

СКар – Саякбай Карадаев

РЖВ(СК) – Радлов жазып алган вариант (С. Кайыповдун монографиясына тиркеме) [Версия Радлова (приложение к монографии С. Кайыпова [Кайыпов 1990])].

КС – Калча Суранчиев

МД – Мырзалы Дүйшембиев

ЖЖ – Жума Жамгырчиев

Көчп. – «Көчпөсбай», сказочный вариант эпоса «Эр Тёштюк»

Кож. – Кенже эпос. «Эл адабияты» сериясы <«Коджоджаш». «Малый» эпос. Серия «Народная литература»>. Т. 1. Бишкек: Avrasiâ Press, 2015. 255 с.

Төшт. – Эр Тёштүк. Кенже эпос. «Эл адабияты» сериясы <«Эр Тёштюк». «Малый» эпос. Серия «Народная литература»>. Т. 2. Бишкек: Шам, 2015. 448 с.

Литература

- Жирмунский 1974 – *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. М.: Наука, 1974. 727 с.
- Закиров 1959 – *Закиров С.* «Коджоджаш» эпосунун кээ бир маселелери [Некоторые проблемы эпоса «Коджоджаш»]. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959. 259 с.
- Закиров 1960 – *Закиров С.* «Эр Төштүк» эпосунун варианты жана идеялык-көркөмдүк өзгөчөлүктөрү [Варианты и идеально-художественные особенности эпоса «Эр Төштюк»]. Фрунзе, 1960. 64 с.
- Исаева 2013 – *Исаева А.К.* Классификация и систематизация малых эпосов киргизского эпоса // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. URL: <https://arxiv.ngumis.ru/articles/417/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Кайыпов 1990 – *Кайыпов С.* Проблемы поэтики эпоса «Эр Төштүк». Фрунзе: Илим, 1990. 317 с.
- Кебекова 1961 – *Кебекова Б.* «Курманбек» эпосунун варианты [Варианты эпоса «Курманбек»]. Фрунзе: Илим, 1961. 135 с.
- Кебекова 1963 – *Кебекова Б.* «Эр Табылды» эпосунун идеялык багыты жана көркөмдүк өзгөчөлүгү [Идейная направленность и художественные особенности эпоса «Ер Табылды»]. Фрунзе: Илим, 1963. 78 с.
- Кебекова 1964 – *Кебекова Б.* «Кедейкан» эпосунун идеясы жана көркөмдүк өзгөчөлүктөрү [Идейно-художественные особенности эпоса «Кедейкан»]. Фрунзе: Илим, 1964. 40 с.
- Кудайбергенов 1970 – *Кудайбергенов К.* Эл дастандары жана акын [Народные дастаны и акыны]. Фрунзе: Мектеп, 1970. 76 с.
- Кулалиева 2019 – *Кулалиева К.* Сюжетно-тематический указатель эпоса «Манас»: значение и содержание, структурные особенности // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2019. № 3 (15). С. 18–24.
- Кыдырбаева 1959 – *Кыдырбаева Р.* Идейно-художественные особенности эпоса «Саринджи-Бокой». Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959. 45 с.
- Молдобаев 1983 – *Молдобаев И.* Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе: Илим, 1983. 169 с.
- Орозова 2015 – *Орозова Г.* Кыргыз элдик поэмаларынын табияты (Жанр. Сюжет. Историзм [Характеристика киргизской народной поэзии (Жанр. Сюжет. Историзм)]. Бишкек: Улуу тоолор, 2015. 356 с.
- Субанбеков 1963 – *Субанбеков Ж.* Кыргыз элинин баатырдык кенже эпосу [Героический эпос киргизского народа]. Фрунзе: Кыргызстан мамлекеттик басмасы, 1963. 204 с.
- Субанбеков 1970 – *Субанбеков Ж.* Кыргыз элинин баатырдык эпостору [Героические эпосы киргизского народа]. Фрунзе: Мектеп, 1970. 192 с.

References

- Isaeva, A.K. (2013), "Classification and systematization of small epics of the Kyrgyz epic", *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya*, no. 8, available at: <https://arxiv.nrgumis.ru/articles/417/> (Accessed 10 May 2022).
- Kaiyrov, S. (1990), *Problemy poetiki eposa «Er Toshtyk»* [Problems of the poetics of the epic Er Toshtuk], Ilim, Frunze, USSR.
- Kebekova, B. (1961), «Kurmanbek» eposunun varianttary [Variants of the epic Kurmanbek], Ilim, Frunze, USSR.
- Kebekova, B. (1963), «Er Tabylty» eposunun ideyalik bagyty zhana kerkomdyk ozgocholygy [The ideological direction and an artistic feature of the epic Er Tabylty], Ilim, Frunze, USSR.
- Kebekova, B. (1964), «Kedeikan» eposunun ideyasy zhana kerkomdyk ozgocholyktry» [The idea and artistic features of the epic Kedeikan], Ilim, Frunze, USSR.
- Kudaibergenov, K. (1970), *El dastandard zhana akyn* [Folk dastans and aqyns], Mektep, Frunze, USSR.
- Kulalieva, K. (2019), "Plot-thematic index of the epic *Manas*: meaning and content, structural features", *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"*, vol. 15, no. 3, pp. 18–24.
- Kydyrbaeva, R. (1959), *Ideino-khudozhestvennye osobennosti eposa «Sarindzhi-Bokoi»* [Ideological and artistic features of the Sarynji-Bokoy epic], Izdatel'stvo AN Kirgizskoi SSR, Frunze, USSR.
- Moldobaev, I. (1983), *Epos «Zhamysh i Baiysh» kak istoriko-etnograficheskii istochnik* [Janysh and Baiysh as a historical-ethnographic source], Ilim, Frunze, USSR.
- Orozova, G. (2015), *Kyrgyz eldik poemalarynyn tabiyaty (Zhanr. Sjuzhet. Istorizm)* [The nature of Kyrgyz folk poems. Genre. Plot. History], Uluu toolor, Bishkek, Kyrgyzstan.
- Subanbekov, Zh. (1963), *Kyrgyz elinin baatyrdyk kenzhe eposu* [Heroic epic of the Kyrgyz people], Kyrgyzstan mamlekettik basmasy, Frunze, USSR.
- Subanbekov, Zh. (1970), *Kyrgyz elinin baatyrdyk epostoru* [Heroic epics of the Kyrgyz people], Mektep, Frunze, USSR.
- Zakirov, S. (1959), «Kodzhodzhash» eposunun kee bir maseleleri [Some issues of the Kojojash epic], Izdatel'stvo AN Kirgizskoi SSR, Frunze, USSR.
- Zakirov, S. (1960), «Er Toshtyk» eposunun varianttary zhana ideyalik-kerkomdyk ozgocholyktry» [Variants of the epic Er Toshtuk. Ideological and artistic features], Frunze, USSR.
- Zhirmunskii, V.M. (1974), *Tyurkskii geroicheskii epos* [Turkic heroic epic], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Курманбек А. Абакиров, доктор филологических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан; 720033, Кыргызстан, Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547; *kurmanabubekr@gmail.com*

ORCID ID: 0009-0001-5574-3966

Калия О. Кулалиева, кандидат филологических наук, Киргизско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан; 720054, Кыргызстан, Бишкек, пр-т Чыңгыза Айтматова, д. 56; *kaliya.kulaliyeva@manas.edu.kg*

ORCID ID: 0009-0005-4101-7954

Information about the authors

Kurmanbek A. Abakirov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan; 547, Frunze St., Bishkek, Kyrgyzstan, 720033; *kurmanabubekr@gmail.com*

ORCID ID: 0009-0001-5574-3966

Kaliya O. Kulalieva, Cand. of Sci. (Philology), Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan; 56, Chyngyz Aitmatov Av., Bishkek, Kyrgyzstan, 720054; *kaliya.kulaliyeva@manas.edu.kg*

ORCID ID: 0009-0005-4101-7954

ТЕКСТЫ И ПРАКТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 82-1

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-99-129

«Пионера враги расстреляли,
но той песни убить не смогли»:
гордость и скорбь в наивной поэзии
о Мусе Пинкензоне

Мария В. Гаврилова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, mariavl.gavrilova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена наивной поэзии о гибели пионера-героя Мусы Пинкензона. В декабре 1942 г. 12-летний мальчик вместе со своей семьей стал жертвой расстрела евреев. По официальной версии, перед смертью он успел сыграть на скрипке «Интернационал». Популярность этого сюжета среди наивных авторов пережила два пика – 1960–1970-е и 2010–2020-е гг. В статье анализируются особенности поэтики стихов о Мусе Пинкензоне, их pragматика и комплексы мотивов, характерные для произведений разного времени создания. Основной вывод статьи в том, что авторы наивных стихотворений раннего и позднего времени ориентировались на разные источники, в которых этот сюжет и характеристики главного героя трактовались по-разному. В ранних произведениях Муся Пинкензон лишен индивидуальных черт, его функция состоит в том, чтобы своей смертью подать пример другим и вдохновить их на борьбу. В поздних же он, наоборот, изображается уникальным ребенком со сверхъестественными музыкальными способностями, который сам вступает в бой с противником и одерживает над ним символическую победу. В выводах статьи также показывается, как эти два варианта сюжета соотносятся с различными типами мемориальной культуры, характерными для советского и постсоветского времени.

Ключевые слова: наивная литература, Холокост, евреи, пионеры-герои, коммеморация

© Гаврилова М.В., 2025

Дата поступления статьи: 18 мая 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 июля 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Гаврилова М.В. «Пионера враги расстреляли, но той песни убить не смогли»: гордость и скорбь в наивной поэзии о Мусе Пинкензоне // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 99–129. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-99-129

“The enemies shot the pioneer,
but they could not kill his song”:
pride and sorrow in naive poetry
about Musa Pinkenzon

Maria V. Gavrilova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Presidential Academy, Moscow, Russia,

mariav.gavrilova@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the naive poetry about the death of the pioneer hero Musya Pinkenzon. In December 1942, the 12-year-old boy and his family became victims of the execution of Jews. According to the official version, before his death, Musya managed to play the Internationale (the USSR anthem at that time) on his violin. This plot was especially popular among naive authors in the 1960s – 1970s and the 2010s – 2020s. The article analyzes the features of the poetics of naive poems about Musa Pinkenzon, their pragmatics and plot motifs in poems created in different periods. The main conclusion of the article is that the authors of naive poems of the early and late times used different sources of information, in which this plot and the characteristics of the main character were interpreted differently. In the early poems, Musya Pinkenzon does not have an individuality, his role is to set an example for others by his death and inspire them to fight. In the later ones Musya Pinkenzon, on the contrary, is depicted as a unique child with supernatural musical abilities, who himself enters into battle with the enemy and achieves a symbolic victory over him. At the end of the article, the author shows how these two versions of the plot relate to different types of memorial culture in Soviet and post-Soviet times.

Keywords: naive literature, Holocaust, Jews, pioneer heroes, commemoration

Received: May 18, 2025

Approved after reviewing: July 22, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Gavrilova, M.V. (2025), “The enemies shot the pioneer, but they could not kill his song’: pride and sorrow in naive poetry about Musa Pinkenzon”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 99–129, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-99-129

Введение

Муся Пинкензон – 12-летний мальчик, который погиб 15 декабря 1942 г. в ст. Усть-Лабинской Краснодарского края во время расстрела, жертвами которого стали 387 человек, преимущественно евреев. В начале войны его семья была эвакуирована из г. Бельцы, где она до этого жила. Отец мальчика Владимир Пинкензон был врачом, и в ст. Усть-Лабинской он получил работу в военном госпитале, а сам Муся был подающим надежды юным скрипачом. Через полгода после расстрела, в мае 1943 г., в газете «Советская Кубань» вышла заметка «Как погиб Муся Пинкензон», в которой утверждалось, что перед смертью мальчик успел сыграть на скрипке «Интернационал»¹. Автор этой заметки – московская журналистка Елена Кононенко, которая приехала в Краснодар в качестве корреспондента газеты «Правда», чтобы освещать Краснодарский процесс². Впоследствии эта история была изложена в еще двух газетных заметках – в «Пионерской правде» и «Правде»³, благодаря чему она получила всесоюзную известность. В 1967 г. в серии «Пионеры-герои» вышла повесть о Мусе Пинкензоне⁴, которая распространила его историю еще шире.

Хотя Муся Пинкензон не входит в «основной» пантеон пионеров-героев Великой Отечественной войны⁵, связанный с ним сюжет вызывал и вызывает интерес в течение всех послевоенных десятилетий, в том числе и после исчезновения пионерской орга-

¹ Содержание заметки с большой вероятностью было вымыслом автора, подробнее об этом см.: [Гаврилова 2024].

² Краснодарский процесс 14–17 июля 1943 г. – первый открытый процесс над пособниками нацистов, во время которого были осуждены 13 советских граждан, задействованных во вспомогательных частях зондеркоманды 10-А.

³ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон // Советская Кубань. 1943. 9 мая. С. 3; Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью // Пионерская правда. 1943. 1 сент. С. 4.

⁴ Ицкович С.Н. Муся Пинкензон. М.: Малыш, 1967. 26 с.

⁵ Подростки-партизаны, которым было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза: Леня Голиков, Марат Казей, Зина Портнова, Валя Котик.

низации. Его история имеет большое значение для жителей Усть-Лабинска и его окрестностей, а также для жителей Бельц, но популярность этого сюжета выходит далеко за пределы этих городов. Начиная с 1940-х гг., Муся Пинкензон много раз становился героем очерков, рассказов⁶, мультипликационного фильма⁷, школьных концертов и музыкально-поэтических вечеров⁸ и т. д. О том, что история гибели маленького скрипача вызывает у многих глубоко личный эмоциональный отклик, также свидетельствует немалое количество посвященных ему наивных поэтических произведений, созданных как в советское, так и в постсоветское время.

В своей статье я рассмотрю, как этот сюжет реализуется в наивной поэзии. Какие детали истории Муси Пинкензона имеют для наивных авторов наибольшее значение? Каковы типичные для наивных стихов о юном скрипаче мотивы и можно ли проследить их источники? Меня также будут интересовать особенности поэтики этих стихотворений и то, как это связано с местом и временем их создания. И, наконец, я исследую то, как стихи о Мусе связаны с внелитературным контекстом и какова их pragматика.

Понятие «наивная литература»

Прежде всего необходимо объяснить, что подразумевается под этим термином. Согласно выводам исследователей наивной литературы, она представляет собой обширный культурный слой,

⁶ См., например: Гусев А.И. Три беседы. М.: Молодая гвардия, 1948. С. 60–61; Великанов В. Раненая скрипка // Путь отважных: рассказы / [сост. С. Баруздин]. М.: Детгиз, 1962. С. 101–110; Каменкович И.И. Ночь плачущих детей. Баку: Гянджлик, 1975. С. 81–84; Куценко И., Моисеева Э. Юные ленинцы Кубани. Краснодар: Кн. изд-во, 1972. С. 25–26; и др.

⁷ «Скрипка пионера». Режиссер Борис Степанцев, сценарий Юрий Яковлев, оператор Михаил Друян. Союзмультифильм, 1971. 8 мин.

⁸ См., например: Муся Пинкензон. Маленький герой войны (концерт). Детская школа искусств № 16. г. Воронежа. 22 мая 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MXnGrM20LX4&ab_channel=%D0%9C%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%92%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%80%D1%8F (дата обращения: 12.03.2025); Где детство, там войне нет места: концерт, посвященный памяти Муси Пинкензона. Детская школа искусств № 34 г. Северодвинска. 5 мая. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ygVz7DYHCC8&t=14s&ab_channel=%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2No34 (дата обращения: 12.03.2025).

который находится между фольклором и литературой, но не может быть однозначно отнесен ни к тому, ни к другому. Наивные произведения – это продукты индивидуального творчества, в которых выражены личные эмоции и мнения конкретных людей. Авторы таких текстов ориентируются на «высокую» литературу, но они неосознанно нарушают нормы существующей литературной системы. Это творчество «литературно неквалифицированных» авторов, которых можно назвать «дискурсивными дилетантами». Наивные авторы пользуются литературным языком, поскольку он обладает высоким общественным статусом, но этот язык является для них «иностранным» [Неклюдов 2001; Лурье 2001].

Наивная литература представлена довольно гетероморфным материалом, и критерии «наивности» того или иного автора достаточно субъективны. В то же время у них есть ряд характерных общих черт. Так, наивные авторы не придают большого значения оригинальности своих произведений и литературному мастерству. Они пишут «от души», ориентируясь скорее на «правду жизни», чем на вымысел и «художественную правду». Наивные произведения ориентированы скорее на «потребление», чем на «сбыт» (П.Г. Богатырев), и это роднит их с фольклором. Как правило, наивные авторы, преследуют практические цели. Их произведения, особенно поэтические, адресованы определенной аудитории, они часто написаны «к слухаю» и предназначены для устного воспроизведения в конкретной жизненной ситуации [Минаева 2009].

Одна из типичных сфер применения наивных текстов – коммеморация. Тем случаем, к которому сочиняются наивные стихи, часто оказывается личная и / или общественно значимая трагедия. Создание и исполнение этих произведений во время траурных мероприятий или их принесение к месту гибели либо захоронения умершего является одним из популярных видов поминального действия [Югай 2016]. Целью наивного автора также может стать сохранение памяти о драматических событиях прошлого и призыв к аудитории извлечь из них нравственный урок, поэтому такие произведения также часто тяготеют к историко-патриотической тематике [Лурье 2001]. Наивные авторы охотно берут темы и сюжеты из «официального дискурса (литературного и идеологического)» – т. е. из школьных учебников, массовой литературы, медиа-источников и т. п., а также используют в своих произведениях клише, характерные для этого дискурса. Сами они этого не чувствуют, поскольку не владеют иными навыками творческого самовыражения [Козлова 2009]. Еще одним источником тем, языка и художественных средств для наивной поэзии является фольклор.

Как мы увидим далее, наивным стихам о Мусе Пинкензоне в полной мере присущи все эти признаки. Эти поэтические тексты интересны тем, что они предоставляют нам возможность проанализировать развитие одного и того же сюжета в творчестве наивных авторов разного времени и места жительства. Кроме того, мы можем сравнить содержание стихотворений с источниками и понять, какие варианты и детали сюжета истории о Мусе Пинкензоне оказались наиболее востребованными среди наивных авторов и почему.

Происхождение сюжета

История Муси Пинкензона представляет собой реализацию фольклорно-литературного сюжета о гибели героя во время игры на музыкальном инструменте и / или пения. В первом варианте этого сюжета герой поет либо музицирует перед казнью – как в балладе «Макферсон перед казнью»⁹. Во втором варианте герой «умирает с музыкой» в бою – как в песне «Юный барабанщик»¹⁰.

Сюжет «музыка перед смертью» особенно характерен для произведений, воспевающих бунтарскую и левореволюционную героику¹¹. С точки зрения непосредственного влияния на историю Муси Пинкензона особый интерес для нас представляет отрывок из романа В. Гюго «Отверженные» о Гавроше, который в 1920–1930-е гг. неоднократно выходил в СССР отдельными изданиями для детей:

Гаврош поднял глаза и увидел, что в него стреляют национальные гвардейцы. Он выпрямился во весь рост и с разевающимися по ветру

⁹ По легенде, разбойник Джейми Макферсон, живший в XVI в. «шотландский Робин-Гуд», перед казнью сочинил песню и исполнил ее, аккомпанируя себе на скрипке. Этот сюжет лег в основу народной баллады, в дальнейшем переработанной поэтом Р. Бернсом (MacPherson's Farewell, 1788). На русском языке она известна в переводе С. Маршака (1942). Самая первая заметка Кононенко о Мусе Пинкензоне была опубликована в 1943 г., так что знакомство журналистки с этим переводом не исключено.

¹⁰ Она представляет собой вольный перевод песни В. Валльрота «Маленький трубач» (Der kleine Trompeter, 1925), посвященной Фрицу Вайнеку, горнисту Союза красных фронтовиков, который погиб при разгоне полицией предвыборного собрания Эриста Тельмана. Перевод на русский язык был выполнен М. Светловым в 1929 г.

¹¹ В пьесе Г. Бюхнера «Смерть Дантон» (Dantons Tod, 1835) главный герой и его соратники поют «Марсельезу» по дороге к гильотине.

волосами, уперся руками в бока, вперил глаза в стрелявших в него солдат национальной гвардии и вызывающе запел песенку. <...> Это был воробей, собирающийся заклевать охотника. На каждый выстрел он отвечал куплетом. <...> Наконец, одна из пуль <...> настигла-таки неуловимого ребенка. Гаврош зашатался, потом упал лицом на мостовую и уже больше не шевелился¹².

Реализацию этого сюжета можно найти и непосредственно в рассказах о пионерах-героях, например:

Киря высоко вскинул голову и запел: «Вы жертвою пали в борьбе роковой, / В любви беззаветной к народу...». Еще эхо не потушило последние слова похоронного марша, как Киря медленно поднял наган и послал в себя пулю, последнюю пулю¹³.

Таким образом, к моменту появления истории Муси Пинкензона уже существовала готовый сюжет, подходящий для художественного оформления жизненного материала. Рассмотрим, какое содержание туда поместили авторы текстов, в дальнейшем ставших источниками сведений для наивных поэтов.

Прецедентные тексты

Наивные авторы очень часто опираются в своем творчестве на информацию из медиаисточников или даже полностью воспроизводят то, что там написано [Югай 2016]. Так поступали и создатели наивной поэзии о Мусе Пинкензоне. Источниками, из которых они черпали подробности этого сюжета и способы его трактовки, стали серия газетных заметок 1943–1945 гг.¹⁴ и повесть С. Ицковича¹⁵. «Каноническая» версия событий сложилась не сразу, и в процессе ее формирования часть деталей выпала из сюжета, а взамен появились новые подробности, которые в дальнейшем получили развитие и утвердились в качестве неотъемлемых частей этой истории.

¹² Гюго В. Гаврош. Пг.: Изд-во ЦК КСМУ, 1922. С. 53–54.

¹³ Омбыш-Кузецов С. Шестичасовой бой // Дети-герои / [сост. И.К. Гончаренко, Н.Б. Махлин]. 3-е изд. Киев: Радянська школа, 1984. С. 60–65.

¹⁴ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон; Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью; Кононенко Е. Слава советским детям! // Правда: газета. 1945. 21 мая. С. 3.

¹⁵ Ицкович С.Н. Муся Пинкензон.

Публикация, в которой впервые рассказывается об исполнении «Интернационала», вышла 9 мая 1943 г. в районной газете «Советская Кубань». Заметка «Как погиб Муся Пинкензон» начинается идиллической картиной окончания учебного года. Как «образцовый ученик и пионер», Муся получает грамоту от классного руководителя. Далее описываются ужасы начавшейся в августе 1942 г. оккупации. Перед своим зимним отступлением «немецкие изверги» решают расстрелять большую группу людей. Они совершают это преступление, чтобы «отомстить советским гражданам». 15 декабря «женщин, детей и стариков», в том числе семью Муси, выводят к крепости Красный форштадт и расстреливают на краю вырытого рва. Перед гибелю Муся просит разрешения сыграть на скрипке и исполняет «Интернационал». Полицейские приходят в ярость и сбивают его с ног. Отец Муси просит их не убивать сына, но жандармы смеются и бьют его палками, а затем приказывают Мусе и его отцу бежать прочь, после чего пускают по ним очередь из автомата.

Следующая публикация, вышедшая 1 сентября 1943 г. в «Пионерской правде», называется «Сильные духом: Перед казнью». Ее автор Е. Успенская рассказывает три истории о героических поступках советских школьников в оккупации. В истории Муси лишь часть деталей совпадает с содержанием заметки в «Советской Кубани». Из истории исчезает избиение отца Муси и приказ бежать прочь. Вместо этого вводятся новые подробности. По версии Успенской, 15 декабря немцы «сгнояют народ смотреть на казнь». Муся просит у немецкого офицера разрешения сыграть. Стоя «перед шеренгой немецких солдат», он играет не для них, а для своих друзей. На иллюстрации к заметке мальчик со скрипкой стоит среди раненых мужчин, а рядом с ними – разгневанный немецкий офицер. Заметим, что в первой публикации колаборанты-полицейские расстреливают стариков, женщин и детей. Немецкого офицера, толпы селян, согнанных на казнь, и раненых друзей там нет. Благодаря новым деталям рассказ о расстреле мирного населения превращается в историю о казни «партизан».

Следующая публикация под названием «Слава советским детям» вышла 21 мая 1945 г. в газете «Правда». Ее автором была Е. Кононенко, которая написала самую первую заметку о Мусе. Интересно, что во второй своей заметке она пересказывает не то, что писала до того, а версию Успенской: Муся противостоит немецкому офицеру, а не полицейским. На казни присутствует согнанная толпа и отсутствуют женщины, дети и старики. Меняется локация расстрела: если в первой своей заметке Кононенко говорит о рве на поляне, то во второй местом событий оказывается

площадь: «Я не была на этой площади, но я слышу, как играл этот ребенок гимн, я слышу это, и душа моя радуется и плачет»¹⁶.

В повести С. Ицковича, выпущенной в серии «Пионеры-герои» в 1967 г., рассказывается не только о трагических событиях в ст. Усть-Лабинской, но и о жизни семьи Пинкензонов в Бельцах до эвакуации. Особое внимание автор уделяет музыкальным достижениями Муси: он проявляет талант в 4 года, а уже в 5 лет дает свой первый концерт. Перед эвакуацией Муся выкладывает из чемодана одежду, чтобы туда поместились ноты. Во время изнурительного пути на Кубань Муся исцеляет и ободряет окружающих игрой на скрипке. В ст. Усть-Лабинской Муся дает концерты в военном госпитале, и ему даже удается с помощью музыки вернуть к жизни тяжело раненного летчика. Во время оккупации немцы, чтобы запугать станичников, решают расстрелять семью Пинкензонов и других арестованных. Автор не уточняет, кто эти люди и почему их расстреливают, но на иллюстрациях опять-таки изображены раненые мужчины.

Как мы видим, с течением времени сюжет о Мусе Пинкензоне претерпевает изменения. Если вначале речь идет о расстреле женщин, детей и старииков, то в последующих публикациях мирные жители превращаются в «партизан», которых казнят на площади перед толпой селян, а полицейские-коллaborанты – в немецкого офицера. Можно также заметить, что по мере развития сюжета складываются два разных образа главного героя. В версиях 1940-х гг. у Муси, по сути, нет характеристик, кроме «образцовости», а в повести 1967 г. он, наоборот, описывается как вундеркинд, чья музыка обладает целительной силой.

Корпус текстов и авторы стихотворений о Мусе Пинкензоне

Корпус анализируемых мной текстов состоит из 18 стихотворений, поэм и песен о Мусе Пинкензоне. Основные источники материала – архив Усть-Лабинского краеведческого музея¹⁷ и библиография публикаций о Мусе Пинкензоне, представлен-

¹⁶ Попутно заметим, что здесь Кононенко признается в том, что она не была свидетельницей расстрела, что ставит под вопрос достоверность ее рассказа.

¹⁷ Материалы о Мусе Пинкензоне представляют собой папку с подборкой рукописей и вырезок из газет, посвященных его истории. Материалы были собраны в 1960–1980-е гг. пионерами усть-лабинской школы № 1, а в дальнейшем переданы в Усть-Лабинский краеведческий музей.

ная на сайте «Централизованная библиотечная система города Армавира»¹⁸. Два из имеющихся поэтических текстов были опубликованы в печатных СМИ¹⁹; шесть существуют только в рукописном варианте²⁰; шесть опубликованы сайте на Stihi.ru²¹; два в интернет-изданиях²², один в поэтическом сборнике, переданном мне автором²³, и еще один опубликован в соцсети²⁴.

¹⁸ На сайте приведены ссылки на 48 печатных и интернет-материалов о Мусе Пинкензоне, в том числе на поэтические тексты с портала Stihi.ru. URL: http://armavir-cbs.krd.muzkult.ru/Pinkenzon_Musya (дата обращения: 15.03. 2025).

¹⁹ Виноградский Ф. Песня о юном скрипаче // Армавирская коммуна. 1951. 6 апр. С. 3; Шилов М. Баллада о скрипаче // Коммунист. 1959. 29 апр. С. 6.

²⁰ Бойко А. Муся Пинкензон: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1950–1960-е гг.; Скороход Н. Хмурое утро: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е. гг.; Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон: рукопись // Там же; Отрядная песня о Мусе Пинкензон (пионеры из отряда им. Муси Пинкензона из средней школы № 11 в ст. Кирпильской): рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1975 г.; Кизолго В. Песня о пионере Мусе Пинкензон (музыка А. Мунтян): рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е. гг.; Зайцев А.Р. Юному герою: рукопись // Там же.

²¹ Коб Ра. Герои и судьбы: Муся Пинкензон // Stihi.ru. 2014 г. URL: <https://stihi.ru/2014/12/23/638> (дата обращения: 15.03.2025); Семиколенова Л. Непокоренный скрипач // Stihi.ru. 2015 г. URL: <https://stihi.ru/2015/04/19/138> (дата обращения: 15.03.2025); Томко А. Муся Пинкензон // Stihi.ru. 2015. URL: <https://stihi.ru/2015/08/07/9141> (дата обращения: 15.03.2025); Абесадзе Е. Муся // Stihi.ru. 2016 г. URL: <https://stihi.ru/2016/04/23/5614> (дата обращения: 15.03.2025); Аршанская М. Расстрелянная скрипка // Stihi.ru. 2019. URL: <https://stihi.ru/2019/07/15/6952> (дата обращения: 15.03.2025); Старостин В. Муся Пинкензон // Stihi.ru. 2020. URL: <https://stihi.ru/2020/01/23/8297> (дата обращения: 15.03.2025).

²² Хентов И. Муся Пинкензон // Жемчужины мысли.ру. 2016. URL: <https://www.inpearls.ru/872737> (дата обращения: 15.03.2025); Полянская Е. Скрипач // Что есть Истина?: Литературно-исторический журнал. 2020. № 60 (март). URL: <https://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--60-mart-2020-g/ekaterina-rolyanskaya> (дата обращения: 15.03.2025).

²³ Чепела ІІІ. Последний концерт Муси Пинкензона // О, если я забуду тебя, Иерусалим... М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. С. 40–42.

²⁴ Ицкович С.Н. Расстрелянная скрипка. 2020. 15 авг. URL: <https://clck.ru/3PZ35U> (дата обращения: 15.03.2025).

Произведения этого корпуса можно разделить на две группы по времени их создания. Ранние стихи относятся к периоду 1950–1980-х гг., а стихи позднего времени написаны в 2010–2020-е гг. Популярность сюжета о Мусе Пинкензоне среди наивных авторов пережила два пика:

1) 1960–1970-е гг., что было связано с выходом книги Ицкова и становлением в СССР государственного культа Великой Отечественной войны;

2) после 2014 г., что связано с ренессансом этого культа в современной России.

Большинство ранних авторов – жители Усть-Лабинска и его окрестностей, о чем можно судить по подписям типа: «ученики 4 «б» класса СШ № 11 в ст. Кирпильской Усть-Лабинского р-на»; «Авраменко Николай Моисеевич, дважды ветеран труда, хут. Болгов». Кроме того, в своих стихах эти авторы указывают на свою личную связь с ключевыми для этой истории объектами:

Средь толпы идет мальчик темнокудрый.
Это пятиклассник *нашей школы* – Муся Пинкензон.
Как его любили в *нашой школе!*²⁵

Мы были у крепости нашей,
Где памятник Мусе стоит.
Он был пионером бесстрашным
И мужеством стал знаменит²⁶.

Приходил я к Пинкензону
По родительскому зову
Не раз и не два
Слезу сдерживал едва²⁷.

Ранние авторы также упоминают факты, отсутствующие в «официальных» источниках, – например то, что школа, где учился Муся, во время войны была закрыта и там разместили военный госпиталь. Они достаточно вольно обращаются с подробностями канонической версии событий: например, пишут о погоде и состоянии здоровья Муси в день расстрела:

Мрачно небо, мокра земля,
Ветер холодный одежду рвет,

²⁵ Бойко А. Муся Пинкензон.

²⁶ Кизолго В. Песня о пионере Мусе Пинкензон.

²⁷ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

*Поливают струи дождя,
А толпа все идет²⁸.*

Стоял под расстрелом со скрипкой
Он рядом с хирургом отцом,
Был бодрым, хотя болен гриппом, –
Как воин стоял молодцом!²⁹

Как местные жители, эти авторы явно считали себя если не свидетелями, то причастными к описываемым событиям и потому не стеснялись дополнять и уточнять «канонический» сюжет³⁰. Поздние авторы, которые, судя по всему, в Усть-Лабинске не бывали, наоборот, строго следуют тому, что изложено в «официальных» письменных источниках. Их вклад в разработку этого сюжета – творческое углубление некоторых деталей и описание своих эмоций.

Из этих двух групп текстов выбирается стихотворение С. Ицковича, автора повести «Муся Пинкензон». Дата его создания нам неизвестна, но оно точно было написано до 1988 г., когда автор скончался, т. е. по времени своего появления это стихотворение находится за пределами двух пиков популярности этого сюжета. Неизвестно и то, было ли оно опубликовано при жизни автора. Для нас стихотворение Ицковича интересно тем, что в нем автор расставил другие, по сравнению с повестью, акценты. Вопрос о том, можно ли считать Ицковича «наивным» автором, дискуссионен, учитывая, что он был журналистом и написал один из прецедентных текстов. На мой взгляд, мы все-таки можем рассматривать его стихотворение в контексте наивной поэзии (хотя и с оговорками), поскольку личная эмоциональная вовлеченность Ицковича в этот сюжет³¹ превалирует над его литературным мастерством.

²⁸ Бойко А. Муся Пинкензон.

²⁹ Зайцев А.Р. Юному герою.

³⁰ В своих мемуарах о Мусе Пинкензоне некоторые местные жители обращались с этой историей еще более вольно: рассказывали, например, о младшей сестре Муси, которой у него не было, и вписывали в историю себя в качестве участников. Подробнее об этом см.: [Гаврилова 2024].

³¹ Ицкович был евреем и земляком Муси Пинкензона, лично знакомым с его родственниками.

Прагматика, тематика и поэтика наивных стихотворений о Мусе Пинкензоне

В поэтических текстах раннего времени создания, опубликованных в печати или предназначенных для публичного исполнения, преобладает героическая топика:

Пионера враги расстреляли,
Но той песни убить не смогли,
Услыхал её пламенный Сталин
И сказал детям нашей земли...³²

Цель этих произведений – эмоциональная мобилизация аудитории, поднятие ее боевого духа и прославление героя. Два текста представляют собой маршевые песни:

Пролети ты, песня
Над родной землей.
Расскажи ты, песня,
Как погиб герой³³.

Остальные тексты имеют другую прагматику и выражают другие эмоции. Это скорее «плачи», в которых находит выход скорбь, описывается трагизм ситуации, жестокость палачей и страдания невинных жертв. Среди таких произведений есть и рукописи из архива музея, и поздние стихотворения, однако стилистика и поэтические образцы, на которые ориентируются авторы разного времени, отличаются. Ранние тексты акцентируют внимание на страшных, кровавых подробностях, используя в качестве модели жанр жестокого романса³⁴:

Зная, что из гетто им не уйти,
Но он искал выход на волю,
И вместе со скрипкою сердце в груди
Пело про злую их долю. <...>
С простреленной грудью он упал на песок,

³² Виноградский Ф. Песня о юном скрипаче.

³³ Отрядная песня о Мусе Пинкензон.

³⁴ Например: «Хороша, молода / На лохмотьях цыганка лежала / Вся в жару и в огне, / В рамке черных кудрей, / А в груди ее рана зияла. / Из-под шали цветной, / Из груди молодой / Кровь горячая струйкой бежала» (Современная баллада и жестокий романс / [сост. С. Адоньева, Н. Герасимова]. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 153).

А рядом валялася скрипка...
 Кровь, будто знамя, закрыла висок,
 В лице же играла улыбка³⁵

В крепости той, где был суд обреченных,
 Партийный гимн Муся гордо сыграл,
 Хотел ещё крикнуть так близкое... ма-ма,
 Но, скошенный пулей, на землю упал³⁶.
 Капли крови на землю по струнам катились,
 Словно слезы из глаз у родных матерей
 За нашу страдалицу землю родную,
 За миллионы погибших людей³⁷.

Авторы стихотворений позднего времени создания не описывают подробности жестокой расправы, а говорят о беззащитности и невинности мальчика, выражают жалость к нему (подробнее речь об этом пойдет далее). При этом они ориентируются уже не на фольклор, а на образцы «высокой» поэзии XX в.

О случаях публичного исполнения большинства стихотворений-«плачей» сведений у нас нет, хотя это не исключено. Однако известно, что по крайней мере одно из них – «Последний концерт Муси Пинкензона»³⁸ – автор регулярно читает вслух перед школьниками во время коммеморативно-просветительских мероприятий на Международный день памяти Холокоста (27 января)³⁹.

³⁵ Зайцев А.Р. Юному герою.

³⁶ Ср.: «Надя ножик берет и подходит, / А малютка встает и глядит: / “Мама, мамочка, милая мама, что за дядя на стуле сидит?” / “Это папочка, милая дочка, / Только папа тебе не родной”. / И вонзила ребенку в грудь ножик, / Только девочка крикнула: “Ой!”» (Русский жестокий роман / [сост. В.Г. Смолицкий, Н.В. Михайлова]. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 83).

³⁷ Скороход Н. Хмурое утро.

³⁸ Чепела Ш. Последний концерт Муси Пинкензона.

³⁹ Международный день памяти жертв Холокоста был установлен ООН в 2005 г. В качестве даты был выбран день освобождения концлагеря Освенцим (Аушвиц-Биркенау) 27 января 1945 г. В России к этому дню приурочены культурно-просветительские мероприятия (выставки, концерты, тематические уроки, кинопоказы и т. п.) и посещение мест расстрелов (подробнее о датах коммеморации жертв Холокоста см.: [Козлова 2024]). Чаще всего организаторами этих мероприятий являются местные еврейские общины. В Усть-Лабинске такой общины нет, и в разговорах с нами усть-лабинцы не называли 27 января в качестве даты для посещении памятника Муси Пинкензона. Мероприятия, в которых принимает участие Шуламита Чепела, проходят в Краснодаре.

Характеристика героя

Сюжет о Мусе Пинкензоне строится на контрасте внешней беззащитности мальчика и его внутренней силы и на противостоянии грубой агрессии при помощи искусства. В ранних и поздних стихотворениях Муся Пинкензон характеризуется через оппозицию «дитя – герой»:

Хотя музыкант был годами и мал,
Но крепок был дух, не сломался,
И пела та скрипка «Интернационал»,
Пока музыкант не свалился!⁴⁰

Домашний мальчик с маленькою скрипкой,
Что стать героем вовсе не мечтал...
А в памяти – наивная улыбка,
А в воздухе – «Интернационал»!⁴¹

Часть авторов подчеркивает, что Муся именно «воин», который гибнет «в бою»⁴²:

Что мне делать, Господи?
Играть.
Он играл. Как воин. <...>
Маленький...
Скрипач... Он воевал!⁴³

В одном стихотворении Муся даже не играет на скрипке, а непосредственно участвует в боях:

⁴⁰ Зайцев А.Р. Юному герою.

⁴¹ Абесадзе Е. Муся.

⁴² Сегодня в Усть-Лабинске его воспринимают так же: возле памятника Мусе Пинкензону можно увидеть траурные венки с надписями «Павшим воинам в ВОВ» и «Героям-освободителям». По словам местной учительницы, школьники ежегодно отдают дань памяти «похороненным там героям». В Усть-Лабинске мероприятия у мемориала с советских времен приурочены к датам, связанным с Великой Отечественной войной: 9 мая, 22 июня, 6 февраля (день освобождения Усть-Лабинска), а также ко дню рождения Муси Пинкензона (5 декабря) и дате расстрела (15 декабря). Кроме того, у памятника раньше проводились линейки на День пионерии (19 мая), устраивался пионерский слет, школьников принимали в пионеры.

⁴³ Коб Ра. Герои и судьбы: Муся Пинкензон.

Ты был совсем уж молод
 Но в дождь, снег и холод
 Темной ночью под градом пуль
 Ты разведчик, подносчик, патруль.
 Всегда был на первом рубеже
 В командирском блиндаже⁴⁴.

В тех ранних текстах, которые печатались или исполнялись публично, Муся характеризуется прежде всего как коммунист, пионер и патриот СССР. Наиболее значимым оказывается то, что перед расстрелом звучит именно «Интернационал», который до 1944 г. был государственным гимном СССР:

Мои струны, певучие струны,
 Не погаснет свободы заря,
 Спойте вы, что фашистские гунны
 Нас не сломят, внучат Октября!..⁴⁵

Здесь был Пинкензон, наш подросток –
 Скрипач, музыкант, пионер,
 И с мужеством был он как взрослый, –
 Всем школьникам в жизни пример!⁴⁶

Подобные характеристики практически дословно повторяют описание Муси в газетных публикациях 1940-х гг.:

Муся Пинкензон был примерным пионером и учеником. Сколько в нем было жизни и свежести, сколько радости и счастья было на лице этого маленького патриота советской родины! В нем был яркий отпечаток советского детства, без нужды и горя, которое проводят дети советской страны⁴⁷.

Другие, наоборот, подчеркивают, что Муся – это обычный советский ребенок, на чью долю несправедливо выпали тяжелые испытания. Такая трактовка встречается как в ранних, так и в поздних произведениях. Эти авторы акцентируют внимание на детскости героя, мальчик вызывает у них умиление и жалость:

⁴⁴ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

⁴⁵ Виноградский Ф. Песня о юном скрипаче.

⁴⁶ Кизолго В. Песня о пионере Мусе Пинкензон.

⁴⁷ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

Ты хотел бегать, веселиться,
Петъ, жить, трудиться
Как все дети на земле
Не думая о горе, о войне⁴⁸.

Смотрю на фото: очень нежный мальчик,
И видно – не задира, не драчун⁴⁹.
В руках смычок и скрипка, пухлый пальчик
Едва-едва коснулся тонких струн.
Рубашечка застегнута под горло,
Зачесан волос маминой рукой...⁵⁰

При этом ранние авторы обычно подчеркивает, что Муся был «как все»:

Он был как многие, такой же пионер,
Любил читать, любил играть на скрипке.
И если его ставили в пример,
Он убегал с застенчивой улыбкой⁵¹.

Это также соответствует характеристике Муси и других детей-героев в газетных публикациях 1940-х гг.:

Они были такими же, как и вы все: веселыми, задорными, шаловливыми ребятами⁵².

Поздние авторы, наоборот, говорят о Мусе как об уникальном ребенке. В их стихотворениях он описывается не как «один из» множества воинов, коммунистов, патриотов, счастливых советских детей и т. д. (пусть и образцовый), а как мальчик с яркой индивидуальностью, с собственной биографией, из уважаемой и интеллигентной семьи:

Не надо, не надо, мальчик!
Не ставь эту скрипку в плечо.

⁴⁸ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

⁴⁹ Ср.: «Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. <...> Мальчик был очень симпатичный – сразу видно, что не драчун» (Катаев В. Цветик-семицветик // Мурзилка. 1940. № 2. С. 7).

⁵⁰ Абесадзе Е. Муся.

⁵¹ Шилов М. Баллада о скрипаче.

⁵² Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью.

Твой чувствителен пальчик –
Будешь, как папа, врачом⁵³.

В этом они следуют за изображением Муси в повести Ицковича. Некоторые авторы углубляются в тему утонченности семьи Пинкензонов (особенно мамы) еще дальше, чем Ицкович:

Думал, мама, сыграю в Москве
Думал, вместе поедем в Париж
Но сегодня на мокрой траве
Ты немая навеки лежишь⁵⁴.

Папа в белом халате
С пятнышком крови аленьким
И мама в вечернем платье,
Украшенном перьями страуса⁵⁵.

Как и для Ицковича, для поздних авторов наибольшее значение приобретает музыкальный дар героя. Этую тему они раскрывают, описывая то, какие именно классические произведения Муся исполнял на скрипке:

С дек струились созвучия Баха,
К ним спускался с небес Мендельсон⁵⁶.

Сыграй-ка им лучше Штрауса,
Они его любят – гады. <...>
Сыграй-ка им Ференца Листа. <...>
Сыграй-ка им лучше Брамса,
Помнишь, как в свой день рождения;
И этот напыщенно-бравый
Станет, как наваждение⁵⁷.

Ранние авторы не упоминают о том, что Муся – еврей. Можно было бы предположить, что эта информация отсутствует в precedentных текстах, но на самом деле Кононенко во второй своей заметке писала о национальности Муси:

⁵³ Томко А. Муся Пинкензон.

⁵⁴ Чепела Ш. Последний концерт Муси Пинкензона.

⁵⁵ Томко А. Муся Пинкензон.

⁵⁶ Хентов И. Муся Пинкензон.

⁵⁷ Томко А. Муся Пинкензон.

Фашист позволил <Мусе сыграть на скрипке>: «Пусть все видят, как милостивы немцы, они разрешают еврейскому ребенку потешиться перед тем, как он подохнет...»⁵⁸

Вероятно, для ранних авторов эта деталь не имела значения, поскольку для них Муся был прежде всего «партизаном». Для поздних же авторов национальность Муси – это часть его индивидуальности, и поэтому они считали важным упомянуть об этом:

Играла скрипка в доме Пинкензонов,
Всех виртуозной радуя игрой.
Навеки в камне он, непокорённый.
Простой еврейский мальчик. И герой⁵⁹.

Таким образом, для ранних авторов, пишущих о Мусе как в героическом, так и в скорбном ключе, он типичный, образцовый советский ребенок и маленький «воин», а для поздних он, по-прежнему будучи ребенком-«бойцом», особенный и уникальный.

Изображение врага

В ранних текстах, написанных авторами с Кубани, враг описывается как обезличенное зло – животные, чудовища, варвары:

Вдруг грянула война
И полезла фашистов волна⁶⁰.

Когда над страною стервятников рой
Плясали смертельную тризну. <...>
Лишь пьяной ордою у каждого ворот
Шныряла фашистская свора⁶¹.

Судя по этой детали, авторы опирались на самую первую публикацию в «Советской Кубани», где враг описан именно так:

Окровавленная рука гитлеровского пса-коменданта, выкормленного, как перед охотой... <...> ...полицейские с звероподобными лицами, вышли вооруженными на крепость <...> и ждали своих жертв⁶².

⁵⁸ Кононенко Е. Слава советским детям!

⁵⁹ Семиколенова Л. Непокоренный скрипач.

⁶⁰ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

⁶¹ Зайцев А.Р. Юному герою.

⁶² Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

Как вариант, противник Муси в ранних стихах обозначается словом «конвой»:

Он слышал картавые фразы конвоя,
Их, надрываясь, выкрикивал фриц⁶³.

Муся со скрипкою вышел вперед
Конвою сказал очень мило:
«Прошу напоследок на скрипке сыграть!
Уважьте последнюю волю!»
Конвой улыбнулся: «Прошу начинать!»
И звуки помчались на волю⁶⁴.

Это слово также упоминается только в «Советской Кубани»: «...Под многочисленным конвоем шли люди, приговоренные к смерти»⁶⁵. В других прецедентных текстах «звероподобных полицейских» и «конвоя» мы уже не встречаем. Начиная с заметки Успенской во всех публикациях в качестве антагониста Муси выступает конкретный немецкий офицер⁶⁶. Он появляется и в поздней наивной поэзии:

Растерян был тот офицер.
Он ждал покорности, и вот –
Играет скрипка, но не тот,
Что ожидал, мотив плывет. <...>
Немецкий бравый офицер,
Как просчитаться все же смог?
Он ждал мольбы, а получил
Лишь унижение в итог⁶⁷.

Вздрогнула скрипка у мальчишеского плеча.
Офицер, прищурившись, смотрит на скрипача.
Офицер доволен: расстрел обещает быть
Даже забавным... Он успеет убить⁶⁸.

⁶³ Скороход Н. Хмурое утро.

⁶⁴ Зайцев А.Р. Юному герою.

⁶⁵ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

⁶⁶ В мультфильме «Скрипка пионера» развитие этой тенденции достигает крайней степени: немецкий солдат и юный скрипач вообще оказываются единственными персонажами.

⁶⁷ Аришанский М. Расстрелянная скрипка.

⁶⁸ Полянская Е. Скрипач.

Мы видим, что враг описывается по-разному, в зависимости от того, на какой из precedentных текстов ориентировался автор. Если для жителей Кубани это была первая заметка Кононенко в местной газете, то авторы из других регионов, которым она была недоступна, ориентировались на те источники, где Муся противостоит немецкому офицеру.

Сюжетные функции Муси Пинкензона

В стихах ранних и поздних авторов Муся играет разные роли. В произведениях советского времени он своей игрой на скрипке призывает на бой других, вдохновляет их и подает им пример:

Скрипку прижимая к сердцу правою рукой,
Левую протягивал, взывая, на святую месть,
На смертный бой⁶⁹.

Пусть целят в сердце автоматы!
Пусть пуля скрипку в щепки рвёт!
Вы слышите меня, солдаты?
Прошу –
За Родину,
вперед!⁷⁰

Эта трактовка соответствует характеристике Муси как воина и патриота, и она взята непосредственно из первых газетных заметок о нем. Правда, в публикации в «Советской Кубани» у Муси нет слушателей, кроме «конвоя», поэтому ему не к кому обратиться, но Кононенко сама призывает пионеров и комсомольцев включиться в помощь Красной армии, апеллируя к его образу: «Пусть светлый образ Муси Пинкензона <...> вселит еще большую ненависть к немецким кровопийцам»⁷¹. В следующей публикации Муся уже играет перед толпой, согнанной на казнь, и перед боевыми товарищами. Успенская превращает призыв в констатацию: «И вера и мужество крепли в людях»⁷².

В поздних текстах Муся уже не вдохновляет других, а сам одерживает символическую победу над врагом:

⁶⁹ Бойко А. Муся Пинкензон.

⁷⁰ Ицкович С.Н. Расстрелянная скрипка.

⁷¹ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

⁷² Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью.

Муся Пинкензон... <...>
 Не закрывал
 Собою дзота.
 Да. Не нёс
 Под пулями
 Кумач.
 Только вот скажите...
 Отчего-то
 Дрогнул
 Перед ним
 Фашист-палач. <...>
 Муся...
 На лице его улыбка.
 Победитель
 Маленький скрипач⁷³.

Начиная со статьи Успенской, в прецедентных текстах офицер реагирует на «Интернационал» яростью, поздние же авторы пишут о его «растерянности», «дрожи», «унижении».

Роль музыканта-победителя соответствует индивидуализированному образу Муси. Авторы стихотворений позднего времени, подчеркивая в Мусе его детскость и беззащитность, парадоксальным образом наделяют его гораздо большей субъектностью, чем ранние авторы, для которых он был «воином» и маленьким патриотом.

«Песня-птица» и «скрипка-подруга»

Некоторые мотивы в наивных стихотворениях о Мусе имеют мифологическое происхождение и являются общими местами лирических произведений разных эпох и народов. Один из них – изображение песни как самостоятельного агента, летающего в воздухе, как птица:

Пролети ты, песня
 Над родной землей.
 Расскажи ты, песня,
 Как погиб герой⁷⁴.

Но не ведала скрипочка страха,
 Как и юный скрипач Пинкензон. <...>

⁷³ Коб Ра. Герои и судьбы: Муся Пинкензон.

⁷⁴ Отрядная песня о Мусе Пинкензон.

От могилы взлетел над станицей
Птицей ввысь «Интернационал»⁷⁵.

Скрипка в стихотворениях изображается как живое существо – «подруга» главного героя, с которой у него особые личные взаимоотношения⁷⁶:

И вот он, в последний путь идя,
Снова с неразлучною подругой,
Вытирает капельки дождя,
Бережно ведет по струнам,
Ласково и нежно теребя⁷⁷.

Еще один мотив из того же «мифологического» набора – исцеляющая сила музыки⁷⁸:

С неразлучною скрипкой он всюду шагал
И пел, чтоб уменьшились боли,
От раны смертельной боец умирал
Тихо под пение в школе! <...>
Слезы катились у Муси из глаз,
Сжималось дыхание спазмой,
Хирурга-отца умолял он не раз,
От смерти чтоб раненых спас бы!⁷⁹

И, прибегая весело из школы,
Свою подружку-скрипку захватив,
Бежал в больницу Муся. Пинкензоны
Лечили музыкой и скальпелем больных⁸⁰.

⁷⁵ Хентов И. Муся Пинкензон.

⁷⁶ Согласно представлениям народов Сибири, звук музыкального инструмента – это личный голос духа или божества. В фольклоре и мифологических рассказах музыкальные инструменты нередко персонифицируются, в том числе наделяются зооморфными признаками. Они даже могут зажить собственной жизнью после смерти хозяина [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010, с. 148–158].

⁷⁷ Бойко А. Муся Пинкензон.

⁷⁸ В архаических культурах музыканты могут выступать в качестве лекарей. Это представление стоит в одном ряду с использованием музыки для достижения различных целей магическими средствами, например успеха в охоте [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010, с. 152].

⁷⁹ Зайцев А.Р. Юному герою.

⁸⁰ Абесадзе Е. Муся.

Как мы помним, этот мотив впервые появляется в книге Ицковича. Что же касается мотивов «песня-птица» и «скрипка-подруга», то в прецедентных текстах об этом напрямую не говорит-ся. В них мелодия «Интернационала» продолжает звучать после гибели Муси: «Свободная, уверенная мелодия “Интернационала” подымалась над толпой. <...> ...она еще долго звучала в душе у каждого из тех, кто стоял в толпе»⁸¹, – и из этого наивные авторы развивают мифологический образ.

Элементы, специфичные для ранних и поздних стихов

Ранние стихи о Мусе Пинкензоне, как правило, оканчиваются призывом или декларацией готовности брать пример с юного героя и совершать коммеморативные действия в его честь:

Годы летят, никогда не прощаются,
Могилы покрылись осокой травой
Мы носим цветы к тем обелискам,
Охраняем их вечный мир и покой!⁸²

Пусть проходят годы,
День за днем идет,
Не забыт тот мальчик,
В сердце он живет.
Муся рядом с нами,
Как родной наш брат.
Быть таким, как Муся
Клятву дал отряд⁸³.

Источник такой концовки – советская литература о детях-героях⁸⁴ и пионерская коммеморативная обрядность. Похожие формулировки можно встретить в воспоминаниях жителей Усть-Лабинска, записанных в то же время, что и ранние стихи и песни о Мусе Пинкензоне. Эти мемуары предназначались для публич-

⁸¹ Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью.

⁸² Скороход Н. Хмурое утро.

⁸³ Отрядная песня о Мусе Пинкензон.

⁸⁴ Например: «Свято чтут в колхозе память о первом пионере-герое Жоре Сосновском, школьники берегут и продолжают пионерские традиции тех далеких, но незабываемых лет» (*Герус А.* Пионер Жора Сосновский // Дети-герои / [сост. И.К. Гончаренко, Н.Б. Махлин]. 3-е изд. Киев: Радянська школа, 1984. С. 103–106).

ногого чтения во время коммеморативных мероприятий, как, вероятно, и наивные поэтические произведения:

...хотя прошло уже много лет, у меня в памяти до сих пор свежо воспоминание о Мусе. Для меня его подвиг много значит, и я стараюсь сейчас всем ребятам донести до сердца подвиг героя, его бесстрашие, смелость⁸⁵.

Я часто выступаю перед пионерами школы, где я учился, где учился Муся, стараюсь донести смысл подвига до юных сердец. Помните о маленьком герое, читите память о нем!¹⁸⁶

Такая декларация вписывается в типичный для ранних стихов комплекс характеристик и функций Муси: он боец и патриот, чья роль состоит в том, чтобы мобилизовать других на борьбу, и поэтому в своих стихах и речах мы как бы отвечаем на его призыв, даем ему обещание.

Для поздних стихов специфичен мотив «отказ от шанса на спасение», который в ранних наивных текстах не встречается:

Фашист дозволил <сыграть на скрипке>, думая наивно, что
Мальчик этим жизнь, мол, продлевал⁸⁷.

Мальчик, не медли, сыграй что-нибудь! Поступи!
Ну же, сыграй для сентиментальной души –
Что-нибудь нежное для немецкой души...
Он же сказал:
Понравится – будешь жить⁸⁸.

Этот мотив впервые появляется в повести Ицковича. Первым шанс на спасение получает отец Муси, но он четырежды отказывается от предложения лечить раненых немцев, что и становится, согласно версии Ицковича, причиной казни его семьи. Перед расстрелом немецкий офицер обещает Мусе: «Играй!.. Играй! Понравится – будешь жить!» В заметках 1940-х гг. этой подробности не было, и семья в любом случае была обречена. Кроме того, мотив «отказ от шанса на спасение» часто

⁸⁵ Бакиева А.И. Воспоминания: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е гг.

⁸⁶ Забашта В.Ф. Воспоминания: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е гг.

⁸⁷ Абесадзе Е. Муся.

⁸⁸ Полянская Е. Скрипач.

встречается фольклорных рассказах о Холокосте⁸⁹. В том числе он встречается в воспоминаниях жителей Усть-Лабинска о гибели Муси:

Всякий раз я предлагал Мусе уйти из станицы на хутор к знакомым. Но он отклонял мои просьбы и говорил: «Погибать так всем, всей семьей!»⁹⁰

<Отец рассказчицы> Уговаривал Пинкензонов эвакуироваться, но они отказались уйти, так как думали, что не все немцы фашисты. Привели в пример немецких поэтов и композиторов. Они хорошо устроились врачами, думали что немцев тоже будут лечить⁹¹.

В устных нарративах о Холокосте и в литературе мотив «отказ от шанса на спасение» выполняет разные функции. В фольклорных рассказах это компенсаторная функция – с помощью этого мотива ответственность за гибель евреев частично возлагается на них самих. В литературе же «отказ от шанса на спасение» сообщает нам о гордости героя и высшей степени его солидарности со своей группой – семьей, товарищами и т. п.⁹² В стихах кубанских авторов этот мотив не встречается, в отличие от их воспоминаний. В последние произведения, начиная с повести Ицковича, он, скорее всего, проник из литературных источников, что и определило функцию этого мотива.

Заключение

Как мы видим, авторы стихов о Мусе Пинкензоне советского периода непосредственно связаны с местом его гибели, в то время

⁸⁹ Мы часто записывали подобные сюжеты на бывших оккупированных территориях во время экспедиций, проходивших в 2020–2024 гг. в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» при поддержке Еврейского музея и Центра толерантности.

⁹⁰ Забашта В.Ф. Воспоминания.

⁹¹ Г.М.С., ж. 1933 г.р. (интервью). Зап. С. Белянин, Е. Закревская. Краснодар, 25.04.2022.

⁹² Этот мотив мы встречаем, например, в балладе «Вересковый мед» Р.Л. Стивенсона (Heather Ale, 1880), стихотворении «Кровавая неделя (Бот и я!)» В. Гюго (La Semaine sanglante, 1871), многочисленных рассказах о том, как пленные отказываются выдавать своих товарищей под пытками, и т. д.

как те, кто создавал стихи в постсоветское время, – нет⁹³. Сходство между ранними и поздними произведениями не так уж много. И те, и другие представляют собой пересказы прецедентных текстов в стихах и в разных пропорциях сочетают в себе героику и скорбь. В них также прослеживаются общие мотивы «песня-птица» и «скрипка-подруга», которые не встречаются в прецедентных текстах и имеют мифологическое происхождение.

Различий между этими двумя группами текстов намного больше.

Ранние авторы ориентируются на газетные заметки 1940-х гг. – в первую очередь, на публикацию в «Советской Кубани», которая для поздних авторов была недоступна. На создателей ранних стихотворений также могли повлиять воспоминания современников событий, содержание которых, впрочем, также во многом было сформировано заметкой Кононенко⁹⁴. В ранних произведениях Муся предстает образцовым маленьким солдатом, одним из многих. Его врагом оказывается безличный звероподобный «конвой», который ребенку не под силу одолеть в бою. В раннем варианте сюжета функция героя состоит в том, чтобы вдохновить других на борьбу и своей смертью подать им пример. Стихотворения заканчиваются «ответом» аудитории на «призыв» Муси Пинкензона – обещанием не забывать его подвиг и продолжать его дело. С точки зрения поэтики и pragmatики эти тексты можно разделить два типа. Первые, предназначенные для печати в прессе или пения на коммеморативных мероприятиях, созданы под влиянием официального советского дискурса и его речевых жанров (публистика, пропагандистская «агиография», официальные траурные речи и т. п.). Вторые существуют лишь в виде рукописей и используют в качестве модели жанр жестокого романса.

Авторы стихов постсоветского времени строго придерживаются той версии истории, которая бы изложена в повести Ицковича. Стилистически они ориентируются на произведения «высокой» литературы. В их случае не прослеживается корреляция между способом бытования, жанровой моделью и содержанием, хотя по крайней мере одно из этих стихотворений исполняется на коммеморативных мероприятиях. Главная особенность поздних стихов в том, что Муся в них изображен уникальным ребенком, наделенным отчасти сверхъестественным музыкальным даром. Его врагом оказывается не «орда», «рой стервятников», а конкретный немецкий офицер. Утонченный и беззащитный маленький герой вступает в поединок с противником и силой своего искусства одерживает над ним символическую победу.

⁹³ Шуламита Чепела переехала в Краснодар уже будучи взрослой.

⁹⁴ Подробнее об этом см.: [Гаврилова 2024].

Муся Пинкензон является одновременно и пионером-героем, и жертвой геноцида. Создатели произведений о нем имеют возможность выбрать, о чем будет их рассказ – о вооруженной борьбе или о Холокосте – и какие эмоции будет транслировать их стихотворение. На первый взгляд, тот или иной выбор должен быть обусловлен типом мемориальной культуры, доминирующим в момент написания стихотворения.

В исследованиях исторической памяти описаны два типа мемориальной культуры. Первый из них сформировался во второй половине XIX в., и он продвигает политические интересы национального государства, предполагая героизацию (и отчасти милитаризацию) прошлого [Ферро 2010; Махотина 2018]. Второй тип – мемориальная культура, которая сложилась в Европе в 1970–1980-е гг. в связи с мемориализацией жертв Холокоста. В центре внимания этого типа мемориальной культуры находятся не победы и гордость, а травма и скорбь [Хлевнюк 2019, с. 55–57].

На самом деле ситуация с наивными стихами о Мусе Пинкензоне более нюансированная. Советская политика памяти относится к первому типу мемориальной культуры. В СССР память о жертвах вообще и о погибших в Холокосте в частности целенаправленно вытеснялась из официального дискурса. Публичная коммеморация Муси Пинкензона – довольно необычный для советского времени случай, возможность для нее появилась благодаря тому, что жертва оказалась превращена в пионера-героя. «Публичные» стихи и песни раннего времени, написанные по правилам «классической» мемориальной культуры, действительно рассказывают о «военном» подвиге Муси. Однако в рукописных стихотворениях, которые можно рассматривать как «приватные», доминирует жалость, а не гордость. Мы видим, что на локальном и частном уровне в советское время могла бытовать память «трагического», а не «героического» типа. Поскольку для выражения жалости к невинной жертве наивным авторам не хватало средств публичного выражения, они ориентировались на фольклорную модель – жестокий романс.

Ближе к концу существования Советского Союза, по мере роста влияния новой мемориальной культуры, стало возможным обратное превращение Муси из героя войны в жертву Холокоста. Стихотворение Ицковича, предположительно созданное в этот период, наряду с подвигом Муси рассказывает об остальных жертвах расстрела, и они оказываются вовсе не «партизанами», как в повести, а невинными беззащитными людьми, чья гибель вовсе не героична (хотя слова «евреи» автор все-таки избегает):

Их убивали над оврагом.
Нагих. Беспомощно нагих.
Отняв с одеждой отвагу
у старииков и молодых⁹⁵.

В то же время содержание стихов поздних авторов тоже нельзя однозначно связать с новой мемориальной культурой, в рамках которой гибель жертв трагична потому, что она бессмысленна. В постсоветских произведениях Муся Пинкензон оказывается более активным и субъектным героем, чем он изображался в советское время. Муся отвергает шанс на спасение, которого в ранних произведениях у него не было, и добровольно отдает жизнь за Родину – таким образом степень его героизации, по сравнению с ранними стихами, возрастает.

Литература

- Гаврилова 2024 – Гаврилова М.В. Память о Мусе Пинкензоне: между наивной литературой, фольклором и ложными воспоминаниями // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 58–84.
- Козлова 2024 – Козлова И.В. Современные еврейские коммеморативные практики в контексте памяти о Великой Отечественной войне и Холокосте // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 11–12. С. 51–93.
- Козлова 2009 – Козлова Н.Н. «Наивное письмо» и власть // До и после литературы: тексты наивной словесности / сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ. 2009. С. 20–40.
- Лурье 2001 – Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
- Махотина 2018 – Махотина Е.И. Нarrативы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 75–92.
- Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010 – Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010. 288 с.
- Минаева 2009 – Минаева А.П. До и после литературы // До и после литературы: тексты наивной словесности / сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ. 2009. С. 7–19.

⁹⁵ Ицкович С.Н. Расстрелянная скрипка.

- Неклюдов 2001 – Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–14.
- Ферро 2010 – Ferro M. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб 36,6, 2010. 461 с.
- Хлевнюк 2019 – Хлевнюк Д. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 55–63.
- Югай 2016 – Югай Е.Ф. Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 39–51.

References

- Gavrilova, M.V. (2024), “Remembering Musya Pinkenzon. Between naïve literature, folklore and false memories”, *Shagi/Steps*, vol. 10, no. 3, pp. 58–84.
- Ferro, M. (2010), *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How history is told to children around the world], Knizhnyi klub 36,6, Moscow, Russia.
- Khlevnyuk, D. (2019), “Feeling human rights. Affect in memory museums”, in Zavadskii, A., Sklez, V. and Suverina, K., eds., *Politika affekta: Muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [Politics of affect. Museum as a space of public history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 55–63.
- Kozlova, I.V. (2024), “Contemporary Jewish commemorative practices in the context of the memory of the Great Patriotic War and the Holocaust”, *Judaic-Slavic Journal*, no. 11–12, pp. 51–93.
- Kozlova, N.N. (2009), “‘Naive letter’ and power”, in Minaeva A.P., comp., *Do i posle literatury: teksty naivnoi slovesnosti* [Before and after literature. Naive texts], RGGU, Moscow, Russia, pp. 20–40.
- Lurie, M.L. (2001), “On the phenomenon of naive writing”, in Neklyudov, S.Yu., comp., *Naivnaya literatura: issledovaniya i teksty* [“Naive literature”. Research and texts], Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Moscow, Russia, pp. 15–28.
- Makhotina, E.I. (2018), “Narratives of musealization, politics of remembrance, memory as show. New directions of memory studies in Germany”, in Miller, A.I. and Efremenko, D.V., eds., *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: sbornik nauchnykh trudov* [Methodological issues in studying the politics of memory. Collected works], Nestor-Istoriya, Moscow; Saint Petersburg, Russia, pp. 75–92.
- Meletinskii, E.M., Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (2010), *Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaiki k klassike* [Historical poetics of folklore. From archaic to classic], RGGU, Moscow, Russia.

- Minaeva, A.P. (2009), “Before and after literature”, in Minaeva A.P., comp., *Do i posle literatury: teksty naivnoi slovesnosti* [Before and after literature. Naive texts], RGGU, Moscow, Russia, pp. 7–19.
- Neklyudov, S.Yu. (2001), “From the compiler”, in Neklyudov, S.Yu., comp., *«Naivnaya literature»: issledovaniya i teksty* [“Naive literature”. Research and texts], Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Moscow, Russia, pp. 4–14.
- Yugai, E.F. (2016), “Commemorate in verse. Commemorative naive poetry”, *Arkhеologiya russkoi smerti*, no. 3, pp. 39–51.

Информация об авторе

Мария В. Гаврилова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; *mariavlgavrilova@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0003-0846-3408

Information about the author

Maria V. Gavrilova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Presidential Academy, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; *mariavlgavrilova@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0003-0846-3408

Питомцы и практики досуга: *сторге*

Светлана Б. Адоньева

АНО «Пропповский центр:
гуманитарные исследования в области традиционной культуры»,
Санкт-Петербург, Россия, spbfolk@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена поиску теоретических контекстов для рассмотрения содержания домашних питомцев как одной из практик досуга. Основным является вопрос о том, какие ценности скрыты за этой практикой и какие человеческие потребности она восполняет. Рассмотрение статистических данных позволяет обнаружить ее в характеристиках разных социальных страт, а также констатировать рост этой практики, что позволяет сделать вывод о том, что она, являясь досуговой практикой, связана со становлением новой нормы отношений. Она основана на признании, во-первых, уязвимости, во-вторых, потребности в любви-заботе и, в-третьих, взаимозависимости живых существ. На основе привлечения экзистенциальных и феноменологических контекстов предлагается гипотеза о схождении в этой практике трех миров – мира окружающей среды, жизненного мира, разделяемого с Другими, и внутреннего мира (Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt): питомец дан своему владельцу и как часть природы, и как «ты», и как Другой, задающий границы субъективности своего человеческого альтер эго. Все это делает жизнь с питомцами площадкой для производства и подтверждения новой ценности. Содержание домашних питомцев открывает отношения живых (людей и не-людей) как взаимозависимые и создает возможность договора, основанного на любви-сторге.

Ключевые слова: вернакулярные практики, домашние питомцы, досуг, социология досуга, свободное время, гетеротопии, искренность, уязвимость, любовь, привязанность, сторге, Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt, новые ценности

Дата поступления статьи: 3 июня 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 июля 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Адоньева С.Б. Питомцы и практики досуга: *сторге* // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 130–144. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-130-144

Pets and leisure practices: *storge*

Svetlana B. Adonyeva

*The Propp Centre for Humanities-based research
in the Sphere of Traditional Culture,
Saint Petersburg, Russia, spbfolk@mail.ru*

Abstract. The paper is about the search for theoretical contexts to examine the practice of keeping pets as a leisure activity. The main question is what values form the core of this practice and what human needs it is deemed to satisfy. The review of statistics allows us to identify it in the features of various social profiles, as well as to highlight the growth of this practice, which allows us to conclude that, as a leisure practice, it is associated with the formation of a new norm of relations based on the recognition of vulnerability, the need for love and care and the interdependence of living beings. Based on the involvement of existential and phenomenological contexts, a hypothesis is proposed about the convergence of three worlds in this practice – the world of the environment, the life world shared with Others, and the inner world (Umwelt, Mitwelt, and Eigenwelt): a pet is given to its owner both as a part of nature, and as “you”, and as the Other, setting the boundaries of subjectivity of its human alter ego, which makes it a platform for the production and confirmation of the new value. The modern practice of keeping pets opens up the relationship of living (people and non-people) as interdependent, and creates the possibility of a contract based on love-storge.

Keywords: vernacular practices, domestic pets, pet ownership, leisure, sociology of leisure, free time, heterotopias, sincerity, vulnerability, love, affection, *storge*, Umwelt, Mitwelt and Eigenwelt, new values

Received: June 3, 2025

Approved after reviewing: July 17, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Adonyeva, S.B. (2025), “Pets and leisure practices: *storge*”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 130–144, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-130-144

Антрополог Алан Дандес [Дандес 2003, с. 78], рассматривая примеры фольклорных и символических форм современного общества, обращал внимание ученых на практики, которые не имеют очевидной прикладной цели, но в которые вовлечено большое количество людей. Он предлагал смотреть на них как на «симптом», проявление чего-то, что не может быть названо культурой явно, и далее подбирать антропологические инструменты для того, чтобы обнаружить значение этих практик.

Объект моего анализа – практика содержания горожанами домашних животных – питомцев. (Нас будут интересовать именно держатели питомцев, а не сельские жители, для которых содержание животных – условие жизнеобеспечения, и не заводчики и держатели приютов для животных.) Как я полагаю, охватывающая все большее количество горожан практика содержания домашних животных заслуживает того, чтобы попытаться понять скрывающееся в ней содержание, она симптом какого-то нарастающего в обществе процесса. Сразу же оговорюсь: в фокусе моего внимания не психология поведения и не исследование социальных профилей индивидов, проявляющихся в отношении животных [Никольская 2012]¹.

Основным для моей статьи является вопрос о том, какие ценности скрыты за практикой содержания питомцев и какие человеческие потребности она восполняет. А также вопрос о том, какую следует подобрать аналитическую оптику для рассмотрения этой проблемы. Аналитический фокус в этом случае – не готовая методологическая рамка, которую можно приложить к теме, но то, что нужно добыть в ходе поисков ответа на ее вызов, ибо к названной теме могут быть приложены и иные повестки. Так, например, М. Козырева, исследуя динамику представлений о соотношении животного и человеческого в рамках философской антропологии, предлагает в качестве повестки увидеть в *animal turn* не столько движение за права животных, сколько проект по овеществлению человека [Козырева 2021, с. 77]. Замечу, что выбранные автором контексты, среди которых названы работы Э. Вивейруша де Кастро, Эдуардо Конса, Дж. Агамбена и др.², могут подвигать и к иным повесткам. Например, Вивейруш де Кастро ставит вопрос об узурпации субъектности в антропологии, но не о границах «человеческого» [Кастро 2017], а Э. Кон рассматривает проблему невербальной семиотики в поле взаимодействия человеческих и не-человеческих акторов [Кон 2018]. Ф. Дескола, рассматривая соприсутствие в мире разных онтологий, поставил под вопрос деление на человеческое и не-человеческое как универсальную дихотомию [Дескола 2012]. Обсуждение возможностей и границ межвидовой этнографии, развернутое на страницах журнала

¹ Обзор литературы по психологии межвидового общения см.: [Шукова 2013а; Шукова 2013б; Шукова 2015; Шукова, Григорьева 2014].

² См. философско-теоретический журнал «Синий диван» № 10–11 за 2007 г. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniiy_divan/sinij-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025), в частности статьи, составившие первый, философско-антропологический, раздел номера: [Делёз, Гваттари 2007; Тищенко 2007; Агамбен 2007].

«Антропологический форум»³, достаточно убедительно показывает, что наряду с явно выделяющейся тематической областью антропологических исследований, посвященных отношениям людей и животных, методологические подходы к исследованию подобных тем значительно разнятся.

В центре моего внимания тема людей и их питомцев оказалась тогда, когда после длительного перерыва я вновь завела собаку: мне открылся новый для меня мир отношений и смыслов, связывающих людей и не-людей (ср.: [Haraway 2008]). С моей собакой (пти-брабансон, сука) у нас бывали взаимные обиды и недовольство, но и взаимная радость от встречи и игры, с возрастом ее характер менялся, мы научились понимать друг друга и искать компромиссы, у нас есть свой язык и т. д. Я заметила и то, что выбор породы собаки зачастую связан с презентационными ожиданиями людей (кто-то оценивает породы как престижные и непрестижные), с их вкусовыми суждениями. Иными словами, питомцы вовлечены в формирование символического капитала владельцев, и рейтинг этого социального поля подвижен. И, наконец, я оказалась включенной в новую для меня группу: стала частью одного из неформальных, но приятно скооперированных общими правилами сообществ – «собачников». Прогулки с собаками предполагают определенный протокол общения владельцев – короткий разговор только по поводу собак и погоды, не предполагающий дальнейшего знакомства, или просто молчаливое предоставление возможности собакам «поздороваться». При этом владельцы собак проявляют очень высокую степень солидарности и кооперации, т. е. проявляют себя как стихийное сообщество, в случае экстраординарных событий: когда собака потерялась или когда местная администрация меняет что-то в правилах выгула.

Теперь обратимся к фактам и статистике, связанным с содержанием домашних животных и попробуем на основе этих данных приблизиться к ответу на поставленный выше вопрос о ценностях и потребностях. Компания Mars Petcare в 2021 г. опубликовала результаты исследования популяции домашних питомцев. Проект осуществлялся совместно с агентством Ipsos и охватил более 50 стран, в том числе Россию (в 2014, 2017 и 2020 гг.). Исследование проводилось путем телефонных опросов и затронуло более 7 тысяч граждан старше 16 лет. Была получена репрезентативная выборка по городской и сельской России. Приведу кратко выводы, которые были получены в результате этого исследования,

³ Форум: люди и другие живые существа // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 11–224. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2024_62 (дата обращения: 15.06.2025).

и постараюсь их оценить с точки зрения интересующего меня вопроса.

На сегодняшний день более половины россиян – 70 млн человек – являются владельцами домашних питомцев. Согласно данному исследования, в 59% российских семей есть кошка или собака (а в 20% – и кошка, и собака). Преобладают семьи с кошками – 48%, собак содержит 31% домохозяйств. Наибольший рост популяции домашних животных отмечен в городах с числом жителей от 500 тысяч до 1 млн – 42%. В городах с населением менее 500 тысяч человек прирост составил 24%.

О чём нам говорят эти цифры? Во-первых, о том, что в эту практику вовлечены более половины граждан страны, то есть, следуя логике Алана Дандеса, это усиливающийся симптом, за которым стоит определенное коллективное содержание. Во-вторых, она значительно быстрее охватывает жителей крупных городов, чем жителей сельской местности, и этот факт позволяет предположить, что эта практика отвечает потребности горожанина в большей степени, чем сельского жителя [Трубицына 2014]. Из опыта полевых исследований я знаю, что жители деревень обычно держат собак и кошек для хозяйственной надобности: кошки избавляют от мышей и крыс, собаки сторожат, а также служат помощниками на охоте и при выпасе скота. При этом кошкам доступ в жилую часть дома разрешен, собаки же живут на дворе. Как домашних питомцев, т. е. в жилых помещениях, собак обычно содержат люди, живущие в деревне, но не занимающиеся крестьянским трудом – учителя, врачи, работники клуба или библиотеки. Или же «дачники» – сельские жители так называют тех, кто приезжает в свои деревенские дома на летний сезон. Но это тенденция последних десятилетий, в 1980–1990-е гг. мы «домашних» собак в вологодских и архангельских деревнях не видели.

Как показала статистика, с 2017 до 2020 г. численность домашних кошек и собак выросла на 23% и достигла почти 64 млн особей. В городах популяция кошек увеличилась на 23%, число собак возросло на 29%. В сельской местности рост популяции кошек – 28%, численность собак увеличилась на 13%.

Теперь обратимся к данным, полученным в столице России. В Москве 2 миллиона кошек и миллион собак. 41% московских семей имеют кошку и /или собаку. А это значит, более трети московских семей живет с питомцами. Гендерный профиль держателей кошек в Москве: 63% – женщины, 37% – мужчины, держателей собак почти такой же: 64% – женщины, 36% – мужчины. Надо заметить, что это отношение близко пропорции гендерных показателей московского населения: на начало 2024 г. мужчины составляли почти 45%, женщины чуть более 55%.

Приведу показатели по размерам и составу семей, в которых держат питомцев. Один человек и супруги с одним ребенком – 21%. Бездетная пара – 38%, семьи и с двумя и более детьми – 18%. Статистика по возрастам такова: 16–24 г. – 11%, 24–34 – 18%, 35–44 – 14%, 45–54 – 18%, 55–64 – 21%, старше 65 лет – 18%.

Людей, которые живут с животным и без иных домочадцев столько же, сколько семей с одним ребенком. Чуть менее трети семей с питомцами – бездетные супружеские пары. А значит, распространенное убеждение в том, что животных заводят «одиночки» и бездетные пары, не имеет под собой оснований [Никольская 2015]. Отметим один очень важный для понимания потребностей в этой практике показатель: как говорят владельцы о том, кем для них являются их питомцы. 92% владельцев кошек и 97% владельцев собак считают питомца членом семьи, другом или ребенком.

Добавим к этому и еще один факт, не учтенный в исследовании, на которое я ссылаюсь, но прямо связанный с отношением к питомцам как к членам семьи: создание и распространение городских кладбищ для животных⁴. Ниже мы к нему еще вернемся.

Итак, мы видим практику, в которую вовлечена огромная масса живых существ (людей и животных), утилитарная значимость которой не очевидна. Выбор в пользу заведения щенка или котенка, несомненно, затратный: он связан с разнообразными ограничениями, расходами, неудобствами, сложностями передвижения и так далее. Этот выбор предполагает реорганизацию жизненного уклада: регулярные прогулки с собаками определяют расписание их владельцев, в то время как кормление и уборка туалета определяет расписание держателей котов. Содержание питомца не имеет отношения к личной выгоде, и, очевидным образом, за ним стоит определенная потребность.

Как я полагаю, эта потребность относится к тому ряду, который по «пирамиде» Абрахама Маслоу располагается над первичными потребностями (в безопасности, пище, продолжении рода), – это потребность в принятии и любви. С ней связана и определенная ценность – искренность в признании собственной уязвимости. Джудит Батлер предлагает «оплакиваемость» как особый маркер, обнаруживающий взаимозависимость людей и их уязвимость: «...Оплакиваемость... характеристика, присущая всем живым существам, маркирующая их ценность внутри различительной схемы ценностей и подводящая напрямую к вопросу о том, обращаются ли с ними как с равными и по справедливости» [Батлер 2022, с. 115]. Оплакиваемость питомцев, о чем свидетельствуют

⁴ В России есть три официально зарегистрированных кладбища для домашних животных: в Москве, Екатеринбурге и Санкт-Петербурге.

кладбища для животных, перемещает границы человеческой взаимозависимости, включая в этот мир и не-людей. А также «оплакиваемость» есть проявление признания плачущими непреложной и абсолютной ценности жизни оплакиваемых. Жизнь питомца (т. е. жизнь живого существа) ценна так же, как и жизнь человека. Думаю, именно так можно определить ценность, на которой основана практика содержания питомцев. Я постараюсь обосновать свою гипотезу, используя социологические и феноменологические контексты.

На первый взгляд, содержание питомцев в городе представляют собой одну из практик досуга: питомцев заводят для удовольствия. Практики досуга (или вернакулярные практики) составляют значительную область повседневной жизни людей: к ним относят любые виды художественной деятельности, не предполагающие продажу создаваемого продукта, а также занятия спортом, рукодельем, коллекционирование, игры, прогулки, туризм и т. д.⁵

Досуг, по определению Жиля Проново, представляет собой самостоятельную сферу производства новых социальных ценностей, обусловленных свободной, бескорыстной и личностной природой досуга [Pronovost, D'amours 1990].

Позволю себе сделать одно отступление, чтобы подчеркнуть убедительность предложенного Проново определения досуговых практик. Анна Эпплбаум, описывая становление советских режимов в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, обратила внимание на то обстоятельство, что одними из первых в зону государственного контроля попали сообщества досуга – филателисты, шахматные клубы и т. п. [Applebaum 2012]. Тот же процесс происходил и в СССР в 1930-е гг.: посредством всеобщего распространения государственных досуговых учреждений – дворцов и домов культуры, дворцов пионеров и школьников, сельских клубов и библиотек – все досуговые инициативы граждан были взяты под государственный контроль, неподконтрольные оценивались как «теневые» или же объявлялись враждебными строю. Свободный выбор занятий для досуга – проявление личного свободного выбора, создание сообществ «по интересам» – одна из горизонтальных форм сплоченности. Интересующая нас практика именно такая: она относится к сфере личной свободы и индиви-

⁵ Изучение практик досуга имеет свою длительную историю. С 1977 г. и по сегодняшнее время в США выходит научный журнал “Leisure Sciences”. В фокусе его внимания концепция досуга в обществе и поведении: теория досуга, философия досуга, социальная психология и социология досуга и пр.

дуального выбора, но также объединяет людей в неформальные сообщества на основании разделяемых ими ценностей.

Вместе с тем, если следовать принципам описания общества, предложенным Пьером Бурдье, практики определяют стили жизни и тем самым жестко вписывают индивида в его социальный профиль [Bourdieu 1984; Korsunova 2017; Роцина 2007]. Выделить или обнаружить определенный стиль жизни – значит дифференцировать людей на группы, которые различаются набором свойственных им практик в каждом социальном поле. Наряду с потреблением, участием в политике и религии, досуг – одно из социальных полей.

В современную практику содержания домашних питомцев вовлечены горожане разного пола, возраста, обладающие разными культурными и экономическими капиталами и пр.⁶ Содержание питомцев обслуживает некую общую потребность современных людей, следящих разным стилям жизни. Следовательно, вполне в русле приведенного мною выше определения досуга, здесь на повестке именно новая ценность, проект будущего, но не устоявшийся дифференциальный признак социального профиля.

Мишель Фуко предложил понятие *hétérotopie* (гетеротопии) для того, чтобы описать места взаимодействия, которые существуют за рамками обычных социальных и культурных норм. Гетеротопии – это не места, где нормы нарушаются, скорее – социальные острова, где действуют другие нормы отношений, «оспаривающие», «отзеркаливающие» нормы и отношения, которым мы следуем и в которых мы находимся обычно [Foucault 1986].

Как мне представляется, практика содержания домашних питомцев является собой одну из форм гетеротопии. Тогда какая отличная от обычной норма отношений имеет место в этой гетеротопии? Выше я высказала предположение о том, что это искренность, уязвимость и любовь.

В древнегреческом языке было несколько слов для определения любви. Эрос – стихийная восторженная влюбленность, проявляющаяся в виде почитания, направленного на объект любви, предполагающая взгляд на него снизу вверх, не оставляющий места для жалости или снисхождения. Филия – любовь-дружба или любовь-приязнь, обусловленная социальными связями

⁶ Если обратиться к российской истории, мы увидим, что содержание, например, комнатных собак, так же как и содержание собак для своей охоты, было свойственно исключительно привилегированным сословиям. Но в современном российском городе имущественные различия никак не сказываются на решении завести домашнее животное: собаки и кошки живут и в коммунальных квартирах, и в загородных особняках.

и личным выбором. Сторге – любовь-нежность, особенно семейная. И четвертый тип любви – агапэ, жертвенная безусловная любовь, в христианстве такова любовь Бога к человеку.

То, с чем мы имеем дело в ситуации с питомцами, – любовь-сторге, любовь-привязанность. По определению К.С. Льюиса, любовь-привязанность, будучи самой скромной из возможных форм любви, являет свое величие в том, что раскрывает горизонт людской приемлемости: «Мы гордимся влюбленностью или дружбой... У привязанности – простое, неприметное лицо; и те, кто ее вызывает, часто просты и неприметны. Наша любовь к ним не свидетельствует о нашем вкусе или уме, <...> привязанность соединяет не созданных друг для друга, до умиления, до смеха непохожих... Привязанность учит нас сначала замечать, потом терпеть, потом – привечать и, наконец, ценить тех, кто оказался рядом. Созданы они для нас? Слава Богу, нет! Но это они и есть, чудовищные, нелепые, куда более ценные, чем казались нам поначалу. <...> Для сторге нет необходимости нравиться или заслуживать любовь, ибо ты принят изначально и навсегда, именно такой, каков ты есть, со всеми своими недостатками, которые давно известны и прощены»⁷.

Кажется, именно это и случается в отношениях собак, кошек, черепах и иных существ с их владельцами: в любви-привязанности мы открыты и уязвимы.

Впервые городские дети начинают говорить о том, что им очень нужно завести щенка или хомяка еще лет в шесть-семь. Это я знаю и по собственному опыту, и по опыту моих детей и друзей, об этом пишут психологи в популярных изданиях для родителей. Высказывание Малыша из книги Астрид Линдгрен о Малыше и Карлсоне отрывалось в душе многих:

– Похоже, что так всю жизнь и проживешь без собаки, – с горечью сказал Малыш, когда все обернулось против него. – Вот у тебя, мама, есть папа, и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня – у меня никого нет!..

– Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! – сказала мама.

– Не знаю... – с еще большей горечью произнес Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете⁸.

Потребность в щенке, которая возникает у маленького человека, приходит вслед за первым экзистенциальным кризисом, когда

⁷ Lewis C.S. The four Lloves. L.: Geoffrey Bles, 1960. P. 34–35.

⁸ Линдгрен А. Малыш и Карлсон, который живет на крыше / пер. Л.З. Лунгиной. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 5–6.

у ребенка лет в пять-шесть возникают первые смертные вопросы. Это вопросы о том, куда уходят те, кто умирает, что будет с мамой и папой, когда это с ними произойдет, и так далее. С этими вопросами ребенка сталкивается каждый родитель и, если припомнить себя в детстве, ими задается каждый. Вслед за этим появляется потребность в питомце. Что касается внутреннего состояния, это происходит тогда, когда впервые человек переживает собственную отдельность и одиночество. В этой отдельности возникает потребность в некоем «ты». «Ты» – место взаимовлияния, открывшаяся тебе впервые полость в тебе самом, которая должна быть заполнена чьим-то живым присутствием.

С другой стороны, т. е. со стороны родителей или старших, происходит совершенно другая игра: «Хорошо, сынок или дочечка, – соглашается родитель, – мы заведем тебе собаку, но тогда ты будешь о ней заботиться». Происходит встраивание ребенка в новый для него тип иерархических отношений. До этого времени у него были лишь те, кто «над ним» – родители, старшие, в отношении которых возможна лишь любовь «снизу-вверх», эрос, и, возможно, те кто был рядом с ним – другие дети, в отношении которых возможна любовь-филия. Итак, был опыт подчинения и, возможно, опыт паритета. Теперь появляется кто-то любимый, но кто ниже его в иерархии. Этот «кто-то» существует в пространстве любви-заботы.

Согласно экзистенциальному подходу Медарда Босса, предназначение человека есть забота о вещах, растениях, животных и людях таким образом, чтобы они могли наилучшим путем развертываться и развиваться. Существовать в такой заботе есть основная задача человеческой жизни [Boss 1979, pp. 85–86]. Детская потребность в питомце – первый призыв к этой задаче.

Итак, питомца ребенок хочет тогда, когда случается первый экзистенциальный кризис. Субъектность – главная тема этого кризиса. Собаку покупают детям, призывая их к ответственности, то есть предоставляя им новое место в социальной вертикали подчинения и патронажа. Здесь сходятся разные миры: внутренний мир человека, его жизненный мир и мир окружающей его среды. Ученые, использовавшие экзистенциальный анализ, – Медард Босс, Людвиг Бинсвангер, Ролло Мей – опирались на разделение, которое в свое время было предложено Якобом Икскюлем [Uexküll 1957]⁹. Он считал, что существует три разных мира, не сводимых друг другу. Мир, который был им назван *Umwelt*, – «мир вокруг» или окружающая среда, мир восприятия и действия,

⁹ См. также: *Uexküll J., von. Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909. 259 S.

который строит себе всякий биологический вид и отдельная особь в нем. Umwelt – это определенный срез мира, поскольку каждое живое существо выбирает из всего многообразия ощущений, связанных с возможными контактами с внешними предметами в мире, только те сигналы, которые соответствуют возможностям органов чувств этого живого существа и служат его нуждам выживания и успешной деятельности. Mitwelt буквально – «с миром», в феноменологической традиции мир, разделяемый мною с Другими, жизненный мир, или мир «лицом к лицу». И, наконец, Eigenwelt – собственный мир, форма отношений с собственным «я».

Питомцы размещены их владельцами не только в Umwelt: в отношениях с питомцами мы проживаем в жизненном мире, в Mitwelt. В нем каждый может быть дан другому как «ты», определяющее мое «я» (мой собственный мир, Eigenwelt). И в этом согласовываемом посредством в том числе и «межвидовых» коммуникаций мире разворачивается существование современного человека как миропроект будущего. Я полагаю, что современная практика содержания домашних питомцев открывает отношения живых людей и не-людей как взаимозависимые и, как мне кажется, открывает возможность нового договора, основанного на заботе и признании того, что взаимозависимость живых существ является всеобщей.

Это так в том числе и потому, что содержание питомцев – практика агрегации опыта, связанного с обретением экзистенциальной восполненности Другим. Возможность проявлять любовь такого рода, любовь-сторге, составляет ту самую новую ценность, которая является себя в стихийных сообществах любителей кошек, собак и иных питомцев.

Литература

- Агамбен 2007 – Агамбен Д. Открытость: Человек и животное // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 29–46. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/siniy-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025).
- Батлер 2022 – Батлер Д. Сила ненасилия: сцепка этики и политики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 220 с.
- Дандес 2003 – Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики // Дандес А. Фольклор: Семиотика и /или психоанализ: Сб. статей / пер. с англ. А.С. Архиповой и др. М.: Восточная литература, 2003. С. 72–107.
- Делёз, Гваттари 2007 – Делёз Ж., Гваттари Ф. Становление-интенсивностью, Становление-животным, Становление-невоспринимаемым... //

- Синий диван. 2007. № 10–11. С. 7–14. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025).
- Дескола 2012 – Дескола Ф. По ту стороне природы и культуры. М.: НЛО, 2012. 580 с.
- Кастру 2017 – Кастру Э.В., др. Каннибалльские метафизики: Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ad Marginem, 2017. 199 с.
- Козырева 2021 – Козырева М. Смена философских перспектив: поворот к животным в новой антропологии // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 1. С. 64–79.
- Кон 2018 – Кон Э. Как мыслят леса: К антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2018. 344 с.
- Никольская 2012 – Никольская А.В. Экopsихологическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними животными: Авто-реф. дис. ... д-ра психол. наук / Психологический ин-т РАО. М., 2012. 63 с.
- Никольская 2015 – Никольская А.В. Социальные аспекты взаимодействия человека с домашними питомцами как копинг-стратегии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 1 (13). С. 79–83.
- Рошина 2007 – Рошина Я.М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4. С. 23–41.
- Тищенко 2007 – Тищенко П. Собака, лежащая справа... // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 15–28. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (дата обращения: 15.06.2025).
- Трубицына 2014 – Трубицына Л.В. Культурно-исторический аспект взаимоотношений человека и собаки // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. С. 21–27.
- Шукова 2013а – Шукова Г.В. Межвидовое взаимодействие человека: итоги и перспективы исследования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Психология». 2013. № 5 (52). С. 103–110.
- Шукова 2013б – Шукова Г.В. Межвидовое взаимодействие человека и домашних животных как предмет экопсихологического исследования // Экopsихологические исследования – 3: Сб. научных статей / под ред. В.И. Панова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 76–109.
- Шукова 2015 – Шукова Г.В. Социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия человека и домашних животных // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 1 (13). С. 83–86.
- Шукова, Григорьева 2014 – Шукова Г.В., Григорьева М.И. Некоторые психологические особенности человека как субъекта межвидового взаимодействия в диаде «человек – домашнее животное» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Психология». 2014. № 5. С. 99–109.

- Applebaum 2012 – *Applebaum A.* Iron curtain: the crushing of Eastern Europe, 1944–1956. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2012. 608 p.
- Boss 1979 – *Boss M.* Existential foundations of medicine and psychology. N.Y.; L: Aronson, 1979. 303 p.
- Bourdieu 1984 – *Bourdieu P.* Distinction: A social critique of the judgment of taste. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984. 613 p.
- Foucault 1986 – *Foucault M.* Of other spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22–27.
- Haraway 2008 – *Haraway D.J.* When species meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 360 p.
- Korsunova 2017 – *Korsunova V.I.* Public leisure practices in Russia: status distinctions and structural features // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017. Vol. 5. P. 194–213.
- Pronovost, D'amours 1990 – *Pronovost G., D'amours M.* Leisure studies: a re-examination of society // Loisir et Société. 1990. Vol. 13. No. 1. P. 39–62.
- Uexküll 1957 – *Uexküll J. von.* A stroll through the worlds of animals and men // Instinctive behavior: The development of a modern concept / ed. by C.H. Schiller. N.Y.: International Universities Press, 1957. P. 5–80.

References

- Agamben, D. (2007), “Openness. Man and animal”, *Sinii divan*, vol. 10–11, pp. 29–46, available at: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (Accessed 15 June 2025).
- Applebaum, A. (2012), *Iron curtain: the crushing of Eastern Europe, 1944–1956*, Knopf Doubleday Publishing Group, New York, USA.
- Batler, D. (2022), *Sila nenasiliya: stsepka etiki i politiki* [The power of non-violence: linking ethics and politics], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Boss, M. (1979), *Existential foundations of medicine and psychology*, Aronson, New York, USA, London, UK.
- Bourdieu, P. (1984), *Distinction: A social critique of the judgment of taste*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Castro E., de (2017), *Kannibal'skie metafiziki: Rubezhi poststrukturnoi antropologii* [Cannibal metaphysics], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Dandes, A. (2003), “Projection in folklore: in defense of psychoanalytical semiotics”, in Dandes, A., *Fol'klor: Semiotika i ili psikhoanaliz* [Folklore: Semiotics and/or psychoanalysis], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 72–107.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2007), “Becoming-intense, Becoming-animal, Becoming-unrecognisable....”, *Sinii divan*, vol. 10–11, pp. 7–14, available at: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (Accessed 15 June 2025)

- Deskola, F. (2012), *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond nature and culture], NLO, Moscow, Russia.
- Foucault, M. (1986), "Of other spaces", *Diacritics*, vol. 16, no. 1, pp. 22–27.
- Haraway, D.J. (2008), *When species meet*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Kon, E. (2018), *Kak myslyat lesa: K antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think. Towards an anthropology on the other side of man], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Korsunova, V.I. (2017), "Public leisure practices in Russia: status distinctions and structural features", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, vol. 5, pp. 194–213.
- Kozyreva, M. (2021), "Shifting philosophical perspectives: the turn to animals in the new anthropology", *Philosophical Anthropology*, vol. 7, no. 1, pp. 64–79.
- Nikolskaya, A.V. (2012), *Ekopsikhologicheskaya model' mezhvidovogo vzaimodeistviya cheloveka s domashnimi zhivotnymi* [Ecopsychological model of interspecies interaction of humans with domestic animals], Abstract of D. Sc. dissertation (Psychology), Psikhologicheskii institut RAO, Moscow, Russia.
- Nikolskaya, A.V. (2015), "Social aspects of human interaction with pets as coping strategies", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, vol. 4, no. 1(13), pp. 79–83.
- Pronovost, G. and D'amours, M. (1990), "Leisure studies: a re-examination of society", *Loisir et Société*, vol. 13, no. 1, pp. 39–62.
- Roshchina, Ya.M. (2007), "Differentiation of Russians' lifestyles in the leisure field", *Journal of Economic Sociology*, vol. 8, no. 4, pp. 23–41.
- Shukova, G.V. (2013), "Human interspecies interaction: outcomes and research perspectives", *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*, vol. 52, no. 5, pp. 103–110.
- Shukova, G.V. (2013), "Interspecies interaction between humans and domestic animals as a subject of ecopsychological research", in Panov, V.I., ed., *Ekopsikhologicheskie issledovaniya – 3: Sbornik nauchnykh statei* [Ecopsychological research – 3: Collected scientific articles], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 76–109.
- Shukova, G.V. (2015), "Socio-psychological aspects of interspecies interaction between humans and domestic animals", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, vol. 4, no. 1(13), pp. 83–86.
- Shukova, G.V. and Grigor'eva, M.I. (2014), "Psychological qualities of person as a subject of human-animal interaction", *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*, no. 5, pp. 99–109.

- Tishchenko, P. (2007), "The dog lying on the right...", *Sinii divan*, vol. 10–11, pp. 15–28, available at: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sinij-divan-10-11 (Accessed 15 June 2025).
- Trubitsyna, L.V. (2014), "The cultural-historical aspect of human-dog relations", *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, no. 15, pp. 21–27.
- Uexküll, J., von. (1957), "A stroll through the worlds of animals and men", in Schiller, C.H., ed., *Instinctive behavior: The development of a modern concept*, International Universities Press, New York, USA, pp. 5–80.

Информация об авторе:

Светлана Б. Адоњева, доктор филологических наук, профессор, АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», Санкт-Петербург, Россия; 199034, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 4, кв. 28; spbfolk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5502-1226

Information about the author:

Svetlana B. Adonyeva, Dr. of Sci. (Philology), professor, The Propp Centre for Humanities-based research in the Sphere of Traditional Culture, Saint Petersburg, Russia; apt. 28, bld. 4, 1-st Line of Vasilievsky Island, Saint Petersburg, Russia, 199034; spbfolk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5502-1226

УДК 004

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-145-159

Как сохранить цифровую память: об архивации, доверии и электронных базах данных

Наталья С. Душакова

*Архив Российской академии наук,
Москва, Россия, dushakova@list.ru*

Аннотация. Цифровая среда может выступать не только каналом трансмиссии устной памяти или хранилищем разрозненных воспоминаний, целенаправленно или стихийно создаваемых каждым, кто пользуется смартфоном. Как и устная память, выделяемая современными исследователями «память цифровая» представляет собой активный процесс, на который влияют самые разные факторы (от контекста размещения оцифрованных или изначально цифровых данных до надежности инфраструктуры и заинтересованности отдельных акторов). Автор рассматривает проблему сохранения цифровой памяти, которая также включает анализ процессов архивации данных в цифровой среде, их легитимации и систематизации. Одной из инициатив, направленных на обеспечение междисциплинарного диалога между российскими учеными, заинтересованными в сохранении цифровой памяти и создании электронных баз данных, а также на повышение видимости подобных баз данных, является разработка их сводного каталога. В статье уделяется внимание принципам и структуре открытого сводного каталога цифровых архивов на русском языке, над которым ведется работа в Архиве РАН. Каталог включает как известные и обширные коллекции данных, так и небольшие архивы, разрабатываемые в рамках личных инициатив, тематика которых охватывает историю России, культуру повседневности, искусство, литературу, фольклор, естественные и технические науки.

Ключевые слова: цифровой архив, база данных, цифровая память, цифровая инфраструктура, сохранение памяти

Дата поступления статьи: 15 июня 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 26 июля 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Душакова Н.С. Как сохранить цифровую память: об архивации, доверии и электронных базах данных // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 145–159. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-145-159

How to preserve digital memory: On archiving, trust, and electronic databases

Natalia S. Dushakova

*Archives of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, dushakova@list.ru*

Abstract. The digital environment can act not only as a channel for transmitting oral memory or a repository of scattered recollections, purposefully or spontaneously created by anyone who uses a smartphone. Like oral memory, “digital memory” identified by present-day researchers is an active process influenced by a variety of factors (from the context of placement of digitized or digital-born data to the reliability of the infrastructure and the interest of different actors). The author considers the issue of preserving digital memory, which also includes a brief analysis of the processes of data archiving in the digital environment, their legitimization and systematization. One of the initiatives aimed at ensuring an interdisciplinary dialogue among Russian scholars interested in preserving digital memory and creating electronic databases, as well as increasing the visibility of such databases, is the elaboration of their consolidated catalogue. The article also focuses on the principles and structure of an open access catalogue of digital archives in Russian, which is being elaborated at the Archives of the Russian Academy of Sciences. The catalogue includes both widely-known and extensive data collections and small archives developed through personal initiatives, topics that cover the history of Russia, everyday culture, art, literature, folklore, natural and technical sciences.

Keywords: digital archive, database, digital memory, digital infrastructure, memory preservation

Received: June 15, 2025

Approved after reviewing: July 26, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Dushakova, N.S. (2025), “How to preserve digital memory: On archiving, trust, and electronic databases”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 145–159, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-145-159

Введение: о памяти устной и цифровой

Нашу память о прошлом формируют личные воспоминания, рассказы старших родственников и знакомых, книги и СМИ, фильмы, спектакли, выставки, социальные сети, академические практики, которые влияют на восприятие истории, и многое другое.

Роль цифровизации и повседневного использования разнообразных технических посредников в функционировании памяти настолько велика, что исследователи уже говорят не только о социальных, но и о «цифровых рамках коллективной памяти» [Павловский 2023, с. 10].

Когда мы говорим об устной памяти, то понимаем, что она актуализируется и трансформируется под влиянием значимых внешних событий или появления новых важных источников. Чтобы устная память не угасала, необходима ее постоянная трансмиссия. Как писали Дж. Олик и Дж. Роббинс, чтобы не забывать свое прошлое, сообщества вовлекаются в пересказ своей истории [Olick, Robbins 1998, р. 122]. И даже в этом случае она не будет неизменной, появятся или исчезнут какие-то детали, что-то будет переосмыслено – впрочем, механизм трансмиссии и функционирования устной памяти подробно описан в научной литературе (см., например: [Неклюдов 2016]). Здесь важно подчеркнуть, что, поскольку устный текст всегда принадлежит только настоящему, говорить буквально о «сохранении памяти» в устной традиции достаточно проблематично. Другое дело – ее фиксация в письменном виде (например, расшифровка устного интервью) с последующим хранением в электронном формате или на бумажном носителе.

Одним из каналов трансмиссии зафиксированной устной памяти может быть цифровая среда. Сегодня существует общирная цифровая инфраструктура для (со)хранения памяти – от специализированных электронных баз данных, где могут размещаться среди прочего и расшифровки устных воспоминаний, до телеграм-каналов и страниц в социальных сетях, где пользователи сами фиксируют важные для них воспоминания, целенаправленно формируя на будущее память о своем прошлом. С другой стороны, говорить о памяти в цифровой среде, рассматривая последнюю лишь как канал трансмиссии, было бы слишком некорректным упрощением – исследователи отдельно выделяют «память цифровую».

Коннективный поворот, вызванный распространением цифровых медиа, по словам Э. Хоскинса, кардинально повлиял на то, что собой представляет память, освободив ее от пространственных рамок и открыв новые способы поиска, отбора, наблюдения, утраты, использования и даже злоупотребления прошлым. Вместе с тем, вслед за Т. Петтиттом, он обратил внимание на то, что цифровая память стала ближе к устной во многом благодаря ключевой роли разных форм связей и сетей в противовес контейнированию памяти во время господства печатного текста [Hoskins 2018, pp. 1, 12–14]. В. Канстайнер, рассуждая об отличительных чертах цифровой памяти, обращает внимание не только на ее очевидную

зависимость от устройств / машин, но и на то, что она «не развивается по оси “индивидуально – коллективно”», функционирует без четко определяемых приватных и публичных сфер, делает гибким различие между прошлым и настоящим, что оказывает принципиальное влияние на процессы воспоминания и забывания [Канстайнер 2023, с. 288–289].

В ситуации такой гибкости и трансформации восприятия темпоральности в цифровой среде интерес снова вызывает проблема сохранения памяти. Если в случае памяти устной исследователи говорят о ее трансмиссии и фиксации, с распространением печати – о ее контейнировании в книгах, культурных продуктах и т. п., то как происходит сохранение памяти цифровой?

Проблема сохранения цифровой памяти

Как и устная память, память цифровая многослойна, и мы также можем говорить о ней как об активном процессе, на который влияют коммуникации, доступные источники, ресурсы и многое другое. При этом, чтобы быть точнее в дальнейших рассуждениях о цифровой памяти, следует сразу сказать о различной природе данных, ее формирующих: а) кем-то сознательно оцифрованных источников и б) источников, изначально созданных в цифровой среде. Ряд исследователей еще выделяют третий тип источников – возрожденные цифровые данные (веб-архив) [Brügger 2016], но нас будут в большей степени интересовать первые два типа. Оцифровка данных предполагает целенаправленный отбор информации для (со)хранения; созданные в цифровой среде материалы не всегда представляют собой результат отбора ценных сведений – это могут быть и результаты вошедшего в привычку постоянного документирования настоящего. Мы и сами не всегда рады всплывающим воспоминаниям, нами же созданным, которые предлагают алгоритмы смартфонов и соцсетей¹, и вполне можем при желании удалить то или иное фото или воспоминание. Как видно из этого простого примера, своего рода «переписывание прошлого» возможно даже на уровне формирования индивидуальной памяти в цифровой среде. Более того, возвращаться к своим цифровым воспоминаниям можно неоднократно, корректируя, дополняя или

¹ Подробнее о функционировании цифровых воспоминаний см.: Цифровая память как продукт трансчеловечества: Интервью М. Башмаковой с А. Павловским. 03.08.2023. // Медиапроект s-t-o-l.com. URL: <https://s-t-o-l.com/material/40334-tsifrovaya-pamyat-kak-produkt-transchelovechestva/> (дата обращения: 03.06.2025).

проживая их в очередной раз. Как и устная память, которая трансформируется со временем, память цифровая тоже может корректироваться и изменяться.

Для фиксации и сохранения цифровой памяти необходима ее архивация и надежная инфраструктура. В этот процесс сегодня включаются самые разные акторы, среди которых как институции, непосредственно работающие с памятью (архивы, библиотеки, музеи), так и научные, образовательные учреждения, религиозные организации. Широкое распространение получила индивидуальная инициатива в сфере сохранения памяти посредством ее архивации. Как отмечает В.Ю. Афиани, работа организаций с историко-культурным наследием в Интернете осуществляется в двух направлениях: создание электронных баз данных и виртуальных выставок, то есть систематическая оцифровка документов и их популяризация в виде тематических публикаций [Афиани 2023, с. 35]. В то время как учреждения размещают в сети цифровые копии различных справочников, интернет-публикации документов, архивные описи, электронные каталоги, базы данных, виртуальные выставки, по индивидуальной инициативе интернет-пользователей параллельно создается множество публикаций документов из личных архивов, перепубликаций из изданных сборников или ресурсов учреждений науки или культуры [Афиани 2023, с. 230], развиваются различные интернет-проекты на основе данных, изначально созданных в цифровом формате. Соответственно, в результате мы не только сталкиваемся с разными подходами к представлению данных, но и получаем разное качество описания документов.

Находясь в публичном (цифровом) пространстве, публикации документов любого качества оказывают влияние на интернет-пользователей, участвуя в формировании представлений о прошлом. В связи с этим В.Ю. Афиани говорит о негативных сторонах процесса цифровизации: ангажированной интерпретации данных, свободном распространении в социальных сетях фальсифицированных документов и т. п. [Афиани 2023, с. 230]. Среди других сложностей, связанных с сохранением цифровой памяти и напрямую затрагивающих как сам процесс архивации данных, так и проблемы надежности инфраструктуры, в литературе отмечаются:

- «физические риски повреждения: сгорел компьютер, не читается дискета;
- технологическое устаревание: старый софт, на котором были сделаны документы, несовместим с современным программным обеспечением, и документы невозможно прочесть;
- потеря доверия к данным: насколько мы уверены, что файлы не менялись;

- сохранение контекста и зависимостей данных: даже простейшие текстовые документы могут зависеть от других файлов, например, шрифтов»².

Проблема контекста цифровой памяти видится даже более широкой: оцифрованные документы, размещенные на сайте музея или библиотеки, пользуются несопоставимо иным уровнем доверия по сравнению с тем же документом, размещенным на личной странице в социальной сети. Еще более нюансированно можно говорить о доверии к данным, если проанализировать отношение к тому же документу,енному на сайте небольшой религиозной общине или в телеграм-канале религиозного лидера. В любом случае в каждом из этих контекстов сведения будут сохраняться, найдут свою аудиторию и определенным образом повлияют на ее представления о прошлом.

На основе анализа современной литературы, посвященной исследованиям цифровой памяти, А.Ф. Павловский выделил основные проблемы, связанные с архивацией данных в цифровой среде: «...Что из потока цифровых данных необходимо оставить, а что нет; какой контент безопасно публиковать, а какой следует скрыть; как обеспечить долговременную сохранность цифровых файлов; как помочь пользователям в поиске и анализе содержимого “цифрового архива” <...>, кто будет за это платить», а также «как архивисты должны наполнять “живые архивы”» [Павловский 2023, с. 30].

Проблемы разработки цифровых архивов, отбора контента для архивации, его поиска и наполнения электронных баз данных в настоящее время решают архивисты, историки, антропологи, фольклористы, культурологи, искусствоведы и представители других дисциплинарных областей, которые создают свои базы данных в Интернете. На страницах журнала «Историческая информатика»³ регулярно выходят публикации, посвященные новым разрабатываемым электронным базам данных различной тематики, обсуждается опыт их создания, привлекаемый круг источников, проблемы и перспективы использования. Что касается перечисленных А. Павловским проблем, то в большей

² Бонч-Осмоловская А. Проблема цифрового архива: почему информацию надо спасать. 2024 // Системный блокъ. URL: https://sysblok.ru/blog/blog_aabo/problema-cifrovogo-archiva-pochemu-informaciju-nado-spasat/ (дата обращения: 08.06.2025).

³ Журнал «Историческая информатика». URL: https://www.nbpublish.com/e_istinf/ (дата обращения: 12.06.2025). В журнале есть отдельная рубрика «Базы данных и информационно-поисковые системы».

степени они рассматриваются не на теоретическом, а на практическом уровне, в каждом случае в центре внимания находятся конкретные задачи исследователя и / или создателя базы данных.

Отдельные научные коллектизы занимаются систематизацией цифровых архивов в своей области. Например, фольклористы Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ разместили на своих интернет-ресурсах базы данных, разработанные сотрудниками Центра и другими профильными исследователями, которые содержат богатые фольклорно-этнографические материалы⁴. Члены Международного общества этнологов и фольклористов на странице своей рабочей группы по архивам (SIEF Working group on Archives) предпринимали попытку собрать в один список базы данных с этнографическими материалами: в рассылке группы, а также на конференциях было предложено всем, у кого есть свои цифровые архивы, написать создателям группы с информацией об архиве, чтобы внести его в открытый список на сайте⁵. Со временем инициатива угасла, перечень цифровых архивов с этнографическими и фольклорными данными остался неполным.

Вместе с тем подобные архивы становятся объектом анализа исследователей-фольклористов. Обзор важных европейских проектов в сфере оцифровки фольклорно-этнографического наследия, анализ подходов, лежащих в основе разработки таких цифровых архивов, а также тех возможностей, которые могут дать фольклористам цифровые гуманитарные науки, проведен Э. Ильефалви [Ilyefalvi 2018]. В частности, было показано, что базы данных формировались вокруг отдельных жанров фольклорных текстов или известных собирателей фольклора, при этом структура цифровых архивов, цели их создания, способы сбора данных, идеология, стоящая за разработкой архивов, даже понимание того, что относить к фольклорным текстам, сильно отличаются. Устойчивое развитие для подобных проектов обеспечивает их институционализация не в последнюю очередь из-за нехватки ресурсов для их наполнения и поддержания, хотя известны и проекты, которые существуют на основе краудфандинга. Э. Ильефалви рассматривает цифровые методы (текстмайнинг, сетевые методы, визуализация), которые позволяют анализировать большие массивы данных, оцифрованных и размещенных в виде архивов [Ilyefalvi 2018], при этом

⁴ Сюжетно-мотивные указатели и базы данных // Фольклор: и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ctsf.ru/ukazateli> (дата обращения: 05.06.2025)

⁵ Tradition archives, folklore archives, ethnographic archives, cultural archives // International Society for Ethnology and Folklore. URL: <https://www.siefhome.org/wg/arch/archives.shtml> (дата обращения: 05.06.2025)

небольшие электронные базы данных остаются за пределами исследовательского интереса.

Обзор и анализ наиболее заметных цифровых архивов на русском языке, посвященных истории России и содержащих личные воспоминания, представили Е.Г. Лапина-Кратасюк и М.В. Рублева [Лапина-Кратасюк, Рублева 2018], а через несколько лет Н.В. Петров [Петров 2021] продолжил исследования архивов частной памяти, привлекая к анализу как новые проекты, которые постоянно появляются в русскоязычном пространстве и за его пределами, так и новые теоретические разработки из области цифровой истории и исследований цифровой памяти.

Размышляя о растущей популярности цифровых архивов частной памяти, Е.Г. Лапина-Кратасюк и М.В. Рублева говорят одновременно о чрезмерном увлечении архивами и проявлении «сетевого индивидуализма». На первое обращал внимание еще П. Нора: «...Архивы становятся “точками опоры” памяти, выражением надежды на ее фиксацию и сохранение, воплощением “суеверного уважения к следам прошлого”»⁶; о «сетевом индивидуализме» писали канадские социологи Б. Веллман и Ли Рейни⁷ (подробнее см.: [Лапина-Кратасюк, Рублева 2018, с. 150]). О причинах всеобщего увлечения историей и участия в производстве и сохранении памяти о своей истории писала и И.М. Савельева. Она обратила внимание на то, что в создании своих архивов заинтересованы социальные группы, которые формируются на основе прошлого (например, участники определенных исторических событий, жертвы трагических событий, их потомки, этнические группы). Параллельно с этим имеет место рост «чистого» интереса к прошлому отдельного индивида или семьи [Савельева 2015, с. 439]. Всеобщий интерес к сохранению памяти вместе с доступностью цифровой среды и необходимых технологий сближает академических исследователей с активистами и более широкой аудиторией, дает возможность практически каждому желающему поучаствовать в процессе формирования и сохранения исторической и культурной памяти (подробнее см.: [Бернстайн, Заплатина 2021, с. 71–72]).

Решая проблему сохранения памяти в цифровой среде, многочисленные архивы и / или базы данных в то же время располагаются в сети преимущественно в очень разрозненном виде

⁶ Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 36.

⁷ Rainie L., Wellman B. Networked: The new social operating system. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. 358 p.

(за исключением тех сегментов, над систематизацией которых целенаправленно работают научные коллективы). Исследователи из смежных дисциплин зачастую не осведомлены о работе коллег по оцифровке важных данных или об отдельных интернет-проектах, которые могут быть полезны в научной работе, поэтому актуальной видится проблема систематизации не только данных в рамках отдельных цифровых архивов, но и самих цифровых архивов. Безусловно, работая с электронными базами данных, разработанными и собранными другими исследователями, каждый сталкивается с необходимостью принимать во внимание, что перед ним не просто «чистые данные»: исследовательская оптика всегда влияет на отбор сведений для последующего размещения в цифровых архивах. Тем не менее доступные данные, систематизированные и представленные в виде электронных баз данных по интересующей тематике, несмотря на их потенциальные ограничения, вызывают исследовательский интерес.

Сводный каталог цифровых архивов

С 2024 г. в Архиве Российской академии наук ведется работа над созданием сводного каталога открытых цифровых архивов⁸ на русском языке, который может обеспечить междисциплинарный диалог между российскими исследователями, заинтересованными в процессе оцифровки и создании цифровых архивов и баз данных. Кроме того, такой каталог повышает видимость подобных ресурсов для ученых и других пользователей Интернета. Чтобы разработанный сводный каталог не остался очередным цифровым архивом, о котором не известно коллегам-исследователям и другим потенциально заинтересованным акторам (организации культуры, музеи, СМИ, индивидуальные акторы), было принято решение разместить его в открытом доступе на сайте профильной организации, в нашем случае – Архива РАН⁹.

Структура сводного каталога включает а) название цифрового архива; б) рабочую ссылку на архив / базу данных; в) информацию о создателях цифрового архива (организация / отдельный коллектив исследователей / индивидуальная инициатива); г) краткое

⁸ Работа осуществляется в рамках проекта «Цифровые архивы: систематизация, проблематизация поля и поиск исследовательских подходов», поддержанного Российским научным фондом. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00889/> (дата обращения: 10.06.2025)

⁹ Сводный каталог цифровых архивов // Архивы Российской Академии наук. URL: <https://arran.ru/node/1449> (дата обращения: 05.06.2025)

описание тематики содержащихся в архиве данных; д) ключевые слова; е) географические рамки; ж) хронологические рамки; з) формат данных: текст, фото, аудио, видео. На сайте работает полнотекстовый поиск, что облегчает для пользователя работу с тем или иным запросом.

Поиск и отбор цифровых архивов для наполнения сводного каталога осуществляется как с опорой на специализированную научную литературу, в которой представлены обзоры значимых баз данных или вводятся в научный оборот отдельные интернет-проекты или цифровые архивы, так и по ключевым словам в доступных поисковых системах, на сайтах российских научных и образовательных организаций, учреждений культуры и т. п. При составлении каталога отбираются архивы / базы данных, содержащие как оцифрованные документы или источники, так и систематизированные изначально цифровые данные и интернет-проекты, в которых используются оба типа данных.

Для удобства пользователей сводного каталога было принято решение выбрать табличную форму представления информации и разбить отобранные цифровые архивы на условные тематические группы: 1) история и вспомогательные исторические дисциплины; 2) история XX в. (выделена отдельно как самая многочисленная группа среди цифровых архивов на историческую тематику); 3) культура повседневности; 4) литература и периодика; 5) фольклор; 6) искусство; 7) естественные и технические науки; 8) карты. Внутри условных тематических разделов цифровые архивы для удобства упорядочены по алфавиту.

В каждую тематическую группу включены как широко известные цифровые архивы, так и те ресурсы, о которых самим авторам исследования до работы над формированием каталога не было известно. Например, раздел «Культура повседневности»¹⁰ представляет собой перечень из таких цифровых архивов, как электронный корпус дневников и воспоминаний «Прожито», архив «Российская повседневность», проект «Народная история России», онлайн база данных по изучению еврейской истории и культуры SFIRA, архив мемуарных бесед «Устная история», электронный фотоархив Института этнологии и антропологии РАН, виртуальный проект «Архитектура Петербурга. Связь времен» и др. Один из самых крупных разделов каталога, посвященный истории России в XX в.¹¹, включает метаданные и ссылки на

¹⁰ Сводный каталог цифровых архивов: Культура повседневности // Архивы Российской Академии наук. URL: <https://arran.ru/node/1452> (дата обращения: 05.06.2025).

¹¹ Сводный каталог цифровых архивов: История XX века // Архивы

такие цифровые ресурсы, как мультимедийная база данных «БАМ: сквозь пространство и время», цифровой проект по истории блокады Ленинграда, база данных проекта «90-е: История великого поворота», архив об истории эвакуации в годы Великой Отечественной войны «Боровичи – Селиваново: путь из дома в дом», цифровой архив по истории освоения целины «Здравствуй, земля целинная!», проект «Память народа» и многие другие. В тех случаях, когда научные коллективы систематизировали базы данных по своим исследовательским направлениям, в каталог вносились ссылки на весь перечень систематизированных цифровых архивов, без дублирования отдельных ресурсов, как, например, это представлено в разделе «Фольклор»¹². Сюда вошли сюжетно-мотивные указатели и базы данных, систематизированные Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ, цифровой архив Лаборатории фольклористики РГГУ, Фольклорный архив Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Во время подготовки этой статьи каталог насчитывал более 300 единиц (цифровых архивов на русском языке), содержащих ценные сведения для дальнейших исследований в области исторической и культурной памяти и развития самых разных научных направлений. Работа по наполнению каталога продолжается.

Заключение

Цифровая память во многом сходна с памятью устной: она столь же многослойна, представляет собой активный процесс, на который оказывают влияние актуальные события, заинтересованные организации и личности, новые открывающиеся источники информации, возможность возвращаться к воспоминаниям и их пересматривать / редактировать, она зависит от контекста – и этим перечень сходств не исчерпывается. Важными особенностями цифровой памяти видятся ее зависимость от технических устройств и цифровой инфраструктуры, связь восприятия данных и, соответственно, уровня доверия к ним с их местоположением в сети, стертая граница между приватным и публичным, индивидуальным и коллективным, прошлым и настоящим.

Российской Академии наук. URL: <https://arran.ru/node/1450> (дата обращения: 05.06.2025).

¹² Сводный каталог цифровых архивов: Фольклор // Архивы Российской Академии наук. URL: <https://arran.ru/node/1454> (дата обращения: 05.06.2025).

Проблема сохранения цифровой памяти напрямую связана с ее отличительными особенностями. Так, при отсутствии надежной инфраструктуры или неудачном выборе площадки в интернете информация может быть утрачена, а фиксация данных посредством их архивации и дальнейшего размещения на авторитетных ресурсах (безусловно, в разных контекстах речь будет идти о разных площадках) будет способствовать ее сохранению. В создание цифровых архивов / электронных баз данных для сохранения в цифровой среде ценных сведений о прошлом сегодня включаются самые разные акторы (от музеев, научных, образовательных и культурных учреждений до индивидов, заинтересованных в сохранении семейной или личной памяти), при этом зачастую разработанные ресурсы остаются неизвестными для коллег из смежных дисциплин. Систематизация цифровых архивов и их размещение в открытом доступе решает проблему их разрозненности в цифровом пространстве и позволяет использовать ценные, отобранные исследователями или другими заинтересованными акторами сведения для дальнейших научных работ в области культурной и исторической памяти.

Площадка, выбранная для публикации сводного каталога цифровых архивов на русском языке, одновременно решает ряд проблем, связанных с сохранением памяти в сети. Рабочий сайт Архива РАН позволяет не беспокоиться о надежности цифровой инфраструктуры для хранения данных и привлекает аудиторию, потенциально заинтересованную в поиске доступных архивных данных разной тематики. Другая проблема – легитимизация данных, поскольку восприятие цифрового архива во многом зависит не только от его авторов и создателей, но и от адреса – местоположения в сети: доверие к данным выше, если они опубликованы на сайте профильного и / или научного учреждения. Вместе с тем отметим, что подобная публикация меняет контекст данных, что может быть совершенно неважным, если сам цифровой архив и так располагался на сайте университета или музея, но имеет значение в случаях индивидуальных инициатив.

Формирование каталога уже существующих цифровых архивов и баз данных на русском языке позволяет всем акторам, потенциально заинтересованным в создании своего цифрового архива, ознакомиться с текущим состоянием поля, степенью его изученности и не тратить финансовые и интеллектуальные ресурсы на создание дублирующих друг друга проектов.

В дальнейшем было бы интересно сравнить российский опыт по оцифровке и систематизации данных в области истории,

этнографии, фольклористики с опытом зарубежных коллег, решающих аналогичные проблемы по сохранению памяти в других культурных и институциональных контекстах.

Литература

- Афиани 2023 – *Афиани В.Ю.* Историко-культурное документальное наследие России в цифровом пространстве. М.: РГГУ, 2023. 332 с.
- Бернстайн, Заплатина 2021 – *Бернстайн С., Заплатина А.* Цифровое пространство // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 69–80.
- Канстайнер 2023 – *Канстайнер В.* Транснациональная память о Холокосте, цифровая культура и конец «исследований восприятия» // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сб. статей / под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2023. С. 276–308.
- Лапина-Кратасюк, Рублева 2018 – *Лапина-Кратасюк Е.Г., Рублева М.В.* Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги/Steps. 2018. Т. 4. № 3. С. 147–165.
- Неклюдов 2016 – *Неклюдов С.Ю.* Литература как традиция. Т. 1: Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. 519 с.
- Павловский 2023 – *Павловский А.Ф.* Введение: Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сб. статей / под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2023. С. 7–48.
- Петров 2021 – *Петров Н.В.* Цифровые архивы частной памяти // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 29–56.
- Савельева 2015 – *Савельева И.М.* Публичная история: дисциплина или профессия? // Науки о человеке: история дисциплин / сост., отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 421–451.
- Brügger 2016 – *Brügger N.* Digital humanities in the 21st century: Digital material as a driving force // Digital Humanities Quarterly. 2016. Vol. 10. No. 3. URL: <https://dhq-static.digitalhumanities.org/pdf/000256.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).
- Hoskins 2018 – *Hoskins A.* The restless past: An introduction to digital memory and media // Digital memory studies: Media pasts in transition / ed. by A. Hoskins. N.Y.: Routledge, 2018. P. 1–24.
- Ilyefalvi 2018 – *Ilyefalvi E.* The theoretical, methodological and technical issues of digital folklore databases and computational folkloristics // Acta Ethnographica Hungarica. 2018. Vol. 63. No. 1. P. 209–258.

Olick, Robbins 1998 – *Olick J.K., Robbins J.* Social memory studies: From “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.

References

- Afiani, V.Yu. (2023), *Istoriko-kul'turnoe dokumental'noe nasledie Rossii v tsifrovom prostranstve* [Historical and cultural documentary heritage of Russia in the digital space], RGGU, Moscow, Russia.
- Bernstein, S. and Zaplatina, A. (2021), “Digital space”, in Zavadskii, A. and Dubina, V., eds., *Vse v proshлом: Teoriya i praktika publichnoi istorii* [Everything in the past: Theory and practice of public history], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 69–80.
- Brügger, N. (2016), “Digital humanities in the 21st century: Digital material as a driving force”, *Digital Humanities Quarterly*, vol. 10, no. 3, available at: <https://dhq-static.digitalhumanities.org/pdf/000256.pdf> (Accessed 5 June 2025).
- Hoskins, A. (2018), “The restless past: An introduction to digital memory and media”, in Hoskins, A., ed., *Digital memory studies: Media pasts in transition*, Routledge, New York, USA.
- Ilyefalvi, E. (2018), “The theoretical, methodological and technical issues of digital folklore databases and computational folkloristics”, *Acta Ethnographica Hungarica*, vol. 63, no. 1, pp. 209–258.
- Kansteiner, V. (2023), “Transnational Holocaust memory, digital culture and the end of reception studies”, in Pavlovskii, A.F. and Miller, A.I., eds., *Pamyat' v Seti: tsifrovoi poverot v memory studies: sbornik statei* [Memory on the Net: The digital turn in memory studies. Collected articles], Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia, pp. 276–308.
- Lapina-Kratasyuk, E.G. and Rubleva, M.V. (2018), “Projects to preserve personal memories: Digital archives and participatory culture”, *Shagi/Steps*, vol. 4, no. 3, pp. 147–165.
- Neklyudov, S.Yu. (2016), *Literatura kak traditsiya. T. 1: Temy i variatsii* [Literature as a tradition, vol. 1. Themes and variations], Indrik, Moscow, Russia.
- Olick, J.K. and Robbins, J. (1998), “Social memory studies: From “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices”, *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 105–140.
- Pavlovskii, A.F. (2023), “Introduction. Digital framework of collective memory: Where is the digital turn in memory studies leading”, in Pavlovskii, A.F. and Miller, A.I., eds., *Pamyat' v Seti: tsifrovoi poverot v memory studies: sbornik statei* [Memory on the Net: The digital turn in memory studies. Collected articles], Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia, pp. 7–48.

- Petrov, N.V. (2021), “Digital archives of private memory”, *Shagi/Steps*, vol. 7, no. 1, pp. 29–56.
- Savel'eva, I.M. (2015), “Public history: discipline or profession?”, in Dmitriev, A.M. and Savel'eva, I.M., eds., *Nauki o cheloveke: istoriya distsiplin* [Human sciences: history of disciplines], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, pp. 421–451.

Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Цифровые архивы: систематизация, проблематизация поля и поиск исследовательских подходов», поддержанного Российским научным фондом, грант № 24-28-00889.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project “Digital Archives: Systematizing, Problematizing the Field and Searching for Research Approaches”, no. 24-28-00889.

Информация об авторе

Наталья С. Душакова, PhD in History, Архив Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34; *dushakova@list.ru*

ORCID ID: 0000-0003-4486-5367

Information about the author

Natalia S. Dushakova, PhD in History, Archives of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 34, Novocheremushkinskaya St0., Moscow, Russia, 117218; *dushakova@list.ru*

ORCID ID: 0000-0003-4486-5367

Рецензии и обзоры

УДК 82.09:78(470.341)

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-160-172

Рецензия на книгу:
*Иванова О.В. Музыкальный фольклор
Вознесенского района Нижегородской области /
с приложением на цифровом многоцелевом диске
(Digital Versatile Disc).
М.: БуксМАрт, 2022. 176 с.*

Антон Н. Каракулов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Anton-1088@mail.ru*

Дата поступления статьи: 24 октября 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Каракулов А.Н. [Рец.:] Иванова О.В. Музыкальный фольклор Вознесенского района Нижегородской области / с приложением на цифровом многоцелевом диске (Digital Versatile Disc). М.: БуксМАрт, 2022. 176 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 160–172. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-160-172

Book review:
Ivanova O.V. Muzykal'nyi fol'klor
 Voznesenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti /
 s prilozheniem na tsifrovom mnogotselevom diske
 (Digital Versatile Disc) [Musical folklore
 of the Voznesensky district of the Nizhny Novgorod
 region / with an appendix on a Digital Versatile Disc],
 Moscow: BuksMArt, 2022. 176 p.

Anton N. Karakulov

*Russian State University for the Humanities,
 Moscow, Russia, Anton-1088@mail.ru*

Received: October 24, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Karakulov, A.N. (2025), [Book review]: “*Ivanova O.V. Muzykal'nyi fol'klor Voznesenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti / s prilozheniem na tsifrovom mnogotselevom diske* (Digital Versatile Disc) [Musical folklore of the Voznesensky district of the Nizhny Novgorod region / with an appendix on a Digital Versatile Disc], Moscow: BuksMArt, 2022. 176 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 160–172, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-160-172

Монография О.В. Ивановой «Музыкальный фольклор Вознесенского района Нижегородской области» вышла в 2022 г. Она состоит из предисловия, этнографического очерка «Вознесенский край», девяти глав, посвященных описанию фольклорной традиции Вознесенского района, и заключения. В качестве приложения в ней публикуются нотированные образцы музыкально-песенного фольклора Вознесенского района, а также нотации инструментальных наигрышей¹.

Свое предисловие автор начинает с краткой характеристики материалов, используемых в издании. Основную их часть составляют интервью, записанные в ходе экспедиций Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (МГК) с 2016 по 2022 г. В книге также используются записи из экспедиций МГК

¹ К монографии также прилагается DVD-диск с аудио и видео экспедиционных записей песен и инструментальных наигрышей Вознесенского района Нижегородской области из фондов Научного центра народной музыки им. К.В. Квитки.

70-х гг. XX в. Еще одним весомым источником являются материалы нижегородского фольклорного ансамбля «Птица Жар»².

Далее мы узнаем, что обследованными оказались не только поселения Вознесенского района, но и населенные пункты соседних районов. Вознесенский район расположен на юго-западе Нижегородской области. С юга он граничит с Теньгушевским районом Республики Мордовия и Ермишинским районом Рязанской области. С западной стороны он соседствует с Выксунским районом Нижегородской области. На севере и востоке – с Ардатовским и Дивеевским районами Нижегородской области. Сотрудники МГК вели полевую работу на территориях, примыкающих с юга и запада к Вознесенскому району, – в отдельных населенных пунктах Теньгушевского района Республики Мордовия, Ермишинского и Кадомского районов Рязанской области, а также Выксунского района Нижегородской области.

Исходя из охвата достаточно большой территории и анализа полевого материала автор издания делает вывод о том, что «обследованные поселения представляют собой единую в музыкально-стилевом и этнокультурном отношении традицию. Она охватывает земли нижнего течения реки Мокша в ее правых притоках. <...> Распространяется она на территории Вознесенского и прилегающих к нему населенных пунктов Выксунского районов Нижегородской области, Ермишинского и частично Кадомского районов Рязанской области, а также включает анклавы русских сел Теньгушевского района Республики Мордовия» (с. 4). Эту традицию О.В. Иванова предлагает называть нижнемокшанской. Она отмечает, что исследуемая территория никогда не становилась предметом специального изучения вплоть до середины XX в. Причинами этого автор книги считает, во-первых, вторичный характер заселения русскими этих мест – такие территории в меньшей степени привлекали внимание специалистов, а во-вторых, искусственным образом проведенные в советское время административно-территориальные границы, делавшие неудобным изучение нижнемокшанской традиции для исследователей из разных регионов.

По мнению О.В. Ивановой, такое деление привело к формированию специфического локального интереса у исследователей, стремившихся изучать фольклор, как правило, в рамках исключительно своего региона. Добавим также, что еще это привело к тому, что из-за установления новых административных границ ученым из нестоличных вузов и научных организаций стало крайне

² Семейный фольклорный ансамбль «Птица Жар» основан в 2006 г. Участники ансамбля под руководством Л.В. Колесниковой ведут активную собирательскую деятельность в Вознесенском районе.

сложно или даже практически невозможно организовывать экспедиции за пределами своих регионов. Напомним, что речь идет прежде всего об исследователях из Горьковской и Рязанской областей, а также Республики Мордовия.

Как пишет автор, экспедиционное обследование данной территории начинает проводиться уже во второй половине XX в. Так, в Вознесенском районе, описанию фольклорной традиции которого посвящена монография, работали фольклористы Московской консерватории. Здесь проходили фольклорные экспедиции Нижегородского (Горьковского) государственного университета им. Н.И. Лобачевского (руководитель К.Е. Корепова). Музыкальный фольклор записывался сотрудниками и выпускниками Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки Н.Д. Бордюг, А.В. Харловым, Л.В. Колесниковой и другими.

Что же касается изданий, в которых оказались представленными материалы, записанные в ходе этих экспедиций, то О.В. Иванова почему-то приводит информацию только о двух из них. Это сборник «Фольклор юга Нижегородской земли: свадьба, календарь», составленный Н.Д. Бордюг³, а также монография К.Е. Кореповой «Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья» [Корепова 2009], ошибочно названная О.В. Ивановой сборником. На самом деле таких изданий гораздо больше. Так, материалы по свадебной обрядности Вознесенского района содержатся в монографии К.Е. Кореповой «Русская свадьба в Нижегородском Поволжье» [Корепова 2019] и ее указателе материалов по свадебной обрядности Нижегородской области⁴.

Фольклорные тексты из Вознесенского района с той или иной степенью полноты представлены в различных сборниках нижегородского фольклора, посвященных соответствующим жанрам: мифологическим рассказам и поверьям⁵, христианским легендам⁶,

³ Традиционный фольклор юга Нижегородской земли: свадьба, календарь / сост. Н.Д. Бордюг. Н. Новгород: Областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы, 1996. 123 с.

⁴ Материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ / сост. К.Е. Корепова. Н. Новгород: Растр, 2016. 500 с.

⁵ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с.

⁶ Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и comment. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород: КиТиздат, 1998. 168 с.; Местные святыни в нижегородской устной народной традиции: родники, часовни

рукописной религиозной прозе⁷, духовным стихам⁸, заговорам⁹.

Кроме того, образцы музыкально-песенного фольклора Вознесенского района представлены в «рукописном сборнике» «Заугольные песни», изданном нижегородским фольклорным ансамблем «Птица Жар» в виде брошюры в 2017 г.

Завершая предисловие, автор пишет, что «предлагаемое издание представляет собой опыт комплексного изучения нижнемокшанской фольклорной традиции, ядро распространения которой приходится на Вознесенский район» (с. 5). Чуть ниже мы читаем, что «настоящее издание представляет полную жанровую картину исследуемого региона: оно включает материалы календарного, свадебного, похоронно-поминального, рекрутского обрядов, детский фольклор, хороводные и лирические песни, народную прозу» (с. 5).

Эти тезисы О.В. Ивановой, как мы можем видеть, вступают в противоречие с темой исследования, заявленной в названии книги. Во-первых, из заглавия следует, что работа посвящена описанию фольклорной традиции Вознесенского района. Здесь же мы узнаем, что ее объектом изучения является нижнемокшанская традиция. В таком случае, как мы думаем, логичнее было бы говорить об исследовании данной традиции, а не об изучении музыкального фольклора одного района, пусть даже территория которого и является «ядром ее распространения». А если речь все-таки идет о фольклоре Вознесенского района Нижегородской области, то тогда читатель вправе был бы ожидать выявления особенностей традиции уже внутри исследуемой территории. И изучаемый материал должен был бы, в первую очередь, сравниваться с нижегородской фольклорной традицией, прежде всего с музыкальным фольклором ее юго-западной части. В связи с этим в монографии можно было бы также привести сведения об изданиях, посвященных изучению фольклора других районов

при них / сост. М.М. Белякова, А.О. Дюкова, Е.С. Курзина, К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Растр-НН, 2003. 106 с.

⁷ Рукописная религиозная проза Нижегородского края: тексты и комментарии / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и comment. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород: Растр-НН, 2008. 293 с.

⁸ Только в Боге успокаивается душа моя: Народная религиозная поэзия Нижегородского края / сост., comment., вступ. ст. Н.Б. Храмовой. Н. Новгород: Растр-НН, 2012. 385 с.

⁹ Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX вв.) / сост., вступ. ст. и comment. А.В. Коровашко. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 127 с.

Нижегородской области: Сосновского¹⁰, Ковернинского¹¹ и в особенности Дивеевского [Шеваренкова 2021]¹², граничащего с Вознесенским районом на востоке.

Во-вторых, из названия книги мы можем понять, что предметом исследования в ней является музыкальный фольклор. А в приведенной цитате говорится уже об описании «полной жанровой картины исследуемого региона», а не только ее музыкально-песенной составляющей. В заключении своей монографии автор предлагает еще один «синтезирующий» вариант темы своего исследования: «В настоящем издании представлен музыкальный фольклор Вознесенского района Нижегородской области в контексте нижнемокшанской культурной традиции» (с. 81). Как нам кажется, в этом случае лучше было бы или ограничиться исследованием жанров музыкально-песенного фольклора, или же говорить об изучении фольклора Вознесенского района, не выделяя специально его «музыкальной» составляющей. Так как наиболее важной частью работы для О.В. Ивановой все же является музыкальный фольклор, мы в своей рецензии остановимся в основном на рассмотрении тех глав, которые посвящены песенному фольклору: хороводным и плясовым песням, лирическим песням, инструментальной музыке и детскому фольклору¹³.

¹⁰ Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост. А.Н. Каракулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Растр-НН, 2013. 505 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 1)

¹¹ Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 1 / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Дятловы горы, 2014. 400 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 2); Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 2 / сост. Ю.М. Шеваренкова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова. Н. Новгород: Дятловы горы, 2013. 456 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 2)

¹² См. также: Фольклор Дивеевского района Нижегородской области. Ч. 1 / сост. Ю.М. Шеваренкова, Н.Б. Храмова. Н. Новгород: Дятловы горы, 2016. 584 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 3); Фольклор Дивеевского района Нижегородской области. Ч. 2: Окказиональная обрядность, необрядовый фольклор / сост., подборка текстов, вступ. ст. и comment. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 426 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 3)

¹³ В рецензии мы не будем затрагивать музикоискусственную часть этих глав, а сосредоточимся на разборе их собственно фольклористического содержания.

В главе «Песенно-хореографические традиции»¹⁴ речь идет о прагматике исполнения хороводных и плясовых песен Вознесенского района. Автор издания отмечает, что раньше такого рода песни (например, «Вдоль я бережку похаживала») исполнялись в составе хоровода или во время праздничных проходок по улице. Постепенно традиция исполнения песен с движением стала утрачиваться: пели уже просто стоя на улице. Как она пишет, хороводные и плясовые песни могли включаться в качестве элемента в разные обряды. Чаще всего их исполняли во время троицких гуляний. Но, например, в с. Аламасово эти песни («Со выоном хожу», «Винный мой колодец») были неотъемлемой частью календарного обряда «проводов весны». При этом песни, связанные с хореографическим движением, могли и не иметь календарной принадлежности и исполняться в любые праздники: «В с. Нарышкино такими были песни “Все бы на лавочке сидела”, “На зорюшке девушка коровушку доила”, которые приплясывались *на кругу*» (с. 36). Благодаря наличию в этих песнях мотивов, связанных с брачной тематикой, они также могли включаться и в состав свадебного обряда. Чаще всего в Вознесенской свадебной традиции они пелись во время свадебного застолья («Летел голубь, летел сизый», «Со выоном я хожу», «Полно, полно вам, ребята»).

В главе «Лирические песни» О.В. Иванова пишет, что необрядовая лирика Вознесенского района имеет позднее происхождение. Большинство ее образцов восходят к литературным первоисточникам. Она приводит следующие примеры таких песен: «На серебряной реке» (Ф.Н. Глинка «Завеянные следы», 1827); «Орёлик, орёлик» (А.С. Пушкин «Узник», 1822); «Ехали солдаты со службы домой» (С.Т. Аксаков «Уральский казак») и другие. В главе анализируются сюжетные особенности некоторых из этих песен. Так, мы узнаем, что песня «Голова ты моя удалая», восходящая к стихотворению о тяжелой судьбе заключенного¹⁵, в Вознесенском районе бытowała как солдатская песня. Кроме того, автором приводится пример использования необрядовой лирики в свадебном обряде: «Например, в с. Суморьеве утром свадебного дня подруги собирали невесту под венец и *сажали под косу*. Девушки накрывали ее фатой и пели песню: “О чём, дева, плачешь?”»¹⁶ (с. 42).

¹⁴ Главы в монографии О.В. Ивановой не имеют цифрового обозначения.

¹⁵ Как пишет О.В. Иванова, стихотворение впервые было опубликовано в 1907 г. в песеннике «Бродяга». Под стихотворением стоит подпись «И. К-ев» (Бродяга: Сборник новейших русских песен / сост. Н.И. Красовский. М.: Е.И. Коновалова, 1907. 107 с.).

¹⁶ Песня восходит к стихотворению Д.П. Ознобишина «Чудная бандура».

В книге есть отдельная глава об инструментальной музыке. В ней О.В. Иванова подробно описывает особенности гармонного искусства Вознесенского района: типы гармоней (хромка и русская), особенности игры на них, музыкальный репертуар местных гармонистов. В качестве иллюстрации специфики местной инструментальной традиции она приводит анализ музыкальной структуры наигрыша «Сормач». Автором также описываются пастушки народные инструменты: медные и жестяные рожки и трубы, бытовавшие ранее в исследуемой местности. Отметим, что включение в монографию, посвященную фольклору, описаний народных музыкальных инструментов выглядит несколько неорганичным или, по крайней мере, не самоочевидным и требует дополнительной мотивировки.

В главе, посвященной детскому фольклору, разбираются отдельные примеры колыбельных песен, потешек и считалок, записанных в Вознесенском районе. В контексте детского фольклора также анализируется песенка «Козлятушки, детятушки» из сказки «Волк и семеро козлят»¹⁷ (СУС 123). Как считает О.В. Иванова, такие песенки из сказок примыкают к жанрам, направленным на развитие детей (пестушкам и потешкам): ребенок быстро запоминал такие тексты, что способствовало формированию памяти и речи. Она также приводит примеры описания нескольких детских игр, чье содержание было организовано исполнявшимися во время игры песенками. Например, под песенку на стихи детской писательницы XIX в. Августы Пчельниковой «Пойманная птичка» дети, разыгрывая содержание стихотворения, водили хоровод. А в это время внутри круга находилась «птичка». В конце игры одна из пар расцепляла руки и «птичка» должна была успеть выбежать из круга.

Заметим, что частым приемом представления фольклорного материала автором издания как в этой, так и в других главах является описание отдельных «образцов» фольклорных произведений. Несмотря на порой очень ценные и интересные наблюдения О.В. Ивановой над отдельными текстами, такой способ подачи материала нам представляется не слишком удачным. В научной монографии хотелось бы видеть более структурированное построение глав, основанное на сюжетном или, возможно, тематическом принципах. Еще в работе не хватает информации об имеющемся в распоряжении автора количестве вариантов текстов тех сюжетов и жанров, которые анализируются в соответствующих главах.

Другая часть книги посвящена обрядовому фольклору Вознесенского района. Рассмотрим, как он оказался представлен в моно-

¹⁷ Сказка записана в 2016 г. в с. Полховский Майдан.

графии, на примере зимней календарной обрядности. О.В. Иванова относительно подробно описывает рождественские и новогодние обходы домов с пением поздравительных песен – канонических рождественских песнопений¹⁸ (тропаря, кондака, реже ирмоса праздника) и традиционных зимних календарно-обрядовых песен (таусеней и коляд). Автором на отдельных примерах анализируются особенности их структуры и поэтики. Так, в монографии приводится вариант таусеня, обращенный к вдове. Она отмечает, что «поэтика этого поздравления связана с брачной тематикой и пожеланием овдовевшей вновь выйти замуж: “расплести свою косу, заплести себе две косы”» (с. 19). Кроме того, О.В. Иванова пишет об одновременном распространении в Вознесенском районе песен с припевом «таусень», «арсень / авсень» и «коляд». При этом, как она замечает, одни и те же песни могли петься в канун Рождества и называться колядками, а затем на Старый Новый год – и уже считаться таусенями.

Если зимним обходным песням в монографии оказалось уделено относительно много внимания, то обрядовой составляющей Святок повезло значительно меньше. Святочные посиделки, ряженье, обрядовые бесчинства и гадания описываются О.В. Ивановой весьма бегло и обобщенно. Так, например, оказалось представлено в книге святочное ряженье: «Обязательными посетителями посиделок были ряженые. Обрядившись мужиком, цыганкой с ребенком и т. п., они заходили в избу, разыгрывали юмористические сценки, плясали, вовлекали в свои действия присутствующую молодежь» (с. 21). Мы бы, конечно, хотели видеть в монографии, посвященной изучению фольклорной традиции Вознесенского района, более подробное, чем в одно предложение, описание типов масок святочного ряженья, характерных для изучаемой территории. А вот так говорится в книге о названии ряженых: «*Таусень-кать* могли и взрослые, наряжаясь в вывернутые мехом наружу тулуны и вымазывая лица сажей, чтобы не узнали односельчане. В с. Бутаково таких ряженых называли *святками*» (с. 18). Если читатель захочет узнать, как назывались ряженые в соседних с Бутаково селах или вообще в Вознесенском районе, то, к сожалению, ответов на эти вопросы в данном издании он не найдет.

Кроме календарных праздников, автор также описывает в монографии свадебную и похоронно-поминальную обрядность Вознесенского района. Еще одна часть книги, как мы помним из предисловия, должна была быть посвящена несказочной прозе. К сожалению, можно сказать, что она так и не была написана. Этой

¹⁸ В книге также приводится единичная запись вертепной песни «Христос Спаситель в полночь родился» из с. Сарминский Майдан.

области фольклора уделено всего лишь полторы страницы текста: автором предельно сжато перечисляются отдельные сюжеты записанных в районе быличек (о колдунах, о ходячих покойниках, о происшествиях на Святках) (с. 70–71).

Этими главами исчерпывается аналитическое содержание книги. В ее приложении «Песни и инструментальные наигрыши» публикуются тексты музыкально-песенного фольклора Вознесенского района¹⁹. В нем представлены образцы календарно-обрядового фольклора, свадебного фольклора (свадебных песен и причитаний), похоронных причитаний, хороводных и плясовых песен, лирических песен, духовных стихов, детского фольклора, а также инструментальных наигрышей²⁰. Тексты сопровождаются нотными расшифровками. В комментариях указываются место и время записи, сведения об информанте и собирателях. Кроме того, в отдельных случаях приводится информация об обрядовом контексте и музыкально-хореографических особенностях исполнения.

При этом некоторые из опубликованных текстов имеют компилиативный характер²¹. В комментарии к тексту святочной обходной песни «Как прoyer этого двора разливалася вода» (№ 2, с. Сарминский Майдан, 2016 г.) О.В. Иванова сообщает, что она восстановила начало песни по более ранней записи 1978 г. из этого же села. Или, например, текст весенней заклички (№ 14, с. Мотызлей, 2016 г.), как мы узнаем из комментария, был составлен ею из двух частей: начало заклички записано от одного информанта, окончание текста – от другого²². Создание такого рода компиляций на современном этапе развития фольклористики мы считаем недопустимым.

В заключении монографии автор повторяет свой вывод о том, что на исследуемой территории сложилась единая в типологическом отношении нижнемокшанская культурная традиция. Она выходит за пределы географических границ Вознесенского района, являющегося ее центром. Целостность этой традиции О.В. Иванова видит в единстве календарно-обрядового фольклора, общей системе жанров и родственных напевов, инструментальной музыки,

¹⁹ Многие из них были ранее опубликованы в другой книге О.В. Ивановой «Календарно-обрядовый фольклор и инструментальная музыка русских сел нижнего течения реки Мокши» [Иванова 2020].

²⁰ При этом, вопреки утверждению О.В. Ивановой о представлении в книге полной жанровой картины фольклора Вознесенского района, читатель в этом приложении не найдет ни описаний обрядов, ни текстов несказочной прозы.

²¹ № 2, 5, 9 (вариант), 13 (вариант), 14, 21, 27, 38, 50.

²² Оба варианта заклички были записаны в с. Мотызлей в 2016 г. от двух жительниц этого села (с. 97).

однотипности быта и хозяйствования и т. д. Но выделение нижнемокшанской традиции она осуществляет, опираясь в основном на песенный фольклор. Автор пишет, что изучаемую ею традицию отличает от традиции Выксунского района Нижегородской области наличие на территории последнего записей лирической песни «Петербургская дорожка» – для нижнемокшанской традиции она нехарактерна. В появлении в репертуаре районов, граничащих с Вознесенским на севере, песни «Поплыл милый дружок по речке» О.В. Иванова видит следы соприкосновения с фольклором центральных районов Нижегородской области. А бытование в Ермишинском и Кадомском районах веснянок с зачином «Лето, лето, поди сюда» она связывает с традицией северных районов Рязанской области (с. 81–82).

Надо сказать, что автор книги также отмечает переходный характер нижнемокшанской традиции. Переходность, по ее мнению, проявляется, в неоднородности говоров (смешении оканья и аканья, чоканья и цоканья), неоднородности свадебной обрядности, в отсутствии определенного единства в народном костюме. О.В. Иванова вполне обоснованно объясняет это поздним заселением русскими этой территории²³.

Подведем итоги. Из нашего разбора становится ясно, что наиболее проработанной частью данной монографии являются главы, посвященные музыкально-песенному фольклору и инструментальной музыке Вознесенского района. При этом обрядовой практике и несказочной прозе в издании оказалось уделено существенно меньшее внимание. Такое положение дел не позволяет нам согласиться с тезисами О.В. Ивановой о том, что ее книга «представляет собой опыт комплексного изучения нижнемокшанской традиции», а также о том, что в работе «представляется полная жанровая картина исследуемого региона». Вопреки желанию автора, рецензируемая монография не может считаться изданием,

²³ Заметим, что О.В. Иванова не первый исследователь, который выделяет фольклор Вознесенского района как часть отдельной традиции. Так, К.Е. Корепова еще в 2009 г. в уже упоминаемой выше монографии о календарных обрядах и праздниках Нижегородского Поволжья отметила на территории Нижегородской области три фольклорных зоны: северную, центральную и южную. А в составе южной зоны особо – западную территорию в бассейне правых притоков р. Мокши (Вознесенский и Дивеевский р-ны) [Корепова 2009, с. 402–403]. Кроме того, К.Е. Корепова выделила такой признак всей южной зоны, а не только территории Вознесенского района, как «очаговое или дискретное распространение ритуалов», что находит свое подтверждение в выводе автора книги о «переходности» изучаемой ею традиции.

в котором было представлено описание всей фольклорной традиции Вознесенского района. Исходя из степени разработанности ее музыкально-песенной составляющей и в полном соответствии с названием она прежде всего является книгой о музыкальном фольклоре Вознесенского района.

Список сокращений

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Литература

- Иванова 2020 – Иванова О.В. Календарно-обрядовый фольклор и инструментальная музыка русских сел нижнего течения реки Мокши. М.: Московская консерватория, 2020. 88 с.
- Корепова 2009 – Корепова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 481 с.
- Корепова 2019 – Корепова К.Е. Русская свадьба в Нижегородском Поволжье. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 663 с.
- Шеваренкова 2021 – Шеваренкова Ю.М. Православная история Дивеевского края в преданиях и легендах XX–XXI вв. Н. Новгород: Педагогические технологии, 2021. 718 с. (Фольклорное наследие Нижегородского края; т. 3: Фольклор Дивеевского района Нижегородской области; ч. 3)

References

- Ivanova, O.V. (2020), *Kalendarno-obryadovyj fol'klor i instrumental'naya muzyka russkikh sel nizhnego techeniya reki Mokshi* [Calendar-ritual folklore and instrumental music of Russian villages of the lower reaches of the Moksha River], Moskovskaya konservatoriya, Moscow, Russia.
- Korepova, K.E. (2009), *Russkie kalendarnye obryady i prazdniki Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Russian calendar rituals and holidays of the Nizhny Novgorod Volga region], Tropa Troyanova, Saint Petersburg, Russia.
- Korepova, K.E. (2019), *Russkaya svad'ba v Nizhegorodskom Povolzh'e* [Russian wedding in Nizhny Novgorod Volga region], Izdatel'stvo NNGU, Nizhniy Novgorod, Russia.

Shevarenkova, Yu.M. (2021), *Pravoslavnaya istoriya Diveevskogo kraya v predaniyakh i legendakh XX–XXI vv.* [The Orthodox history of the Diveevo region in the traditions and legends of the 20th – 21st centuries], Pedagogicheskie tekhnologii, Nizhniy Novgorod, Russia.

Информация об авторе

Антон Н. Каракулов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; *Anton-1088@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0000-7686-0777

Information about the author

Anton N. Karakulov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *Anton1088@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0000-7686-0777

УДК 82.09:398(470.47)
DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-173-180

Рецензия на книгу: *Манджиева¹ Б.Б.*
Калмыцкий героический эпос «Джангар»:
эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева.
Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 412 с.

Тамара Г. Басангова
Калмыцкий государственный университет,
Элиста, Россия, basangova49@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21 июня 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Басангова Т.Г. [Рец.:] *Манджиева Б.Б. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 412 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 173–180.*
DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-173-180

Book review: *Mandzhieva B.B.*
Kalmytskii geroicheskii epos «Dzhangar»:
epicheskii repertuar dzhangarchi Teltya Lidzhieva
[The Kalmyk heroic epic “Dzhangar”:
The epic repertoire of dzhangarchi Telya Lidzhiev],
Elista: KalmNTs RAN, 2024. 412 p.

Tamara G. Basangova
Kalmyk State University, Elista, Russia, basangova49@yandex.ru

Received: June 21, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Basangova, T.G. (2025), [Book review]: “*Mandzhieva B.B. Kalmytskii geroicheskii epos «Dzhangar»: epicheskii repertuar*

© Басангова Т.Г., 2025

¹ Манджиева Б.Б. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы ФБУН «Калмыцкий научный центр».

dzhangarchi Teltya Lidzhieva [The Kalmyk heroic epic ‘Dzhangar’: The epic repertoire of dzhangarchi Teltya Lidzhiev], Elista: KalmNTs RAN, 2024. 412 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 173–180, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-173-180

Монография посвящена исследованию эпического репертуара калмыцкого джангарчи Телтия Лиджиева, записанного фольклористом Н.Ц. Биткеевым² летом 1970 г. в совхозе «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР в фольклорной экспедиции. Со времени записи репертуара сказителя прошло пятьдесят лет, аудиозаписи двенадцати песен, хранившиеся в архиве Калмыцкого научного центра (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. оп. 1. Фонозаписи. Кассеты № 97–100), но уже в плохом качестве, тем не менее удалось расшифровать, и в данной монографии они вводятся в научный оборот. По всей видимости, Н.Ц. Биткеев также расшифровал записанный им сказительский репертуар для защиты докторской диссертации на соискание степени кандидата филологических наук по теме «Джангар в записях от Ээлян Овла³ и Телтия Лиджиева (эпический певец и традиция)», но они не доступны для других исследователей, хотя, может быть, хранятся в домашнем архиве исследователя. Эпический репертуар Телтия Лиджиева до сих пор не был опубликован. Репертуар Телтия Лиджиева представляет собой позднюю традицию героического эпоса калмыков, введение ее в научный оборот имеет важное значение для изучения эпического наследия монголоязычных народов.

Предметом исследования являются аудиозаписи эпоса «Джангар», текстология и поэтика песен из репертуара Телтия Лиджиева, сюжеты и мотивы, преемственность эпической традиции, сохранность текста во времени, художественно-изобразительные средства в разновременных записях. Целью работы является введение в научный оборот уникальных записей «Джангара» поздней традиции, их текстологическое исследование, выявление общности эпической традиции и поэтико-стилевого своеобразия эпического репертуара джангарчи Телтия Лиджиева.

Новизна работы состоит во введении в научный оборот неизданных фольклорных материалов, значимых для сохранения, воз-

² Биткеев Н.Ц. (1943–2013) – доктор филологических наук, профессор.

³ Ээлян Овла (1874–1920) – калмыцкий сказитель-джангарчи, со слов которого было записано главное фольклорное поэтическое произведение калмыцкого народа – «Джангар».

рождения и обогащения культурного наследия калмыков. В ней впервые проведен сравнительный анализ прологов «Джангара» из эпических репертуаров известного сказителя-джангарчи Ээлян Овла и Телтя Лиджиева с целью выявления устойчивости эпического текста во времени. Вслед за Н.Ц. Биткеевым автор монографии Б.Б. Манджиева исследует процесс формирования репертуара сказителя Телтя Лиджиева, перенявшего песни от Окона Бадмаева, который усвоил поэмы от Окона Шараева, племянника сказителя Ээлян Овла (Окон Шараев – Окон Бадмаев – Телтя Лиджиев) (с. 16–17). Учителем сказителя Телтя Лиджиева также является сказитель Менкнасун Бадмаев⁴, от которого он выучил «Песнь о поединке льва[-богатыря] Улан Хонгора Прекрасного со Свирапым Шара Гюргю», принадлежавшую Малодербетовскому циклу (1862 г.) и «Долан үйдэн юмнд даргдго догши Хар Кинэслэ Эср Улан Хоңр бээр бэрлдсн болг» («Песнь о поединке Улан Хонгора Необыкновенного с непобедимым в семи поколениях свирепым Хара Кинесом»), относящуюся к Багацохуровскому циклу (1857 г.).

Монография состоит из двух частей: в первой части автором проведено исследование песен джангарчи Телтя Лиджиева, во второй части представлены расшифрованные Б.Б. Манджиевой тексты эпического репертуара сказителя. Исследовательская часть состоит из трех глав: 1. Эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева; 2. Сюжетосложение и мотивы эпических песен Телтя Лиджиева; 3. Текстология эпических песен джангарчи Телтя Лиджиева, заключения и приложения, в котором даются таблицы по синоптическому анализу текстов песен. В исследовании раскрыты особенности сюжетосложения песен, рассмотрена специфика мотивов в устойчивой последовательности эпического сюжета, проанализирована текстовая сохраняемость во времени, проведен сравнительный анализ поэтико-стилевых особенностей в разновременных записях. В монографии неоднократно указывается Ээлян Овла как учитель сказителя Телтя Лиджиева, однако в тексте упоминается сказитель Окон Шараев, племянник Ээлян Овла, который помог усвоить его репертуар. Окон Шараев передает свой сказительский репертуар Окону Бадмаеву, от которого, по мнению исследователей, обучился исполнению эпоса «Джангар» Телтя Лиджиев⁵. В этой связи подлинным учителем, без посредников, является Менкнасун Бадмаев, ибо они виделись на конкурсе джангарчи в 1940 г. во время

⁴ Менкнасун Бадмаев (1894–1944) – сказитель-джангарчи.

⁵ История калмыцкой литературы. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1981. 336 с.

празднования 500-летия калмыцкого эпоса «Джангар»⁶. Талант джангарчи Телтя Лиджиева был высоко оценен, он занял третье место, уступив двум таким прославленным рапсодам, как Муке-бюон Басангов и Дава Шавалиев. Телтя Лиджиев был участником Великой Отечественной войны, во время Сталинградской битвы был дважды ранен. После тяжелого ранения Телтя Ульянович вернулся домой, но вскоре вместе со своим народом подвергся насилиственной депортации в Сибирь (1943–1957). В ссылке калмыки оказались бесправными во всем, даже в общении на родном языке. Но джангарчи не забывал эпос, он хранил его в памяти, и, когда калмыки вернулись в родные степи, Телтя Лиджиев вновь стал исполнять «Джангар».

В эпический репертуар Телтя Ульяновича Лиджиева входят следующие песни-поэмы, легшие в основу исследования:

Оршл («Пролог») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 97 [106]);

1. «Алтн Чееж Жанһр хойрин бээр бэрлдсн бөлг» («Песнь о поединке Алтан Чеджи и Джангара») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 97 [106]);

2. «Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Монхля Жанһирин түмн нээмн миңһн цусн зеерд агт көөсн бөлг» («Песнь о том, как внук Дутхулы, сын Дуты Аля Монхля угнал восемнадцатицальный табун кроваво-рыжих скакунов») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16 Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98 [107]);

3. «Арслнгийн Эср Улан Хонһр арг Манзэн Буурлта Ээх Догшин Маңна хаанла бээр бэрлдсн бөлг» («Песнь о поединке льва<-богатыря> Улан Хонгора Прекрасного с устрашающе грозным Мангна-ханом, имеющим красивого Манзана Бурала») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98 [107]);

4. «Күнд Һарта Саврин бөлг» («Песнь о <богатыре> Саваре Тяжелоруком») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98 [107]);

5. «Орчлнгийн сээхн Минъян Түрг хаани түмн шар цоохр агт көөсн бөлг» («Песнь о том, как Прекраснейший в мире Мингъян пригнал десятицальный табун золотистых скакунов Тюрк-хана») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98 [107], начало – № 99 [108], продолжение);

6. «Орчлнгийн сээхн Минъян күчтэ Күрмн хааг әмдэр кел бэрж ирсн бөлг» («Песнь о пленинии Прекраснейшим в мире

⁶ Манджиеева Б.Б. Хальмт баатрлг дуулвр «Жанһр»: Шавалин Даван дуһргин шинжллт болн текстмүд = Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 264 с. (на калм. яз.).

Мингъяном могучего Кюрмен-хана») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 99 [108]);

7. «Хоңгирин геравлїнабөлг» («Песнь о женитьбе Хонгора») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 97 [106]);

8. «Буурл Һалзян мөртә Бульчирин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг» («Песнь о Булингира <сыне – > Строгом Смуглом Санале, имеющем скакуна Бурал Галзан») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 97 [106], начало – 98 [107], продолжение];

9. «Баатр Хар Жилһнлә арслын Арг Улан Хоңғир бәэр бәрлдсн бөлг» («Песнь о поединке льва<-богатыря> Улан Хонгора Прекрасного с богатырем Хара Джилганом») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98 [107]);

10. «Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шонхр нурвна бөлг» («Песнь о трех богатырях – Хошун Улане, Джилгане и Аля Шонхоре») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16 Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98 [107]);

11. «Арслын Арг Улан Хоңғир Догшн Шар Гүргүлә бәэр бәрлдсн бөлг» («Песнь о поединке льва<-богатыря> Улан Хонгора Прекрасного со Свирапым Шара Гюргю») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 99 [108], начало – № 100 [109], продолжение);

12. «Долан үйдән юмнән даргеддго догшн Хар Кинәслә Эср Улан Хоңғир бәэр бәрлдсн бөлг» («Песнь о поединке Улан Хонгора Необыкновенного с непобедимым в семи поколениях свирепым Хара Кинесом») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 100 [109]).

Таким образом, эпический репертуар Телтя Лиджиева составляют известные песни «Джангара» великого рапсода Ээлян Овла, выученные через посредников. Сведений о грамотности Телтя Лиджиева не существует, рецензент не исключает, что на формирование сказительского репертуара повлияли публикации героического эпоса репертуара Ээлян Овла⁷.

Во второй главе монографии раскрыты особенности сюжетосложения песен, проанализирована специфика мотивов песен в устойчивой последовательности эпического сюжета, проведен сравнительный анализ поэтико-стилевых особенностей в разновременных записях песни о Шара Гюргю. Песни «Джангара» в исполнении Телтя Лиджиева выстроены по следующей схеме: 1. Героическая коллизия. 2. Выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход). 3. Преодоление пути (претерпевание препятствий).

⁷ Җаңғир: Хальмг героическ эпос / ясврнъ Басңа Б.; нүрүгнъ О.И. Городовиковин; зурач В.А. Фаворский; АНССР, Ин-т востоковедения; Калм. НИИЯЛИ. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 363 с.

4. Героический подвиг. 5. Восстановление мира. В эпическом репертуаре Телтя Лиджиева сохранились архаические (сказочно-мифологические) мотивы: смены обличия, предназначенног о оружия (коня), обладания чудесными свойствами коня (оружия, богатыря), чудесного исцеления богатыря, неуязвимости, внешней души, иного мира, предсказания. Наряду с архаическими мотивами, связанными с представлениями о магических свойствах, выявляются и другие мотивы, стадиально относимые к эпосу государственной формации: мотив единства богатыря (конь – оружие – герой), богатырского сватовства, получения приданого, отправления богатыря в путь, угона табуна, предъявления ультиматума, скачек, стрельбы из лука в погоне, преследования богатыря, пребывания богатыря в ставке антагониста и др. В результате анализа героических песен из репертуара Телтя Лиджиева автор сделала вывод, что сюжетообразующие мотивы строятся по единой модели и имеют нерасторжимую связь между собой.

Третья глава монографии посвящена текстологическому изучению эпоса, в основу анализа положены Пролог эпоса «Джангар» и разновременные записи песни о Шара Гюргю, которые рассмотрены в сравнительном аспекте. Автором проведено синоптическое исследование четырех текстов Пролога из репертуара Ээлян Овла и Телтя Лиджиева, выявившее их сохранность и вариативность как в вербальном, так и композиционном отношении (с. 66–77). Исходя из синоптического анализа Пролога, автор монографии приходит к выводу, что Телтя Лиджиев, «исполняя эпос, стараясь придерживаться консервативности “школы”, следя канонам предшественников, используя традиционный и стандартизованный набор сюжетов, стилистические и композиционные приемы» (с. 77).

В параграфе 3.2. данной главы исследован механизм передачи текста эпоса от учителя к ученику. В этой связи автором монографии взяты для сопоставления два текста из калмыцкого героического эпоса «Джангар»: 1) «Песнь о том, как лев<-богатырь> Улан Хонгор Прекрасный в смертельно опасном походе сокрушил устрашающее грозного Мангна-хана, владеющего чалым конем Араг Манзаном, и подчинил <его> правителю, богда Джангару»⁸, записанная Номто Очировым в 1908 г. у джангарчи Ээлян Овла в аймаке Ики-Бухус Бага-Дербетовского улуса Астраханской губернии (ныне п. Ики-Бухус Малодербетовского района Республики Калмыкия); 2) «Песнь о поединке льва<-богатыря> Улан Хонгора Прекрасного с устрашающим грозным Мангна-ханом, имеющим

⁸ Джангар: Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А.Ш. Кичиков; ред. Г.И. Михайлов. М.: Наука, 1978. Т. 1. С. 393–405.

красивого Манзан Бурала» (НАКалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1), записанная Н.Ц. Биткеевым в июне 1970 г. у джангарчи Телтя Лиджиева в совхозе «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР (ныне п. Эрдниевский Юстинского района Республики Калмыкия). Исследована сюжетно композиционная структура песни в исполнении Ээлян Овла, которая состоит из тридцати семи элементов (448 строк), эпическая песня в исполнении Телтя Лиджиева из тридцати четырех элементов (314 строк). Синоптический анализ показал, что сказители имеют свой общий «мотивный фонд», который сохранился в их памяти, только в некоторых случаях в репертуаре Телтя Лиджиева обнаруживаются перестановки темы, что говорит о проявлении самобытности. В таком же ключе исследованы разновременные записи песни о Шара Гюргю, здесь впервые представлена запись от сказителя Михаила Манджиева⁹. Исследуя типические места в разновременных записях (20 образцов), автор монографии заключает, что сказители воспроизводят песню о Шара Гюргю в рамках традиции, но есть и различия в сюжетно-композиционной структуре.

Система художественных средств, исследованная в четвертой подглаве, представлена гиперболами, сравнениями и эпитетами, бытующими в разновременных записях. Традиционно используются так называемые «цветовые эпитеты»: *белый, черный, красный, синий, желтый, золотой, серебряный* – в обозначении предметного мира эпоса. Главный герой песни характеризуется как *славный, прославленный, величественный, храбрый, искусный*. Одним из важнейших средств идеализации героя эпоса является гипербола в описании боя богатырей, при описании коня героя, пространства, которое преодолевает богатырь. Сравнение как художественно-изобразительное средство в большей степени свойственно песне о Шара Гюргю Малодербетовского цикла, в поздних версиях Телтя Лиджиева и М. Манджиева сравнение почти утрачено, автор заключает, что «сказители стремились сохранить сюжетную канву эпоса, применяя поэтические формулы» (с. 159). По всей видимости, уже в поздних записях наблюдается некоторое угасание эпической традиции, заключающееся в утрате изобразительных средств.

Научный интерес представляет раздел монографии, в котором опубликованы тексты песен эпоса «Джангар» из репертуара Телтя Лиджиева (с. 237–380). Приходится сожалеть о том, что

⁹ Песнь о Шара Гюргю сказителя Михаила Манджиева, зафиксированная Н.Ц. Биткеевым, Э.Б. Оваловым, Н.Б. Сангаджиевой 24–25 августа 1971 г. в с. Камышово Лиманского района Астраханской области (Архив КалмНЦ. Ф. 16. Оп. 1. Кассета № 112 [121]).

Н.Ц. Биткеев не оставил воспоминаний об обстоятельствах записи от Телтя Лиджиева.

Таким образом, Б.Б. Манджиевой введен в научный оборот репертуар сказителя, проведено текстологическое исследование отдельных глав с позиции передачи текста от «учителя к ученику». Наличие фонозаписей репертуара Телтя Лиджиева открывает возможности для комплексного изучения сказительского искусства певца-джангарчи. Творчество Телтя Лиджиева проходило на фоне таких исторических событий, как Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), ссылка калмыков в Сибирь (1943–1957 гг.), но сказитель, будучи исполнителем и свидетелем живого бытования эпоса в 40-е годы прошлого столетия, сумел его сохранить во время празднования 500-летия героического эпоса «Джангар».

Информация об авторе

Тамара Г. Басангова, доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия; 358000, Россия, Республика Калмыкия, Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11; *basangova49@yandex.ru*

ORCID ID: 0000-0002-4415-3530

Information about the author

Tamara G. Basangova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Kalmyk State University, Elista, Russia; 11, A.S. Pushkin St., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; *basangova49@yandex.ru*

ORCID ID: 0000-0002-4415-3530

УДК 82.09(517.3)
DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-181-185

Рецензия на книгу: *Цендина А.Д.*
Жизнь, отраженная в текстах: народная магия монголов
(конец XVI – начало XX в.): Приметы, сонники,
гадательные книги, обереги, заклинания, моления.
М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2024. 536 с.
(Orientalia et Classica; вып. 9).

Анна А. Туранская

Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия, a.turanskaya@iccaras.ru

Дата поступления статьи: 16 февраля 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Туранская А.А. [Рец.:] Цендина А.Д. Жизнь, отраженная
в текстах: народная магия монголов (конец XVI – начало XX в.): Приметы,
сонники, гадательные книги, обереги, заклинания, моления.
М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2024. 536 с. (Orientalia et
Classica; вып. 9) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025.
Т. 8. № 4. С. 181–185. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-181-185

Book review: *Tsendina A.D.*
Zhizn', otrazhennaya v tekstakh: narodnaya magiya mongolov
(konets XVI – nachalo XX v.):
Primety, sonniki, gadatel'nye knigi, oberegi, zaklinaniya,
moleniya [Life reflected in texts. Folk magic of the Mongols
(late 16th to early 20th century). Omens, dream books,
fortune-telling books, amulets, spells, and prayers], Moscow:
Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2024. 536 p.
(Orientalia et Classica; iss. 9)

Anna A. Turanskaya

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, a.turanskaya@iccaras.ru

Received: February 16, 2025

Date of publication: December 26, 2025

© Туранская А.А., 2025

For citation: Turanskaya, A.A. (2025), [Book review]: “Tsendina A.D. Zhizn’, otrazhennaya v tekstakh: narodnaya magiya mongolov (konets XVI – nachalo XX v.): Primety, sonniki, gadatel’nye knigi, oberegi, zaklinaniya, moleniya [Life reflected in texts. Folk magic of the Mongols (late 16th to early 20th century). Omens, dream books, fortune-telling books, amulets, spells, and prayers], Moscow: Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2024. 536 p. (Orientalia et Classica; iss. 9)”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 181–185, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-181-185

Книга Анны Дамдиновны Цендиной, известного востоковеда, доктора исторических наук, профессора Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, представляет собой впечатляющий итог многолетнего труда по исследованию народной магии монголов¹. Вышедшая в свет книга уникальна для российского монголоведения: «обыденная жизнь монголов, их вера в чудесное и каждодневная религиозная практика» исследованы не с точки зрения этнографии / социальной антропологии, а через призму сохранившихся рукописных текстов.

Главным достоинством книги, безусловно, является обилие тщательно подготовленных к публикации текстов, прежде не нашедших заметного отражения и должного внимания в монголоведении. Между тем эти сочинения, находившиеся на «периферии» монгольской словесности, наиболее масштабно представленной буддийскими каноническими и «околоканоническими» литературными и историографическими памятниками, были, по всей вероятности, одними из самых востребованных текстов письменной традиции.

Сочинения, включенные в монографию, автор объединил не по жанровому, а по географическому принципу. Для исследования были отобраны тексты, обнаруженные и использовавшиеся в Северной Монголии, или Халхе, которые в настоящее время хранятся в двух значимых, но труднодоступных для исследователей собраниях Улан-Батора: коллекции знаменитого монголоведа Ц. Дамдинсурэна (1908–1986) и частном собрании его ученика Р. Отгонбаатара. Собранные этими учеными коллекции содержат богатый материал, дающий многогранное представление о бытованиях сочинений, связанных с бытовой или народной магией монголов.

Заявленные хронологические рамки охватывают период с конца XVI до начала XX в. Точная датировка большинства

¹ Помимо докладов на различных конференциях, автором были опубликованы статьи: [Цендина 2019a; Цендина 2019b; Цендина 2021].

включенных в издание текстов, как и установление их авторства, практически невозможна. Большинство рукописей, приведенных в монографии, а также в меньшей степени ксилографические издания являются списками XIX–XX вв. Однако очевидно, что сами тексты имеют более раннее происхождение.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений, включающих транслитерацию текстов и их факсимильные копии. Последние великолепно дополняют монографию, позволяя уточнить интерпретацию автором отдельных фрагментов опубликованных текстов.

Глава 1 – «Прогностические тексты» – содержит исторический обзор бытования текстов о предсказании будущего в монгольской литературной традиции. Она представлена разнородными текстами, структурированными в две группы. Первая группа связана с поведением человека, животных и птиц, их внешним видом, характером и поведением в зависимости от времени суток. Вторая, более многочисленная группа, относится к «народной» астрологии. Эти тексты не только объясняют судьбу, характер, склонности и дарования человека, исходя из года, месяца и дня его рождения, но и дают рекомендации по выбору действий с учетом дат. В этой же главе дано пространное описание монгольской версии китайского альманаха «Записи нефритовой шкатулки», включающего различные гадания, приметы и амулеты для защиты жизни, который получил широкое распространение среди монгольских народов. Особого внимания заслуживает раздел о текстах-сонниках, которые представляют собой своеобразную квинтэссенцию прогностических представлений монголов о трансцендентном знании.

В главе 2 – «Гадания» – рассматриваются тексты монгольской мантии, предназначенные для предсказания будущего и определения различных жизненных ситуаций. С их помощью можно было узнать исход болезни, определить пол будущего ребенка, найти местонахождение заблудившегося или украденного скота и многое другое. В этих практиках использовались материальные предметы для жеребьевки, такие как кости животных (остеомантия), кубики, камни, палочки, карточки и монеты (клеромантия).

Глава 3 содержит анализ текстов, посвященных разнообразным способам защиты жизни, которые существовали вне рамок ламской и шаманской практик. Сочинения, включенные в монографию, распределены по трем разделам: лечебники-домы, обереги и заговоры. Несмотря на условность такого деления, эти тексты охватывают различные аспекты «народной» магии. Лечебники-домы описывают как магические, так и немагические методы лечения людей и скота. Обереги и талисманы имеют графи-

ческое выражение и предназначены не только для излечения от болезней, но и для предотвращения напастей. «Заговоры» содержат магические формулы, дхарани и мантры, которые следует произносить вслух, чтобы добиться благополучия и устраниТЬ различные препятствия и болезни, приписываемые воздействию духов и демонов.

Особого упоминания заслуживает глава 4 – «Магия и новая власть». В ней скрупулезно описаны выявленные автором, ранее неизвестные магические тексты – песня-проклятие и заклятие, написанные в послереволюционный период. Эти сочинения наглядно демонстрируют, что магические представления монголов не исчезли с провозглашением новой власти в 1921 г. Монголы продолжали активно использовать сонники, гадания, обереги, а также письменные руководства по их применению, несмотря на изменения в политической и социальной жизни.

Исследование А.Д. Цендиной, основанное на текстах повседневной «внечерковной» магии, представляет бесспорную научную ценность и открывает новые подходы к решению многих вопросов истории повседневности халхасцев. Характерной особенностью источниковедческой базы последней является ее неполнота. Собрать тексты, которые бы в полном объеме отражали все представления населения Монголии о «чудесном», невозможно, поскольку далеко не все повседневные религиозные практики и магические ритуалы сохранились или были зафиксированы в письменном виде. Тем не менее в монографии А.Д. Цендиной включено большое количество сочинений, в том числе и на тибетском языке, до сих пор остававшихся за рамками публикаций в связи с их предполагаемой малозначительностью или недоступностью. Книга дает удивительно полное, хотя и не исчерпывающее представление о сохранившихся письменных источниках, связанных с каждодневными магическими практиками монголов Халхи вплоть до 20-х годов XX в.

Особую ценность представляют выводы автора о гетерогенности отраженных в текстах традиций – добуддийских, буддийских (индийских и тибетских) и китайских. Теоретическое осмысление проблемы иноязычного влияния на, вероятно, самую востребованную монгольскую письменную традицию, предпринятое А.Д. Цендиной, стало во многом новым, значимым шагом в изучении литературного наследия монголов. В определенном смысле монография подводит концептуальный итог изучения письменных памятников «народных» обрядовых практик Монголии.

Отличительной чертой всех книг А.Д. Цендиной является неповторимый авторский стиль, увлекательное, а порой даже авантюрное изложение деталей. Не является исключением и книга

«Жизнь, отраженная в текстах: народная магия монголов (конец XVI – начало XX в.). Приметы, сонники, гадательные книги, обереги, заклинания, моления», которая представляет интерес не только для специалистов по монгольской культуре и литературе, но и для антропологов, филологов, а также исследователей религиозных и литературных традиций других народов.

Литература

- Цендина 2019а – Цендина А.Д. Монгольское сочинение о гадании по приметам из собрания Рукописного фонда Института восточных рукописей РАН // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 2. С. 263–278.
- Цендина 2019б – Цендина А.Д. Дацдорж – лама-молитва (устные легенды о магической силе священного слова) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 31–44.
- Цендина 2021 – Цендина А.Д. Гадания по хулилам среди монголов // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 550–567.

References

- Tsendina, A.D. (2019), “A Mongolian manuscript on divination by omens from the collection of the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS”, *Oriental Studies*, vol. 12, no. 2, pp. 263–278.
- Tsendina, A.D. (2019), “Dashdorj – the lama who was a prayer (oral legends about magic powers of the holy word)”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 3, pp. 31–44.
- Tsendina, A.D. (2021), “Dicination with khulil as practiced by the Mongolians”, *Oriental Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 550–567.

Информация об авторе

Анна А. Туранская, кандидат филологических наук, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 32; *a.turanskaya@iccaras.ru*

ORCID ID: 0000-0003-4293-5771

Information about the author

Anna A. Turanskaya, Cand. of Sci. (Philology), Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; *a.turanskaya@iccaras.ru*

ORCID ID: 0000-0003-4293-5771

УДК 82.09
DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-186-192

Рецензия на книгу:
Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь:
Рассказы калмыков о ссылке.
М.: ИЭА РАН, 2024. 466 с.

Дария А. Агеева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, adar11ag@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29 марта 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Агеева Д.А. [Рец.:] Гучинова Э.-Б. У каждого своя Сибирь: Рассказы калмыков о ссылке. М.: ИЭА РАН, 2024. 466 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 186–192. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-186-192

Book review:
Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoya Sibir': Rasskazy kalmykov o ssylke [Everyone has their own Siberia. Kalmyks' stories about exile], Moscow: IEA RAN, 2024. 466 p.

Dariya A. Ageeva

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, adar11ag@yandex.ru

Received: March 29, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Ageeva, D.A. (2025), [Book review]: "Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoya Sibir': Rasskazy kalmykov o ssylke" [Everyone has their own Siberia. Kalmyks' stories about exile], Moscow: IEA RAN, 2024. 466 p.", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 186–192, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-186-192

© Агеева Д.А., 2025

Новая книга доктора исторических наук Э.-Б.М. Гучиновой «У каждого своя Сибирь: Рассказы калмыков о ссылке» посвящена важной, однако до сих пор недостаточно исследованной теме депортации калмыков в Сибирь (1943–1956 гг.) и памяти о ней.

Издание состоит из двух частей. Первая включает предисловие, написанное доктором исторических наук, академиком В.А. Тишковым, введение и четыре главы, посвященные анализу нарративов о депортации и языку травмы. Во второй части представлены тексты двадцати шести интервью, записанных автором от калмыков, которые были высланы.

В первой главе дана общая характеристика анализируемых рассказов о депортации, подробно описаны возрастные когорты рассказчиков, специфика их повествования и избирательность памяти о Сибири.

Среди своих собеседников Э.-Б. Гучинова выделяет три когорты. Первая объединяет калмыков, высланных в возрасте от двенадцати лет и старше. Их социализация прошла в Калмыкии. Представители этой когорты подробно рассказывают о жизни до войны, дне выселения и пути в Сибирь. В воспоминаниях этих людей отпечатались фамилии и имена комендантov, у которых им нужно было регулярно отмечаться. Во вторую когорту попали высланные в возрасте приблизительно от пяти до двенадцати лет. Многие представители второй когорты прошли социализацию в двух средах: еще дома на калмыцком языке и на русском уже среди сибирского населения. Они рассказывают об отношениях с учителями и одноклассниками в школе, о стратегиях адаптации к большому обществу, о выборе вуза и трудностях поступления и, наконец, о возвращении в Калмыкию, которая не сразу пришла по им душе. Концентрация травматического в рассказах второй когорты выше, чем у первой и третьей когорт. В их рассказах травма проявляется через воспоминания о голоде, всевозможных лишениях, болезнях и множестве смертей. Третья когорта объединяет детей, которые были еще совсем маленькими, когда покидали Калмыкию, и тех, кто родился уже в ссылке. Их социализация прошла в Сибири. Они родились после войны, не знали трудностей депортации и голода первых лет, но испытывали проблемы со своей этнической идентификацией, для формирования которой у них не было практически ничего. Материальная и духовная культура, фольклор калмыков были недоступны им во времена взросления.

Повествование о депортации ведется на двух языках: русском и калмыцком. Последний автор называет «языком темы». Рассказчики переходили на калмыцкий, когда говорили об особенно щепетильных вопросах, потому что на русском (официальном) языке такие темы не обсуждаются. У многих рассказчиков

с сибирских времен осталась отличительная нарративная черта: уточнение, на каком расстоянии от места проживания находились места, о которых они рассказывают. Так отражается реакция на длительное ограничение в свободе передвижения: калмыкам запрещалось отходить от дома дальше, чем на пять километров. Другой чертой нарратива о травме является глорификация. Калмыки рассказывают о своих родственниках-фронтовиках, как бы споря с прошлыми обвинениями в измене, показывая готовность их мужчин защищать Родину, которую они никогда не предавали. Почти все тексты о депортации насыщены разными проявлениями телесного.

Во второй главе Э.-Б. Гучинова выделяет встречающиеся в каждом рассказе опорные сюжеты и нарративные сбои. Как правило, повествование начинается с выселения калмыков из их домов во время операции «Улусы» 28 декабря 1943 г., на следующий день после подписания указа «О ликвидации Калмыцкой АССР и образования Астраханской области в составе РСФСР». Многие тогда не понимали, что происходит, а потому не смогли надлежащим образом собраться перед предстоящей дорогой. Кому-то солдаты не позволили этого сделать. В результате люди не только оказались без пищи, теплых вещей и других предметов, необходимых для выживания, но и лишились почти всей материальной культуры своего народа. Часто акцент в воспоминаниях о том дне делается на утрате скота – важной части скотоводческой идентичности. «Лишиться скота, который невозможно было взять с собой, означало потерять труды всей жизни, как, например, сегодня потерять все денежные накопления» (с. 52). Помимо самих рассказов, автор также анализирует язык официальных документов, связанных с депортацией. В них калмыки обозначались максимально обезличенно при помощи таких слов, как «спецконтингент», «живой спецгруз» и даже «товар». Э.-Б. Гучинова отмечает, что дегуманизация вышла за пределы печатного слова и проявилась в отношении солдат к репрессированным.

Дорога в Сибирь – также обязательный сюжет любого рассказа о депортации. В народной памяти она осталась самым тяжелым испытанием – «дорога в две-три недели дала время почувствовать катастрофу, обострила тяготы и опасности экстремальной ситуации» (с. 57). Автор указывает, что воспоминания о дороге в Сибирь напоминают описание классического обряда перехода. Пребывание в вагоне для скота с грубо сколоченными нарами, где были нарушены все базовые нормы жизни, соответствует лиминальной фазе обряда, когда калмыки уже не были полноправными гражданами, но еще не приобрели новый гражданский статус – репрессированной этнической группы. «Если лиминальные состояния

в обрядах перехода были направлены на повышение индивидуальных статусов, в данной исторической ситуации мы имеем дело с понижением группового статуса, что усилило травматичность памяти об этом, вызванную экзистенциальными рисками существования всей группы» (с. 60).

Э.-Б. Гучинова выделяет еще один опорный сюжет: частые упоминания о представителях других народов, оказавшихся в том же положении, что и высланные калмыки. Отношения с ними складывались особым образом. Они разделяли схожую судьбу высланных народов, им не нужно было объяснять друг другу свою невиновность и наложенные на них ограничения. Однако чаще других фигурируют в рассказах русские, особенно те, которые поступали достойнее и человечнее других представителей своего народа.

Важным событием в жизни репрессированного народа, практически лишенного своей культуры и презентации в культуре массовой, стала передача калмыцкой музыки по Всесоюзному радио 10 июня 1956 г. «Калмыцкий концерт» свидетельствовал о прекращении стигматизации калмыцкой культуры. Тогда многие представители третьей когорты впервые услышали калмыцкую музыку.

Последним опорным сюжетом выступает возвращение в Калмыкию. Многие вспоминают радость, которую испытывали старики. Для них возможность вернуться была праздником. Но не все калмыки разделяли по этому поводу схожие эмоции. Анализируя нарратив о возвращении, Э.-Б. Гучинова показывает, что у каждой когорты действительно была своя Сибирь. Для старшего поколения, высланного из дома и помнящего о том, каково это – быть калмыком до 1943 г. – жизнь там была тяжелым этапом, оборвавшим жизнь многим, казавшимся в тот момент бесконечным, но все же подошедшим к концу. Уезжая, они возвращались домой. Однако дети, покинувшие Калмыкию совсем маленькими или родившиеся уже в период депортации, покидая Сибирь, оставляли позади малую родину. Им было трудно привыкнуть к жизни на родине своих предков. У представителей второй и третьей когорт «любовь к сибирской природе, среди которой они выросли, складывалась естественным образом, а любовь к степям Калмыкии должна была родиться и закрепиться в течение некоторого времени», – пишет Э.-Б. Гучинова (с. 79). Вернувшись, они столкнулись с бытовыми отголосками государственных обвинений. Хотя в 1956 г. с калмыков были сняты все ограничения, указ о реабилитации народа так и не появился. В сознании славянских жителей республики осталась память о том, что калмыки были высланы как виновные. Детям еще предстояло пережить ту травму, которую уже пережили их родители.

Третья глава посвящена языку травмы. Автор выявляет свойственную рассказам о депортации образность, грамматику, специфику лексики, исследует прагматику этого языка. Э.-Б. Гучинова указывает на такие признаки травматического в рассказах, как лексика смерти и упоминание разного рода нечистот. Причиной смерти в таких рассказах часто становятся несчастные случаи, которые могли бы быть предотвращены. Они дают понять, что смерть, по крайней мере в первые годы ссылки, подстерегала калмыков на каждом шагу. Тема испражнений, которая отсутствует в рассказах о нормальной жизни, свидетельствует о травматическом воздействии событий давнего прошлого и подчеркивает нечеловеческий статус высланных. О нем также свидетельствуют автосравнения с разными животными и упоминания кризисной еды. В периоды голода калмыкам приходилось есть падаль и животных, не предназначенных для употребления в пищу, тем самым нарушая существующие в культуре табу. Для понимания того, как калмыки ощущали свою идентичность в период репрессий, показательной представляется приводимая Э.-Б. Гучиновой цитата из интервью: «Я – калмычка, а ты – без ноги. Что мы будем за семья?» (с. 94). Принадлежность к «наказанному народу» воспринималась в тот период как ущербность.

Важной особенностью нарратива о депортации, которую выявляет Э.-Б. Гучинова, является то, что сам термин «депортация» используется ее собеседниками гораздо реже, чем слова «ссылька», «высылка» и особенно «выселение», отражающее не столько процесс изгнания из дома, сколько статус репрессированного. Она также отмечает, что некоторые рассказчики стремятся вовсе уйти от терминов, используя почти эзопов язык. Для всех воспоминаний характерно использование безличных глагольных форм, показывающих, что человек, говоря о себе, распространяет этот опыт на все свое сообщество. Другое характерное качество – преобладающее использование пассивного залога, подчеркивающего зависимую роль человека и этнической группы.

В четвертой главе показано, как калмыки запомнили стигму этнической идентичности и в чем состояли их стратегии выживания и адаптации. Э.-Б. Гучинова описывает низовые практики исключения калмыков. Почти в каждом приведенном рассказе упоминаются слухи о каннибализме, которые, как предполагает автор, специально распространялись «сверху», чтобы демонизировать калмыков для местного сибирского населения, маркировать их как «чужих», поскольку обвинение в госизмене для того контингента значило мало. Показателем того, что калмыки в глазах других не обладали полностью человеческим статусом, были подозрения в том, что они понимают язык животных. Монголоидная внеш-

ность была причиной насмешек в неформальной среде. Одним из последствий этого стало изменение представлений о красоте внутри калмыцкой культуры: со временем привлекательной стала считаться наиболее европеоидная внешность. Этничность стала преградой для свободного выбора профессии: спецпереселенцы могли поступать преимущественно в сельскохозяйственные вузы. Стигматизированная калмыцкая культура ушла в приватную сферу. Таким образом скрывались не только элементы материальной и духовной культуры, но и калмыцкие имена, для которых в публичном пространстве создавались русифицированные аналоги. В кризисных условиях, чтобы иметь возможность сохраниться, культурные стандарты должны были быть гибкими. Автор приводит ярко иллюстрирующий эту гибкость пример с девочкой, которой мать позволила в школьные годы вместо одной косы носить две – символ взрослой женщины в калмыцкой культуре. Это было сделано для того, чтобы девочка могла продолжать ходить с длинными волосами, важными для калмыцких женщин, но при этом не выделяться на фоне своих одноклассниц.

Среди стратегий адаптации Э.-Б. Гучинова выделяет свободное владение русским языком, который мог быть использован как язык социальной реабилитации. Тренд на использование русского языка привел к тому, что часть представителей второй и третьей когорт уже не владела калмыцким языком так хорошо, как старшие родственники. Также способами выживания выступали «практики помалкивания», характерные для всех репрессированных семей того времени, и написание коллективных писем. Для того чтобы подобные письма имели успех, необходимо было обладать правовой грамотностью и уметь «говорить по-большевистски». В тяжелых условиях особенно востребованным оказывалось чувство юмора и буддийское смирение. Важной стратегией социальной адаптации было сверхсердие во всем, желание быть достойным членом общества.

Книга «У каждого своя Сибирь. Рассказы калмыков о ссылке», несомненно, представляет большую научную и общественную значимость. Отдельно хочется отметить язык, которым она написана. Э.-Б. Гучинова не уходит в чрезмерную академичность, очень точно и емко использует термины, что делает книгу понятной и доступной для чтения не только фольклористам, этнологам, антропологам, историкам, но и людям, находящимся за пределами научного сообщества. Автору удалось рассказать об очень сложной теме простым языком, оставаясь при этом в строгих исследовательских рамках. Еще одним достоинством работы являются приложенные рассказы о депортации, к чтению и пониманию глубины которых автор постепенно подготавливает читателей

на протяжении всего анализа. Книга поможет не только разобраться в трагических событиях в истории нашей страны, но и станет для кого-то ответом на вопрос о себе, инструментом для проживания травмы, каким она стала для самой Э.-Б. Гучиновой.

Информация об авторе

Дария А. Агеева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; *adar11ag@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0000-5234-3097

Information about the author

Dariya A. Ageeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *adar11ag@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0000-5234-3097

Научная жизнь

УДК 398

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-193-198

Круглый стол «Легенда о “диком (снежном) человеке”»

Маргарита Г. Белодедова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, belmargam@yandex.ru*

Дата поступления статьи: 16 мая 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Белодедова М.Г. Круглый стол «Легенда о “диком (снежном) человеке”» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 193–198. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-193-198

Round table “The Legend of the wild (snow) man”

Margarita G. Belodedova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, belmargam@yandex.ru*

Received: May 16, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Belodedova, M.G. (2025), “Round table ‘The Legend of the wild (snow) man’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 193–198, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-193-198

11 декабря 2024 г. в Центре типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета прошел круглый стол «Дикий (снежный) человек: происхождение,

© Белодедова М.Г., 2025

региональные версии, контексты массовой культуры». Часть представленных докладов была подготовлена участниками научного коллектива, занимающегося исследованием существующего в фольклорных традициях по всему миру персонажа.

Конференцию открыл доклад С.Ю. Неклюдова (РГГУ, РАНХиГС, Москва) «Кластеризация гетерогенных текстов, имеющих значительные дискурсивные различия (модусные, функциональные, жанровые, культурно-языковые)», посвященный методу рассмотрения разнородных по ряду параметров текстов. В докладе была представлена методологическая основа для компаративного изучения и сопоставления между собой текстов, сильно отличающихся как в культурно-языковом, так и в структурном плане. На материале нарративов о «диком человеке» («диких людях») разных традиций С.Ю. Неклюдов предложил классификацию источников, на основе которой их можно сгруппировать по следующим кластерам: 1) фольклорные записи; 2) записки участников экспедиций и путешественников; 3) научные обобщения разных материалов; 4) документальная литература XIX–XX вв. и примыкающие к ней жанры; 5) письменные памятники древности, Средневековья, раннего Нового времени; 6) тексты на изображениях; 7) изображения; 8) ритуальные, церемониальные, игровые практики. Каждый кластер С.Ю. Неклюдов предложил отнести к одной из двух групп: 1) тексты, которые прямо свидетельствуют о традиции, и 2) тексты, которые сами составляют традицию. К первой группе С.Ю. Неклюдов отнес кластеры 1–4, а ко второй – кластеры 5–8. Классификация позволяет применить критерий «достоверность – нестрогая достоверность – вымысел», разработанный Е.М. Мелетинским, к группе текстов, прямо свидетельствующих о традиции.

С исследованием проблемы «дикого человека» на кавказском материале выступила М.М. Кузнецова (РГГУ, Москва). В докладе «Доминантный тип кавказского дикого человека и его место в многообразии локальных образов» исследовательница проследила типы «дикого человека» у разных народов¹ региона и на их основе выделила общий для всех образ этого персонажа. В своей работе М.М. Кузнецова опиралась на 70 текстов традиции из уже опубликованных источников и на разработанную научным

¹ Исследовательница работала с текстами дагестанской (реконстр.), кабардинской, балкарской, карачаевской, талышской, абхазской, азербайджанской, чеченской, ингушской, кумыкской, грузинской, аварской, осетинской, адыгейской, адигской (реконстр.), абазинской и ногайской традиций.

коллективом² методологию выделения общего регионального образа персонажа – с опорой на такие критерии, как описанные в текстах рост персонажа, наличие одежды и шерсти, покрывающей тело, мужской или женский пол, предполагаемая среда обитания, владение / невладение человеческой речью и проч. На основе проведенного исследования наиболее яркой характеристикой «дикого человека» Кавказа, отличающей его от схожих персонажей других традиций, исследовательница называет «топорогрудость», наличие торчащего из его груди острого лезвия или костяного выступа.

Рассматривать образы «дикого человека» конкретного региона продолжил Р.Ф. Пятаев (РГГУ, ИМЛИ, Москва), обратившийся к памирской традиции. В докладе «Памирская специфика дикого человека» он остановился на истории обсуждения проблемы «дикого человека» в СССР, на работе В.Б. Поршнева и возглавляемой им комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». С участием комиссии в 1958 г. подготавливалась и проводилась экспедиция на Восточный Памир, в которой были записаны нарративы о «диком человеке» у представителей разных народов, чьи поселения находились по маршруту следования экспедиции, стартовавшей в г. Ош (Киргизия). На основе исследованных памирских материалов Комиссии Р.Ф. Пятаев выделил ряд основных тем легенды о «диком человеке», к которым отнес следующие: встреча с «диким человеком»; обнаружение следов его присутствия; происхождение дикого человека. При этом докладчик отметил, что две первые темы оказались в данном регионе доминирующими в нарративах о «диком человеке».

Образ «дикого человека» на материале восточноазиатской традиции рассмотрела А.В. Аданькина (РГГУ, Москва). В докладе «Попытка типологизации китайского “дикого человека”» исследовательница обозначила три основных для региона типа данного персонажа: человекоподобное животное; одичавший человек; волосатая дева. Доминирующим в регионе среди названных типов А.В. Аданькина признает первый – его образ, хоть и имеющий звероподобные черты, отличается подчеркнутой антропоморфностью (в частности, персонаж умеет разговаривать, что отличает его от образов «диких людей» в других традициях). Основное (и часто единственное) различие типов «человекоподобное животное» и «одичавший человек» заключается в происхождении этих существ: за типом «одичавшего человека» признается изначально

² Научный коллектив, занимающийся фольклорными нарративами о «диком» человеке, выделил ряд базовых для этого персонажа характеристик, в разной степени проявляющихся в разных традициях.

человеческая природа. Наиболее демоноподобным из выделенных типов является «волосатая дева», которая, убежав от людей в лес и питаясь сосновыми иглами, обрастает волосами и обретает сверхчеловеческие силы, такие как долголетие и возможность быстро перемещаться. Исследовательница особо отметила, что этот сюжет нетипичен для китайской традиции, но подобный образ «дикого человека» распространен в других регионах, в частности в ближневосточном.

Выступление *М.Г. Белодедовой* (РГГУ, Москва) было посвящено образу «дикого человека» в ненецкой фольклорной традиции, основанное на собственных полевых материалах, записанных в г. Салехард и с. Яр-Сале Ямalo-Ненецкого автономного округа в декабре 2024 г. В докладе «Ненецкий “снежный человек”: экспедиционные заметки» исследовательница рассказала, что к образу «дикого человека» ненецкая традиция предположительно относит трех персонажей фольклора: *нгая тара*, *тунго* и «снежного человека», причем последний из них может выступать как в качестве перевода на русский язык наименования одного из ненецких фольклорных персонажей, так и в качестве самостоятельного персонажа. По предварительным данным, у *нгая тара* и «снежного человека» прослеживаются черты значительного сходства, тогда как *тунго* оказывается персонажем скорее фольклора, чем актуальной мифологии. В быличках о встрече в тундре с *нгая таром* или «снежным человеком», записанных в ходе исследования, выделяется мотив сумасшествия или тяжелой болезни человека, повстречавшего его, вообще характерный для образа «дикого человека», в том числе в сибирских традициях. В рамках исследования были выявлены и другие мотивы, часто встречающиеся в нарративах о «диком человеке» в разных регионах: в частности, мотив «похищения девушки диким человеком» и «пленение дикого человека» – в рассмотренной региональной традиции оба эти мотива оказались связаны с *тунго*.

Д.В. Громов (ЦИМО ИЭА РАН, Москва) также посвятил выступление анализу собственных полевых материалов. В докладе «Рассказы о лесных людях в Курганской области» он представил рассказы и мифологические нарративы, записанные в Белозерском и Шумихинском районах Курганской области и в Каргопольском районе Архангельской области в 2000 г., а также в Кологривском районе Костромской области в 2013 г. Нарративы, записанные в Каргопольском районе Архангельской области, по данным Д.В. Громова, довольно точно повторяют газетные публикации, посвященные появлению «снежных людей», якобы произошедшему там в 1990-е гг. Рассказы же, записанные в Кологривском районе Костромской области, исследователь охарактеризовал как

связанные больше с брендированием территории и привлечением туристов, чем с местной фольклорной традицией. Записи, сделанные в Курганской области, оказались, по мнению исследователя, в большей степени сопоставимы с описанием «диких людей» других традиций. Это прослеживается как по сюжетам и мотивам, которые появляются и в фольклорных текстах разных традиций (таким, как похищение персонажем девушки и появление у них потомства; встреча с «диким человеком» и следование за ним к его жилищу; запрет охоты на дикого человека и т. д.), так и по описанию самого персонажа, который в традиции связывается с образами «лешего» и «лешачих».

Тему исследования образа «дикого человека» в восточнославянской традиции продолжил В.А. Воробьев (РГГУ, НИУ ВШЭ, Москва). В докладе «“Дикий (снежный) человек” у восточных славян: перекрестки повествовательных традиций» рассматривалась проблема взаимовлияния разных повествовательных традиций: литературные произведения, тексты СМИ, мифологические нарративы и сказки. В восточнославянском материале пересекаются традиции не только повествовательные, но и региональные (докладчик отметил такие случаи на пограничьях украинско-польском, кавказско-русском, белорусско-польском и в Подляссье). Этнокультурное пограничье оказывается важным для формирования образа персонажа, а представления о «диких людях» оказываются связаны с этническими стереотипами. В дополнение к своему обзору исследователь рассмотрел фольклорных персонажей разных регионов, соотносимых с образом «дикого человека», обсудив их возможный генезис и влияние на них, с одной стороны, соседних традиций, а с другой – публикаций в СМИ и социальных сетях.

Конференцию завершило выступление Н.В. Петрова (РАНХиГС, РГГУ, Москва) с докладом «“Снежный человек” в русскоязычном сегменте соцмедиа». По материалам социальных сетей и мессенджеров (Вконтакте, Youtube, Telegram) исследователь проанализировал, какие темы пользователи связывают с представлениями о «снежном человеке». Данные социальных сетей и мессенджеров собирались с помощью «Медиалогии», позволяющей в архивированном массиве текстовых данных (постов, расшифровок, описаний и комментариев) производить поиск по выбранным ключевым словам, причем Н.В. Петров работал с наиболее актуальными данными – архивом последних пяти месяцев, предшествующих докладу (объем архива составляет 3500 сообщений). По этим данным, комментарии и посты о «снежном человеке» в названных соцсетях пишут в основном холостые мужчины возрастной группы 40–59 лет, имеющие

высшее образование. Наибольшее количество сообщений и постов на данную тему оказывается в соцсети ВКонтакте, ей уступает Youtube, за которым идет мессенджер Telegram; при этом вне зависимости от площадки чаще всего сообщения окрашены негативно. Н.В. Петров выделил ряд тематических групп, к которым можно отнести сообщения о «снежном человеке»: «юмор», «путешествия», «знакомство», «общение». Любопытно, что для пользователей русскоязычного сегмента соцмедиа референция к снежному человеку оказалась маркером больных тем: в рамках выражения недовольства используется конструкция «легче встретить снежного человека, чем...» (например, «ни разу не попасть на пьянку», «человека, который признает, что он чего-то не знает», «чиновника, живущего на одну зарплату», «дозвониться до данной структуры» и проч.). Проанализировав собранные данные, исследователь обозначил следующую классификацию фреймов референции к «снежному человеку» у пользователей исследованных соцсетей: свидетельские показания о встрече со «снежным человеком»; поиски следов; поиск редкого; сексуализированное насилие; уродливость и / или маргинальность (сравнение со «снежным человеком»).

Тезисы конференции размещены на сайте Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Fund, project № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>

Информация об авторе

Маргарита Г. Белодедова, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; belmargam@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-7184-6422

Information about the author

Margarita G. Belodedova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; belmargam@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-7184-6422

Научное издание
Фольклор: структура, типология, семиотика
Том 8 • № 4 • 2025

Дизайн обложки
M.E. Заболотникова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
M.E. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72806 от 17.05.2018
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 27.11.2025
Выход в свет 04.12.2025
Формат 60×90¹/16
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2274

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6, стр. 6
www.rsuuh.ru